

ВСЕГДА РАВНЯЕМСЯ НА ВАС, ФРОНТОВИКИ!

В преддверии знаменательной даты — 65-летия Великой Победы — слово «ветеран», пожалуй, одно из самых часто встречаемых в средствах массовой информации, в документах органов власти. Это не удивительно, ведь 9 Мая — это праздник всенародный, но всё же, в первую очередь, их торжество — ветеранов Великой Отечественной. Праздник со слезами на глазах, праздник с сединою на висках...

В ветеранских организациях внутренних войск МВД России этот день встречают почти полторы тысячи участников Великой Отечественной войны. Это — самые уважаемые наши сослуживцы. Естественно, все фронтовики преклонного возраста — бег времени не остановить. Но всякий раз, когда приходят они на наши ветеранские собрания, на другие мероприятия, проводимые в частях, мы поражаемся их беспредельному жизнелюбию, искренней открытости, горячему желанию отдать все свои знания и силы главному в их возрасте делу — военно-патриотическому воспитанию молодёжи.

У них есть чему поучиться всем нам: самоотдаче в службе, преданности своим войскам, организованности и дисциплине. Именно офицеры и генералы того, военного, поколения, давно ушедшие в отставку, но не растратившие командирской энергии и оптимизма, стали инициаторами коренного реформирования всей нашей работы.

Мы вместе порадовались, когда 26 марта прошлого года Министерством юстиции РФ была официально зарегистрирована ветеранская организация внутренних войск, объединившая в своих рядах более двадцати трёх тысяч человек. Согласитесь — это сила!

Причём сила влиятельная, способная активно работать на благо всех и каждого. Всем нам необходимо общение, знакомое по действительной службе чувство войскового товарищества, братского локтя. А кому-то из наших старших товарищей нужна и конкретная помощь — социальная, медицинская, материальная.

Работа ветеранских организаций в новом формате, в новых условиях проходит ещё период становления. И всё же лидеры — самые активные, самые массовые, самые творческие — уже определились. В ходе смотра-конкурса, объявленного Российским советом ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск, лучшими признаны межрегиональные ветеранские организации Сибирского регионального командования (председатель — Г.С. Воложанин), Центрального регионального командования (председатель — Н.А. Григорьев), Северо-Западного регионального командования (председатель — А.В. Брук).

Окончательные итоги этого своеобразного ветеранского соревнования будут подведены в июне, после того, как повсеместно пройдут мероприятия, посвящённые 65-й годовщине Великой Победы. Эта дата для всех нас рубежная. Будем чествовать фронтовиков Великой Отечественной и сверять по ним свой ветеранский шаг. «Афганцы», другие советские воины-интернационалисты, черномырты и ветераны боевых действий на Северном Кавказе — все мы обязаны принять эстафету поколений у наших отцов и пронести её с честью. Уходя в запас или отставку, ни один военнослужащий наших войск не должен остаться вне воинского коллектива, на обочине общественной жизни.

В канун 9 Мая будем докладывать фронтовикам о своих ратных делах. А они — народ дотошный, придирчивый, щепетильный, когда речь идёт о боевой истории внутренних войск.

В нашем ветеранском строю — четыре Героя Советского Союза, которых хочу сегодня назвать поимённо. В Казани живёт Сабир Ахтямович Ахтямов, в Санкт-Петербурге — Михаил Владимирович Ашик, в Москве — Пётр Евсеевич Браiko и Алексей Прохорович Волошин. Доброго им здоровья!

Ветеран — старый, опытный воин. Это не значит — списанный и ни к чему не годный. Ветеранские знания, мудрость, мастерство — бесценный клад для молодого поколения солдат правопорядка.

От всей души поздравляю наших ветеранов с 65-летием Великой Победы. Мира им, добра, удачи!

Пётр РОВЕНСКИЙ,
генерал-лейтенант запаса,
советник главнокомандующего
внутренними войсками
МВД РФ по работе с ветеранами,
председатель Общероссийской
общественной организации ветеранов
внутренних войск МВД России,
член редколлегии журнала

В службе честь!

НА Б ОЕВОМ ПОСТУ

журнал — лауреат
премии МВД России

Учредитель: МВД России

Издатель: Главное командование
внутренних войск МВД России

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.
тел.: (495) 361-82-57

Редакционная коллегия:
АЛЕКСЕЕВ К.А., АРТЮХОВ Е.А.,
архиепископ Ставропольский и Владикавказский
Феофан (АШУРКОВ И.А.), БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
БОЛТИКОВ В.В., ГРЕКОВ В.И., ДОЛОНИН Н.А.,
ДУРКАЧ Р.П., ДЮЛЬДИН С.А.,
ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н., КАЛИНИН В.В.,
КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного
редактора), КРЫСАНОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
МАКОВЕВ Т.К., МИХАЛЕВ А.Н. (зам. главного редактора),
НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора),
НОВОЖИЛОВ В.Ю., ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТЕЛИН Н.Н.,
ПОРТНОВ С.А., РОВЕНСКИЙ П.Н.,
СОРОКИН А.К. (ответственный секретарь),
СОФРОНОВ И.Е. (зам. главного редактора),
ТОНКОГОВ В.П., ЧЕПЯШЕВ С.К.,
ЭДОКОВ А.А., ЮРЧЕНКО С.П.

Дизайн БОЛТИКОВ В.В.

Вёрстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Отдел распространения и маркетинга
тел./факс: (495) 361-83-14
e-mail: nbp-market@yandex.ru

Финансовый отдел
тел.: (495) 361-83-85

Отдел рекламы
тел./факс: (495) 361-87-27
e-mail: reklamavvmvd@mail.ru

Типография
тел.: (495) 361-88-54

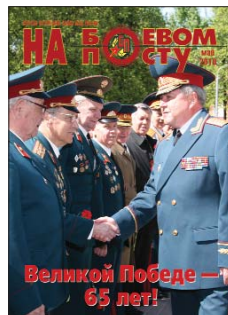
Сдано в набор 01.04.2010. Подписано к печати 26.04.2010.
Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 185.

Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: (495) 361-81-71
E-mail: vvpst2006@yandex.ru

© Журнал "На боевом посту", 2010

№ 5 (511)
май 2010

На 1-й странице обложки:

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

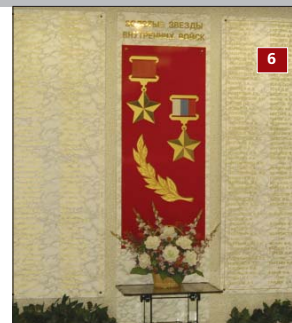
Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник
учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка
на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и лите-
ратурно обрабатывать принятые к
публикации тексты. Редакция может
публиковать материалы, не разде-
ляя точку зрения авторов. Рукописи
не рецензируются и не возвращают-
ся. За достоверность фактов, имён
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за до-
стоверность рекламных объявлений
— рекламодатели, за качество печа-
ти — типография. Переписка с чита-
телями ведётся только на страницах
журнала.

Индекс для подписки через
агентство "Роспечать" —

70 610

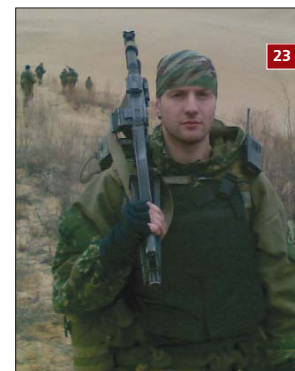
ГЕРОИ И ПОДВИГИ
**7 НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ
ЖИЗНЬ**

11 ТРИ ГОДА В РЕЙДАХ И БОЯХ

15 АТАКИ ЯРОСТНЫЕ ТЕ...

**19 ШЁЛ СОЛДАТУ В ТУ ПОРУ
ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД...**

НАСЛЕДНИКИ
23 ЖИЛ ТАКОЙ ПАРЕНЬ

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ
**30 СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ,
В АТАКАХ СРАЖАЛИСЬ
БЕССТРАШНО...**

НЕЗАБЫВАЕМОЕ
**35 МЫ НЕ МОГЛИ
НЕ ПОБЕДИТЬ!**

**39 ГЛАВНАЯ СОЛДАТСКАЯ
МЕДАЛЬ**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА **НЕГАСИМЫЙ СВЕТ ПОБЕДЫ**

4

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ
**42 В ТЫЛУ — КАК НА
ПЕРЕДОВОЙ**

БОЕВАЯ СЛАВА
**47 "ДЕРУТСЯ, НЕ ТРЕБУЯ СМЕН
И ЗАМЕН..."**

БЫЛ ТАКОЙ СЛУЧАЙ
51 ШТРАФНОЙ МАРШРУТ

ВЕРА
**54 СТАЛИНГРАДСКОЕ
ЗНАМЕНИЕ**

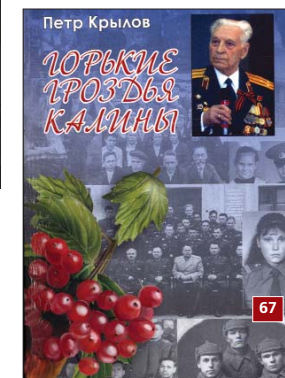
РЕЛИКВИИ
**56 ЧТОБЫ ЗНАЛИ,
ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...**

НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ
**60 СГУСТОК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
КРАСОТЫ**

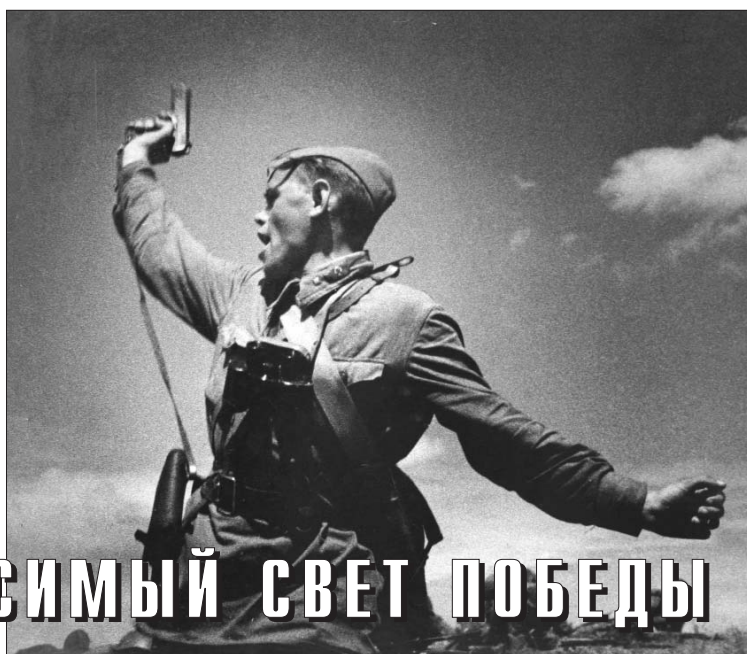
СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ
66 ГОРЬКИЕ ГРОЗДЬЯ КАЛИНЫ

ЛИТЕРАТУРА
**71 "КАК ПРОСТО НАЧИНАЕТСЯ
БЕССМЕРТЬЕ..."**

73 "...ЧТОБЫ ЖИЛИ ВЫ"

НЕГАСИМЫЙ СВЕТ ПОБЕДЫ

поработить, сделать из территории огромной страны колонию, сырьевой придаток Третьего рейха.

Многовековая история человечества не знала войны более кровопролитной и разрушительной. Враг лютвал. У тех, кто кованым сапогом ступил на нашу землю, ничего святого за душой не было. Фашисты не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Эти нелюди доглатывали деревни и сёла, превращали в руины города.

Но блицкриг с треском провалился. Да, оккупанты продвинулись далеко. До Волги захватчики дошли. Однако план молниеносной войны к тому времени давно пошёл прахом. Гигантская военная машина нацистской Германии стала выдыхаться и терять силы.

На борьбу с ненавистным врагом поднялся весь народ. Возмужавшая в боях Красная Армия перемалывала полки и дивизии вермахта. Не щадя крови и самой жизни, выполняли свои задачи на фронте и в тылу бойцы и командиры войск НКВД. На занятой противником советской территории воювали партизаны – и не отдельные отряды, а целые соединения. Приближая Победу, «дни и ночи у мартеновских печей не смыкала наша Родина очей».

«Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!» И в эту страшную войну сбылись пророческие слова великого полководца земли русской Александра Невского. Погнала наши войска фашистского зверя на запад и добила эту нечисть в её же логове.

Не померкнет в веках доблесть тех, кто дрался до последней капли крови в Брестской крепости, насмерть стоял у стен Москвы, горел в танке под Прохоровкой, под свинцовым ливнем форсировал Днепр и штурмовал рейхстаг. А сколько ещё было подвигов! Многие, многие тысячи. Геро-

изм был массовым. Потому и сломали хребет фашистской Германии.

А главный герой Великой Отечественной – простой русский солдат. Это он вынес на своих плечах всю неимоверную тяжесть 1418 дней и ночей войны. Это он на вздыбленной от разрывов снарядов земле прокладывал стрелы, что прочертили на штабных картах военачальники.

Бесконечно дорогой ценой далась нашей Родине Победа. Более 11 миллионов бойцов и командиров погибли на фронтах. Более 4 миллионов партизан отдали свою жизнь за Отечество. Около 6 миллионов граждан СССР оказалось в фашистском плену. А всего Советский Союз потерял за четыре огненных года около 27 миллионов человек.

Наш народ спас не только свою страну, не только Европу. Он всю планету уберёт – ведь Германия стремилась к мировому господству. Кроме СССР, никто не сокрушил бы Гитлера.

Не меркнет свет Великой Победы. Он придаёт силы сегодняшним защитникам Отечества. Воины внутренних войск хранят покой родной земли под стать фронтовикам, с той же отвагой, решимостью и верностью долгу.

Полковник
Андрей СОРОКИН

НА РАССВЕТЕ 22 июня 1941 года подмявшая под себя пол-Европы фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Для наших соотечественников пробил час тяжелейших испытаний.

Гитлеровцы и их европейские союзники (Венгрия, Италия, Румыния, Финляндия) обрушили на СССР колоссальной силы удар, который бы не выдержала ни одна другая страна, – мощь 192 дивизий, около 4300 танков и штурмовых орудий, почти пять тысяч боевых самолётов, 47,2 тысячи орудий и миномётов, 192 боевых кораблей. Агрессор действовал по плану «Барбаросса». Захватчики собирались нанести поражение Советскому Союзу в молниеносной войне (блицкриг). Фашисты намеревались уничтожить миллионы граждан СССР (для выполнения этой чудовищной задачи нацисты создали лагеря смерти), а оставшихся в живых

Глядя на убелённых сединами ветеранов, особое трепетное отношение мы испытываем к фронтовикам, на груди которых сверкает Золотая Звезда Героя Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны этого высокого звания были удостоены более 11 тысяч солдат и матросов, офицеров и генералов, партизан и подпольщиков. Каждый из них – гордость и слава нашей страны!

Увы, сегодня в живых их осталось немного. И с каждым годом становится всё меньше. Время берёт своё: даже самым молодым из Героев уже далеко за восемьдесят. Из почти трёхсот кавалеров Золотой Звезды, чья военная служба была в разные годы связана с внутренними войсками, до 65-летия Победы дожили всего четверо – Пётр Евсеевич Брайко, Алексей Прохорович Волошин, Михаил Владимирович Ашик и Сабир Ахтямович Ахтямов.

Фронтовики, несмотря на преклонный возраст, хранят воспоминания о своей

юности, опалённой огнём великих битв и боёв местного значения, о друзьях и командирах, павших и тех, кому посчастливилось дожить до победного мая 1945 года. О войне, о том, какими неимоверными усилиями была достигнута победа над врагом, они всегда готовы рассказать молодым офицерам и солдатам – наследникам и продолжателям славных боевых традиций.

В праздничном номере журнала, полностью посвящённом юбилею Великой Победы, мы решили ещё раз предоставить слово нашим Героям. Кто-то из читателей уже знаком с их подвигами, а кто-то узнает впервые, откроет ранее неизвестные ему эпизоды Великой Отечественной. И проникнется ещё большим уважением к этим людям, целому поколению, отстоявшему в жестоких сражениях свободу и независимость нашей Родины. Поколению победителей...

Доблесть героев былых времён вдохновляет на подвиги нынешних защитников Отечества.

Алексея Прохоровича Волошина, ветерана прославленной 10-й дивизии войск НКВД, Героя Советского Союза, кавалера орденов Ленина, Красного Знамени, Золотой Звезды, Отечественной войны I степени, а также высшей военной награды США – Серебряной Звезды, наши читатели хорошо знают по многочисленным публикациям. Недавно редакция журнала «На боевом посту» сердечно поздравила Алексея Прохоровича с 90-летием.

Когда ведёшь разговор с этим удивительным человеком, восхищаешься его жизненным и скромностью. Звучат простые слова ветерана о непростой фронтовой судьбе... Мечтал быть инженером – стал артиллеристом; учился управлять огнём 203-мм гаубицы, но всю войну командовал орудиями меньшего калибра; ходил в штыковую, перенёс множество ранений...

Несмотря на преклонный возраст, полковник в отставке Алексей Прохорович Волошин по-прежнему полон бодрости, оптимизма, а острота его памяти могут позавидовать и молодые лейтенанты.

Он помнит множество эпизодов из своей боевой юности: трагичных, суровых, а порой – и комичных. О некоторых из них ветеран рассказал корреспонденту нашего журнала...

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

– Алексей Прохорович, как вы, студент гражданского вуза, третьекурсник мехфака, стали офицером-артиллеристом?

– Это произошло не вдруг. Сразу после известия о начале войны я и многие мои однокурсники пошли записываться добровольцами, но на фронт нас не отправили, а определили на ускоренные курсы в Одесское артиллерийское училище. За полгода мы должны были освоить множество специальных дисциплин, чтобы стать командирами батарей 203-мм гаубиц. Учеба давалась легко, ведь у меня за плечами были уже три курса механического факультета. В училище мне с первых дней прозвище дали – Инженер.

Но натасканы мы были лишь в теории, а настоящей артиллерийской, боевой практики ещё не ведали. Как, например, собрать одно исправное орудие из двух-трёх повреждённых? Осваивали и такие премудрости.

Пройти ускоренный арткурс было очень сложно. Курсантский день насыщен до преде-

ла: с 7.30 до 22.00, четырнадцать часов занятий с перерывами на обед и ужин. Перед отбоем один час личного времени для написания писем родным. Все полгода без выходных и увольнительных.

Наряд на службу казался нам наградой: точная пауза в учёбе!

За шесть месяцев мы должны были постигнуть и теорию стрельбы, и способы ведения огня в различных условиях и на различной местности, и всевозможные варианты выходов на огневую позицию, её оборудование, и устройство орудия, и систему заряжания, и разновидности зарядов. Вместе с этим назубок знать материальную часть орудия, способы прицеливания, поправки на стрельбу при всяких погодных условиях. В общем, всё, что на фронте позволит быть на ты с девятитонной громадиной, которую могли сдвинуть с места только два трактора ЧТЗ, которая посылала снаряды на 18 с половиной километров и уже одним своим внешним видом приводила в трепет.

Артиллеристы
войск НКВД.
1942 год

По окончании курса, уже лейтенантом в феврале 1942 года я был направлен в 54-й тяжёлый артполк на Юго-Западный фронт.

– Там и приняли боевое крещение? Как это произошло?

– Обычно принято рассказывать о победах артиллеристов над танками. Но свой первый результативный боевой выстрел я произвёл летом 1942 года из 152-мм гаубицы не по танкам, а по немецкой грузовой машине с пехотой. Показалась она на другом берегу реки, и командир дал “добро” на открытие огня. Выделил, правда, всего один снаряд. Боеприпасы мы тогда очень экономили. Я не подвёл – сразу попал! Так что с первого выстрела появился и боевой счёт, первый опыт, говоря официальным языком, борьбы с небронированными целями и пехотой противника.

И первый вражеский танк я подбил без особого труда. Произошло это у переправы под Черниговом, где скопилась немецкая техника. Бронированная машина от попадания сразу вспыхнула: танки у немцев работали на бензине и загорались, как факелы, стоило пробить броню.

Только вот отпраздновать по фронтовому открытию учёта унич-

тоженным танкам мне не удалось. Комполка и начальник артиллерии на радостях от моего попадания опрокинули по чарочке, а меня оставили на улице: отменяй, мол, лейтенант студёной водичей, у которой танк и подбил...

За шесть месяцев мы должны были постигнуть теорию стрельбы, и способы ведения огня в различных условиях и на различной местности, и всевозможные варианты выходов на огневую позицию, её оборудование, и устройство орудия, и систему заряжания, и разновидности зарядов.

– Как фронтовая судьба связала вас с 10-й стрелковой дивизией войск НКВД?

– Достаточно прозаично. В дивизии не было по штату артподразделений, так как она охраняла промышленные объекты в Сталинграде. А когда начались бои за город, командование фронта решило уси-

лить дивизию артиллерией. Поэтому из нашей 62-й армии в августе 1942 года туда перевели начальника артиллерии майора Цыганова, а тот, в свою очередь, попросил разрешения взять с собой трёх самых толковых командиров батарей. Одним из них оказался я...

В дальнейшем я так и остался верен этому соединению, возвратился в него после ранения, когда дивизия была передана в Красную Армию и стала называться 181-й ордена Ленина. Под её знамёнами заслужил в боях звание Героя Советского Союза.

– Алексей Прохорович, как сражалась ваша батарея на подступах к Сталинграду и в самом городе?

– Под Сталинградом практически все артиллерийские расчёты комплектовались из остатков отступающих частей, так что в них порой оказывались и женщины. Новоиспечённые “артиллерист-девички” вели бой с врагом наравне с мужчинами, мужественно отбивали и пехотные, и танковые атаки... Выполняли они, понятно, только посильную работу, многокилограммовые снаряды не таскали.

Когда бои шли на окраинах Сталинграда, моей батарее приходилось вести огонь по немецким танкам. А вот в самом городе танки уже продвигаться не могли: все улицы были завалены и перегорожены об-

ломками зданий. Немцы бомбили почти непрерывно, именно осколком авиационной бомбы я и был ранен. Грохот разваливающихся домов стал для нас таким же привычным звуком, как свист бомб и пуль.

Во время уличных боёв в Сталинграде моя батарея, хотя снарядов уже было вдоволь, стреляла редко, в основном по огневым точкам и скоплению немецкой пехоты.

– Вы упомянули о своём окончательном ранении при обороне Сталинграда. Что было потом?

– После ранения в ногу меня долго везли в медсанбат, переправляли через Волгу... Прошло более суток, хотели даже ампутировать, но обошлось.

Хирурга, готовящегося к операции, скорее всего, убедила моя неслучайная фраза. Я взял за табельное оружие и пригрозил: “Если ногу отрежете, сам застрелюсь, а потом и вас застрелю!” Угроза выстрела с того света, видимо, была сильным аргументом!

Мне наложили сплошную гипсовую повязку, так как осколок задел кость, и направили долечиваться в госпиталь в Саратов. Всю дорогу нога безжалостно чесалась. Когда в госпитале стали гипс вскрывать, я попросил жалобным голосом: “Очень чешется! Протрите хоть водичкой!” Врач глянула на мою рану и вскрикнула: “Ой, а ты, лейтенантик, счастливый! Глянь,

Обычно принято рассказывать о победах артиллеристов над танками. Но свой первый результативный боевой выстрел я произвёл летом 1942 года из 152-мм гаубицы не по танкам, а по немецкой грузовой машине с пехотой. Показалась она на другом берегу реки, и командир дал “добро” на открытие огня. Выделил, правда, всего один снаряд. Боеприпасы мы тогда очень экономили. Я не подвёл – сразу попал!

какие у тебя черви завелись. Они появляются только там, где нет гангрены!”. В общем, выходили меня, вылечили, вернули в строй.

– Кроме боя, что было самым тяжёлым для артиллериста на войне?

– Переправа через реки. Форсирование водной преграды для пуш-

Воины 10-й дивизии войск НКВД
в перерыве между боями.
Сталинград, 1942 год

карей вообще штука непростая, а для тех, у кого тяжёлые орудия – особенно ответственное и трудоёмкое испытание. Помню, правый приток Днепра мы форсировали в самую лютую зиму, в декабре 1942 года. Артиллерию переправляли на подручных средствах: связывали в плоты двери и брёвна, выломанные

мол, как командир умеет! – вцепился зубами в ледяной узел, рванул... А внутри верёвки – укрепляющая металлическая нить! Нижний зуб так и разлетелся. Зато теперь могу сказать честно: гаубицу из реки зубами вытащил!

А если серьёзно, то через большие глубокие реки с высокой волной, через тот же Днепр, тяжёлую артиллерию переправляли исключительно на катерах, паромах с буксирами и по наплавным понтонным мостам.

– В сорок третьем вы командовали уже батареями противотанковых орудий. И борьба со стальными громадинами стала вашей основной задачей. Как удавалось справиться с этим непростым делом?

– Лобовую броню тяжёлого немецкого танка наши пушки не брали. Поэтому “тигров” мы били только в бок кумулятивными снарядами. Ну а чтобы такая опасная бронированная цель повернулась к батарее боком, нужно либо скопление и остановка техники, напри-

С генерал-майором
А.А. Сараевым,
командовавшим в Сталинграде
10-й дивизией войск НКВД

мер, у переправы, либо отвлекающий огонь со стороны. Что бойцы нашего батальона с успехом и организовывали. «Тигры» поворачивали на огонь, подставляли борта, и тут свой огонь открывала моя батарея... Был ещё один способ: наводили по одному танку сразу два или три орудия и били залпом. В этом случае тоже удавалось проламывать крупнокалиберную броню.

Золотую Звезду я получил за пять подбитых немецких танков в бою за Чернигов. Через неделю со своей батареей уничтожил ещё одиннадцать машин, из них два «тигра». После этого на меня ушло второе представление на звание Героя.

Но вместо второй золотой я получил Серебряную Звезду – высшую воинскую награду Соединённых Штатов Америки, которой президент союзной державы удостоил меня и ещё трёх Героев Советского Союза. Это, как вы понимаете, во многом было политическое решение.

– Алексей Прохорович, знаменитый Парад Победы в июне 1945 года символизировал для всего мира победоносное завершение войны с гитлеровской Германией. Расскажите о вашем участии в этом торжестве.

– После встречи Героев-артиллеристов с Главным маршалом артиллерии Н.Н. Вороновым я был рекомендован к поступлению в Артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского и поступил достаточно легко. Как слушатель академии участвовал в двух парадах на Красной площади – 7 ноября 1944-го и 1 мая 1945 года. Это стало хо-

Золотую Звезду я получил за пять подбитых немецких танков в бою за Чернигов. Через неделю со своей батареей уничтожил ещё одиннадцать машин, из них два «тигра». После этого на меня ушло второе представление на звание Героя. Но вместо второй золотой я получил Серебряную Звезду – высшую воинскую награду Соединённых Штатов Америки,

рошей тренировкой перед Парадом Победы, на котором я был не просто участником, а знаменосцем академии. Почему выбор пал на меня? Тоже интересный момент. В академии тогда учились два Героя Советского Союза – я и Гальперин, замечательный офицер, прекрасный спортсмен. Но в знаменосцы выбрали меня. Как объяснили, за более славянскую фамилию.

24 июня, в день парада, было на удивление холодно. Ветер, морось почти со снегом. В ожидании мы все буквально заledenели. Но гря-

нула музыка, маршал Рокоссовский проскакал вдоль парадных коробов на вороном коне. В первой линии стояли сводные полки всех фронтов, во второй – академий, а затем уже дивизий. И вот на белом коне появился маршал Жуков. Когда он поравнялся с нашим строем, все, конечно же, хотели взглянуть молодцами, тянулись, потом, после поздравления, во всё горло до хрипоты кричали «Ура!». Радость была: самого маршала Жукова увидели!

Затем началось прохождение. Шагали, старались, хотя по брусчатке идти непросто. Грудь распирало от гордости и счастья: Парад Победы, увижу Сталина! Шагаю, смотрю вправо: где? У каждого на устах: «Сталин... Сталин!» Слова сами вырываются. А он улыбается, машет рукой... Кажется, он лично мне машет...

Когда закончилось прохождение, всех Героев собрали невдалеке от Васильевского спуска. Смотрю, стоят полковник Покрышкин, майор Кожедуб, другие знаменитые герои войны... Объявляют, что завтра все приглашены в Кремль на торжественную встречу. И мне тогда после Парада Победы на всю жизнь запомнились слова легендарного лётчика Александра Пок-

рышкина: «Вы – герои. Гордитесь этим, но не знавайтесь. Вокруг вас солдаты и офицеры, тоже совершившие не менее героические деяния, но по тем или иным причинам Золотых Звёзд не получившие... Поэтому спрос с вас на всю оставшуюся жизнь гораздо более строгий!»

★
Подготовил полковник
Александр КРЫСАНОВ
Фото из архива редакции

Герой Советского Союза Пётр Евсеевич Брайко – человек удивительной судьбы. Боевое крещение принял 22 июня 1941 года, на границе. В жестокой схватке с врагами из всего личного состава заставы чудом уцелел он один. Три года воевал в легендарном партизанском соединении С.А. Ковпака, был командиром полка народных мстителей. Участвовал в семи рейдах и в 111 боях с карателями. Умело применял эффективные приёмы партизанской тактики – внезапные ночные вылазки, «блуждающие» засады, «звёздный манёвр» бесстрашного Дениса Давыдова.

Среди многочисленных наград Героя – ордена Ленина, Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I степени, польские ордена «Крест Грюнвальда» и «Партизанский крест».

После войны Пётр Евсеевич решил в полном объёме овладеть военной наукой, чтобы успешно идти по командирской стезе. И добился своего. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Возглавлял крупное объединение внутренних войск.

Открыл в себе писательский дар. Из-под его пера вышло более двадцати книг о героях-партизанах, о выдающихся людях из поколения победителей.

ТРИ ГОДА В РЕЙДАХ И БОЯХ

– Пётр Евсеевич, где застала вас Великая Отечественная?

– На границе. В первый же день войны шестьдесят бойцов 13-й погранзаставы 97-го погранотряда в 4.00 вступили в схватку с вражеским полком. Все пограничники погибли. Один я каким-то чудом тогда уцелел и смог выбраться к своим.

Затем, уже в составе 4-го стрелкового полка войск НКВД СССР имени Дзержинского, мне выпало оборонять столицу Украины. По приказу командования Юго-Западного фронта наш полк вместе с пограничными частями должен был обеспечивать прорыв из окружения 21, 5, 37, 26 и 38-й армий. С задачей мы справились, но сами так и остались на захваченной врагом земле. После боя у станции Барышевка из всего полка в

живых нас осталось всего четверо. Двигались к линии фронта, но у села Вороньки, что на Черниговщине, нарвались на немецких автоматчиков. Дальше – дарницкий лагерь для военнопленных, из которого нам, правда, удалось ускользнуть уже на следующий день. И снова долгий и полный опасностей путь к фронту по оккупированной территории.

– А как началась ваша партизанская жизнь?

– На Сумщине мы вышли на след одного рейдового партизанского отряда, а затем догнали его. Командовали партизанами два участника Гражданской войны, мудрые и храбрые люди: Сидор Артемьевич Ковпак, впоследствии генерал-майор, дважды Герой Советского Союза, и Семён Васильевич Руднев, тоже ставший ге-

нерал-майором и Героем Советского Союза – посмертно. Спустя полгода в этот отряд, который уже вырос до крупного соединения, прибыл из Главного разведуправления Красной Армии третий не менее талантливый и инициативный человек – Пётр Петрович Вершигора. Позже он также станет генерал-майором, Героем Советского Союза.

В этом уникальном соединении я сражался до конца 1944-го. За три года войны мы совершили семь рейдов по захваченной врагом территории. Сначала я командовал ротой, потом батальоном и полком, лично участвовал в ста одиннадцати крупных боях. Примечательно, что в ходе них потери с нашей стороны были минимальные. Помогали всегда партизанская смекалка и её величество мест-

В лесном штабе

ность. На войне местность – главный помощник, а иной раз и спаситель. Только её надо уметь правильно оценить и использовать.

– Как небольшим по численности партизанским соединениям удавалось противостоять карательным войскам СС?

– Первым на Тернопольщину прибыл и оказался на пути нашего соединения 4-й полк СС. Его-то мы и разгромили в селе Раштовце Гусятинского района в ночь на 13 июля. Внезапной атакой Кролевещкий отряд уничтожил около сорока автомашин и более двухсот пятидесяти гитлеровских солдат и офицеров. После наших успехов оккупанты из кожи вон лезли, чтобы не пропустить партизан в Карпаты к добычей нефти. Трижды – на реках Днестр, Ломнице и в районе села Росульня – они пытались окружить наше соединение и уничтожить. Но мы разгромили врага и прорвались в горы.

Наконец обергруппенфюрер СС Крюгер, назначенный Гиммлером командовать карательными спецподразделениями, собрал почти шестидесятитысячную армию и сразу же начал операцию, стремясь окружить и уничтожить партизан Ковпака, которых тогда насчитывалось всего полторы тысячи. Таким образом, на каждого из нас приходилось по сорок фашистских головорезов.

Гитлеровские же генералы полагали, что в горы прорвалась двадцатитысячная партизанская армия во главе с генералами Ковпаком и Рудневым.

Сначала немецкие полки, специально обученные для ведения боя в горно-лесистой местности, атакова-

Командир полка партизанской дивизии
Петр Брайко.
Фото военных лет

ли нас со стороны Надворной, вдоль реки Быстрицы-Надворнянской в направлении сёл Пасечна и Зелена. И речи не могло идти о том, чтобы организовать оборону по обычному, классическому образцу. Остановить

двумя сотнями бойцов три полка с танками, которых поддерживает артиллерия и, не исключено, авиация, было просто невозможно. Требовалось придумать что-то особенное.

Шоссеика перед самым въездом в ущелье несколько раз пересекала реку Быстрицу-Надворнянскую. Мосты и надо было взорвать, чтобы каратели не могли использовать против нас танки. Что же касается пехоты, то с ней мы собирались воевать способом “блуждающих засад”, когда противник начнёт входить в ущелье походными колоннами.

Так и сделали. Ночью все мосты на дороге Пасечна-Зелена наши сапёры ликвидировали. Утром полки Крюгера двинулись в наступление. Как и предполагалось, танки им пришлось оставить перед самым ущельем. Теперь мы ждали врага спокойно, сидя в каменных укрытиях, приготовленных для нас самой природой.

Проехали вражеские разведчики. Их мы не тронули. Вскоре показалась первая колонна численностью около пехотного батальона. Постепенно она втягивалась в партизанский мешок. Её расстреляли в самом начале горного ущелья. Для этого потребовалось четверть часа. Каратели даже не успели сделать ни одного ответного выстрела. Прекратив огонь, мы сразу незаметно отошли на километр-полтора в глубь ущелья, на новый рубеж, на прежнем оставили только наблюдателей, чтобы те следили за действиями противника.

Со следующей колонной мы также расправились минут за пятнадцать. Потом снова отошли в глубь ущелья. Наступать более двух раз за день эсэсовцы не успевали.

Так продолжалось три дня. Последнюю засаду мы устроили карателям снова на первом рубеже, этого они уже никак не ожидали. Поэтому нам удалось опять уничтожить их в походной колонне. Тогда мы расстреляли семь вражеских батальонов. Наши потери составили четыре человека.

– Пётр Евсеевич, а как ваше партизанское соединение завершило легендарный карпатский рейд?

– Увы, забравшись высоко в горы, мы лишились дорог. Двигались только по козым тропам. Пришлось бросить обоз, взорвать артиллерию, а оставшиеся боеприпасы, взрывчатку и раненых взылать на собственные плечи.

Утром 3 августа Крюгер приказал нанести по ковпаковцам, окружённым на горе Синичка, удар с воздуха химическими бомбами, а после прочесать весь район.

Однако вечером 2 августа нашим разведчикам удалось обнаружить цель во вражеском кольце. Ночью соединение незаметно выскользнуло из него и, совершив тридцатикилометровый марш, вышло к городу Делятин.

3 августа фашистские лётчики сбросили химические бомбы на гору Синичка. Генерал Крюгер поспешил доложить Гиммлеру о победе над партизанами. Но, как после выяснилось, удар пришёлся по его же войскам, которые в это время начали прочёсывать блокированную местность, чтобы окончательно ликвидировать на ней партизан.

Стремясь вырваться из двойного вражеского кольца, командование партизанского соединения решило в ночь на 4 августа атаковать противника в городе Делятин. Там обосновался со своим штабом сам Крюгер, его охранял батальон эсэсовцев. Но главное – в городе находился мост через своенравную горную реку Прут.

И вот к часу ночи головной Путивльский и Шалыгинский отряды с севера, а наш Кролевещкий – с юго-запада без шума подошли к окраине города и внезапной атакой за полчаса овладели им. Гарнизон противника был уничтожен полностью. Крюгеру удалось в одних трусах вскочить в стоявший у окна броневик и удрасть из города, оставив нам на память свои брюки с генеральскими лампасами.

Захватив Делятин, мы перешли Прут, взорвали все мосты на шоссе и железных дорогах, проходивших через город. Необходимо было, как того требовал приказ, тут же уходить на север.

Первой из Делятина в Заречье ушла рота Фёдора Карпенко, очень надёжного командира. Она-то и встретила на восточной окраине Заречья немецкий горно-стрелковый полк, спешивший на помощь Крюгеру.

Жестокий бой с тем полком и другими частями немцев, подошедшими следом, длился больше часа. Ковпаковцы уничтожили около тысячи фашистских солдат и офицеров, танк, две бронемашин, восемьдесят пять автомашин, захватили большие трофеи. Но в этом неравном бою погиб наш любимый комиссар Руднев.

Уходили в поход партизаны...

К исходу 5 августа гитлеровцам вновь удалось окружить наше соединение в лесу между Ланчином и Железным Потоком. Пётр Петрович Вершигора предложил применить “звёздный манёвр” знаменитого партизана 1812 года Дениса Давыдова. Благодаря этому мы ночью незаметно выскользнули из вражеского кольца семью самостоятельными отрядами-“лучами”. Каждый из них прошмыгнул в назначенный ему район, где затаился до ухода карателей с гор.

1 октября 1943 года в Полесье закончился беспримерный карпатский рейд партизанского соеди-

тского Союза. Пятьсот девятнадцать партизан были награждены орденами и медалями.

– Думается, логическим завершением нашего разговора в канун 65-летия Великой Победы мог бы стать рассказ о самом боевом и результативном рейде партизанской дивизии С.А. Ковпака в тыл группы гитлеровских армий “Центр” и о вашем участии в этих боях.

На Сумщине мы вышли на след одного рейдового партизанского отряда, а затем догнали его. Командовали партизанами два участника Гражданской войны, мудрые и храбрые люди: Сидор Артемьевич Ковпак, впоследствии генерал-майор и дважды Герой Советского Союза, и Семён Васильевич Руднев, тоже ставший генерал-майором и Героем Советского Союза – посмертно. Спустя полгода этот отряд уже вырос до крупного рейдового соединения...

Родина высоко оценила подвиг ковпаковцев. Командир соединения Сидор Артемьевич Ковпак за этот рейд был удостоен второй Золотой Звезды Героя Советского Союза, комиссару Семёну Васильевичу Рудневу посмертно присвоено звание Героя Со-

– Вечером 28 июня мы вышли к очень важной шоссеиной дороге Бобруйск-Брест. По ней сплошной рекой катилась на запад пятислойная колонна немецких войск. Западные местечка Синява партизаны ударили по врагу из леса практически в упор из пушек, противотанковых ру-

жей, пулемётов и автоматов на четырёхкилометровом фронте. Гитлеровцы замечались, видимо, решив, что их уже обогнала Красная Армия, повернули обратно на восток и попали под удар наших регулярных частей.

А партизанская дивизия двигалась вдоль реки Неман на северо-запад. Пересекая шоссейные, грунтовые и железные дороги, мы громили колонны отступавших завоевателей, захватывали много вооружения, боеприпасов, различного военного имущества.

3 июля наш партизанский полк расположился на днёвку в уютной деревеньке Лядки, окружённой безразличием. В полдень ко мне примчался вспотевший от жары смуглолицый чернобрый командир разведотряда лейтенант Осипчик:

— Товарищ комполка! На том берегу Немана в Налибощкой пуще много немецких войск. В Яремичах они строят переправу. Мост уже почти готов, скоро начнут переправляться...

Место, которое мы выбрали для засады, оказалось на редкость удачным. Почти параллельно дороге, идущей на Яремичи, до самого Немана тянулся глубокий овраг с густым кустарником по склонам.

— Отличное укрытие и маскировка, — радовались мои комбаты, размещая пушки, противотанковые ружья, пулемёты. На обочине дороги установили противотанковые мины.

Показалась вражеская колонна. Противник двигался не спеша. Три-четыре «тигра», две крытые машины с пехотой, опять три-четыре танка, за ними снова несколько машин с пехотой. Глядя на такое скопление техники, я невольно подумал: «Они могут нас передавить как котят. Но всё равно мы должны их остановить!»

Наконец со стороны, где залегли бойцы 1-го полка, раздался взрыв противотанковой мины. В следующее мгновение на двухкилометровом фронте ударили пушки, ПТРы, пулемёты и автоматы двух партизанских полков, каждый из которых по своей численности равнялся пехотному батальону.

Немецкие «тигры» развернулись и поползли на нас. Но они сразу напоролась на мины. Воспользовавшись этим, комбаты Цымбал и Берсенева отвели своих людей в овраг и оттуда продолжили вести огонь по врагу.

На параде Победы.
9 мая 2009 года

Жестокий бой с тем полком и другими частями немцев, подошедшими следом, длился больше часа. Ковпаковцы уничтожили около тысячи фашистских солдат и офицеров, танк, две бронемшины, восемьдесят пять автомашин, захватили большие трофеи. Но в этом неравном бою погиб наш любимый комиссар Руднев.

«Да, кажется, не на того зверя мы замахнулись», — мелькнуло у меня в голове. Но вдруг вражеские машины начали поворачивать обратно в Налибощкую пущу. Наша партизанская задумка оказалась все-таки правильной.

В тот день два небольших партизанских полка, всего около тысячи бойцов, ухитрились завернуть в На-

либощкую пущу и задержать на двое суток на Немане 7-ю и 20-ю танковые, а также 4, 6, и 9-ю пехотные дивизии, входившие в состав 4-й и 9-й армий фашистов. Вскоре подошла конно-механизированная группа генерала Плиева. Так завершилось окружение группы гитлеровских армий «Центр» в Белоруссии.

В той засаде наш 3-й партизанский полк уничтожил десять танков, пять броневиков, тридцать шесть машин, восемьсот вражеских солдат и офицеров, большое количество боеприпасов.

Такова была эффективность высокоманевренной тактики, выработанной тремя нашими легендарными партизанскими командирами — Ковпаком, Рудневым и Вершигорой. Вот почему гитлеровцы после таких боёв оставляли на дорогах таблички, предупреждая свои войска: «Форзих-тиг, Кольпак!» («Осторожно, Ковпак!»).

★
Подготовил полковник Александр КРЫСАНОВ
Фото из архива редакции

Он с детства мечтал о море, грезил дальними походами. Но его планы нарушила война. Михаилу Владимировичу Ашику, пережившему первую, самую суровую блокадную зиму и вывезенному из осаждённого Ленинграда, довелось сражаться на многих фронтах. Он освобождал Одессу и Севастополь, с боями прошёл Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. Был трижды ранен, удостоен многих наград, среди которых ордена Ленина, Красной Звезды, Богдана Хмельницкого III степени. 15 мая 1946 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тридцать лет — с 1947 по 1977 год — Михаил Владимирович служил во внутренних войсках. Командовал полком, был начальником штаба дивизии, заместителем начальника Высшего военно-политического училища МВД СССР. В июне нынешнего года — года 65-летия Великой Победы — Герою исполнится восемьдесят пять.

Но многие эпизоды военной юности настолько свежи в памяти ветерана, будто всё, что случилось с ним в далёкие уже сороковые, происходило вчера...

АТАКИ ЯРОСТНЫЕ ТЕ...

— Михаил Владимирович, как для вас, коренного ленинградца, началась Великая Отечественная?

— Я, как многие питерские мальчишки, бредил морем, поэтому в 1941 году поступил в Ленинградский морской техникум. Но началась война. На фронт нас по малолетству не призвали, но и учёбу пришлось прервать. Вместо занятий мы, несостоявшиеся мореходы, рыли окопы на подступах к городу, строили укрепления, дежурили на крышах домов, сбрасывали с них зажигалки. А после первой блокадной зимы в марте 1942 года меня эвакуировали по льду Ладожского озера на Большую землю. На меня тогда страшно было смотреть: привезли на Кубань живой скелет, иначе не назвать. Но постепенно откормился...

— А на фронт когда попали? Где довелось воевать?

— Уже в сорок третьем, в феврале, незадолго до восемнадцатилетия, меня призвали в армию. Сначала воевал в 387-й дивизии, в одном из боёв был ранен, попал в госпиталь.

После излечения отправили на офицерские курсы, после которых стал младшим лейтенантом, командиром взвода. И получил предписание прибыть в прославленную 83-ю бригаду морской пехоты. О лучшем распределении я не мог и мечтать!

Наша бригада освобождала Севастополь, Одессу, форсировала Днестр, отбила у фашистов Аккерман, ныне Белгород-Днестровский, вышла на государственную границу. Потом были бои в Румынии, Болгарии, где, к слову, наш батальон не потерял ни одного чело-

века. Позже довелось повоевать в Югославии, Венгрии, Чехословакии.

— В известной песне грудь советского солдата украшает «медаль за город Будапешт». На подходе к венгерской столице к вашим боевым наградам прибавились орден, а после штурма города — и та самая медаль...

— За успешные действия в бою под Дунапентели меня наградили орденом Богдана Хмельницкого III степени. В бою под Чепелем близ Будапешта был ранен. После излечения вернулся в свой батальон как раз в разгар сражения за город.

Бои за столицу Венгрии отличались крайней ожесточенностью. По накалу их мало с чем можно сравнить. Немцы, окружённые в Будапеште, принимали отчаянные по-

Братишки на привале

пытки вырваться из кольца. Все предложения советской стороны о капитуляции отвергались.

Рано утром 11 февраля 1945 года батальоны 83-й бригады морской пехоты пошли на штурм заминированной, опутанной проволочными спиралями железнодорожной насыпи, названной моряками дамбой. Штурм продолжался три дня. Вначале пал Пешт, часть города, расположенная на левом берегу Дуная. Буда ещё долго сопротивлялась. Но в конце концов пала и эта цитадель. За участие в штурме Будапешта я был награждён медалью «За отвагу».

– Морская пехота – это не только лихие атаки укрепленных позиций в лоб. Это ещё и десантирование на вражеский берег, захват и удержание плацдарма. Вам довелось участвовать в таких высадках, вести бой в тылу противника? Расскажите о самом памятном для вас десантном рейде.

– Он начался в ночь на 20 марта 1945 года. Бронекатерам с десантом предстояло прорваться через линию фронта, пройти вверх по Дунаю более 40 километров и высадить 536 морских пехотинцев в тылу немецкой группировки. Мы должны были перерезать дорогу,

идущую от Будапешта через Эстергом к Вене, закрепиться и в дальнейшем перекрыть отступление немцев, а также не дать подойти к ним подкреплению. С одной стороны дороги находились горы, с другой – Дунай. Фашистам деваться некуда. И чем прочнее будет наш заслон на дороге, тем надёжнее станет окружение вражеской группировки.

По расчётам командования поддержать десанту надо было не более суток. А раз так, то мы перед посадкой на катера освободились от буханок хлеба, банок с консервами. Вместо них набили вещмешки гранатами и коробками с патронами.

Бронекатера высадили нас на берег в установленном месте. Из морских пехотинцев сформировали десять групп. В мою, кроме автоматчиков, включили 45-миллиметровую пушку, два станковых пулемёта, три миномёта, шесть противотанковых ружей и отделение сапёров с противотанковыми минами.

Потом командир батальона прислал на нашу позицию, находившуюся на самом танкоопасном направлении – узкой полосе между Дунаем и дорогой – ещё два орудия. То есть отдал нам всю имевшуюся у десанта артиллерию.

С рассветом показались немецкие танки и пехота. Первые атаки мы отбили сравнительно легко. Три сорокаятки и шесть противотанковых ружей создавали плотный огневой щит. Ни одна бронированная

машина гитлеровцев не смогла приблизиться к нашей позиции: либо загорались, либо отворачивали.

После этого немцы начали накрывать десантников миномётным огнём, прямой наводкой расстреливать из орудий, поливать из пулемётов. К вечеру одна наша пушка оказалась уничтоженной, из шести противотанковых ружей осталось три. Но мы держались. К счастью, ночью к нам пробился десантный бронекатер, вывез раненых...

– Сейчас ходят легенды об офицерских штурмовых батальонах, которые использовали на самых тяжёлых участках. Довелось ли вам во время войны видеть эти подразделения в бою? Ведь морские пехотинцы тоже сражались именно там, где было особенно жарко.

– Перед выброской в немецкий тыл к нам пришли три лейтенанта, на поясах которых висели особые боевые ножи. Во время штурма Будапешта нам уже доводилось видеть офицеров с такими ножами, причём было их достаточно много. Оказалось, что это бойцы офицерского штурмового батальона. Попадали в это подразделение не те, кто был осуждён военным трибуналом за различные провинности, а офицеры, побывавшие в плену.

Такие батальоны формировались в специальных фильтрационных лагерях. Каждого прошедшего проверку, если было установлено, что он не сотрудничал с немцами, пропускали ещё через одно чистилище – офицерский штурмовой батальон. Тогда в уставе как было записано? «Ничто, даже угроза смерти, не должно заставить военнослужащего Красной Армии сдаться в плен...». Вот им и предоставлялась возможность кровью искупить вину перед Родиной. В красноармейских книжках у штурмовиков было записано «красноармеец-лейтенант», «красноармеец-майор», «красноармеец-полковник». А специально изготовленными ножами их вооружали потому, что в бою у них всегда дело доходило до рукопашной.

В том же Будапеште офицерский штурмовой батальон брал гору Геллерт, на которой стоит Королевский дворец. Перед атакой штурмующим было объявлено, что высоту надо взять одним броском, и что если во время атаки кто-нибудь ляжет

Севастополь наш!

на землю, тут же будет расстрелян на месте как трус и паникёр.

Сначала немецкие позиции обрабатывала наша авиация, а затем впереди наступающих пустили офицерский штурмовой батальон.

Это было зрелище не для слабонервных! В дурманящем пороховом угаре офицеры-штурмовики гранатами подавили все оставшиеся огневые точки. Никто из них, несмотря на плотный огонь, не залёг, не остановился, не повернул назад. А когда ворвались в траншеи и здания, пустили в ход ножи... После боя, прямо на вершине горы, всем оставшимся в живых офицерам-штурмовикам объявили, что они искупили перед Родиной все свои прегрешения.

И вот три лейтенанта из того офицерского штурмового подразделения пошли вместе с нами, морскими пехотинцами, в десант под Эстергом...

Кстати, нашему батальону в той операции было придано ещё одно необычное подразделение – 472-я морская штрафная рота лейтенанта П.Кирсанова, сформированная в Измаиле из моряков-черноморцев. В ходе подготовки к десанти-

Наша бригада освободила Севастополь, Одессу, форсировала Днестр, отбила у фашистов Аккерман, ныне Белгород-Днестровский, вышла на государственную границу. Потом были бои в Румынии, Болгарии, где, к слову, наш батальон не потерял ни одного человека. Позже довелось повоевать в Югославии, Венгрии, Чехословакии.

рованию штрафники нередко задирались с морскими пехотинцами. А в бою дрались в едином порыве.

Окопались они непосредственно на дороге, идущей от Эстергома в сторону Вены. Фронтом на восток, чтобы не допустить прорыва

немцев из окружения, заняла позиции рота лейтенанта И.Мазыкина. А фронтом на запад – штрафники, которые должны были не дать гитлеровцам прийти на помощь своим отрезанным частям. Не выдерживая любую роту натиска врага с фронта, другая будет тут же сметена ударом с тыла, раздавлена гусеницами прорвавшихся танков, безжалостно расстреляна вражеской пехотой. Так суровая военная действительность накрепко спаяла два подразделения моряков, насмерть сражавшихся на дороге спина к спине, прикрывая друг друга.

Оборудовав и замаскировав позиции, штрафники вышли на шоссе и обнаружили там кабель, смотали его и натянули поперек дороги, устроив что-то вроде ловушки-засады для мотоциклистов. И действительно, скоро показались два мотоцикла, на большой скорости идущих с включёнными фарами. По ним даже стрелять не пришлось... Едва успели убрать с дороги обломки мотоциклов и тела гитлеровцев, как

Об огнях-пожарищах,
о друзьях-товарищах...

показались три грузовика. Вот по ним уже открыли плотный огонь. Две машины остались на месте, а водитель третьей, развернувшись, понёс недобрые вести своему начальству.

А едва забрезжил рассвет, штрафную роту атаковали семь танков и автоматчики...

– Немецких солдат, особенно в кинофильмах, обычно изображают далеко не храбрецами. Ваш фронтовой опыт это подтверждает?

– Ни в коем случае. Дрались они умело и даже дерзко. Хладнокровие их иногда было удивительным.

Однажды на нас выринула вся в камуфлированных разводах самоходка. Остановилась метров за двести. Из-за кормы вышел офицер с биноклем. Кто-то палнул в него из карабина, но не попал. Немец даже ухом не повёл. Ничего себе ухарь! Фриц ещё раз посмотрел в бинокль и удалился за самоходную пушку. Она завелась и задним ходом ушла, так и не сделав ни одного выстрела.

– **Михаил Владимирович, у**

каждого, кто прошёл войну, навсегда остаётся в памяти самый жестокий и трудный бой – главный бой в его жизни. У вас был такой? Расскажите о нём.

– Он был многодневным. Всех подробностей сейчас уже не упомянуть, поэтому расскажу лишь о последних часах того боя. Утро, как всегда, началось с артиллерийского обстрела. Только он прекратился – загудели танки. А это значит, что надо взять в руки гранаты и ждать, не поднимая голову выше прошлогодней травы. Пока танки выходили на исходный рубеж для атаки, на нас обрушился шквал миномётного огня. У немцев такое взаимодействие – обычное дело. Умели они артиллерией, миномётами, танками бить в одну точку. В данном случае – по нашей десантной группе.

Миномётный обстрел стих, началась танковая атака. Точное попадание немецкого снаряда превратило в груды металлолома имевшуюся в нашем распоряжении сорокапятку. Расчёт орудия погиб в полном составе. Вслед за ним полегли два бронебойщика. У нас оставалось последнее противотанковое ружьё. Но мы продолжали держаться, желя в те минуты только одного – патронов.

Когда отбили атаку, из 65 человек нашей десантной группы в строю оставалось тринадцать, не

считая раненых.

С минуты на минуту мы ожидали, что немцы предпримут очередной штурм наших позиций. Но они неожиданно развернулись и... с поднятыми руками пошли сдаваться накатывавшемуся из-за гор сухопутному гвардейскому корпусу. Нам, морским пехотинцам, сдаваться в плен фашисты, видимо, не рисковали...

Через какое-то время на "Виллисе" примчался командир бригады полковник Смирнов. Не говоря ни слова, он принялся целовать наши грязные, прокопчённые физиономии. По его щеке катилась слеза. Комбриг стал осматривать место боя. Увидев сгоревшие танки, немецкие трупы, изрытую снарядами землю, растерзанные сорокапятки, он спросил, кто здесь командовал. Ему показали на меня. Полковник не стал слушать мой доклад, а просто обнял за плечи и назвал героем.

На следующий день он написал представление о присвоении мне этого звания.

Это и был мой главный бой.

Подготовил полковник*
Дмитрий ФЕДОРКОВ
Фото из архива редакции

Когда началась Великая Отечественная, Сабир Ахтямову не исполнилось и пятнадцати. Из родной деревни Верхний Искубаш Кукморского района Татарской АССР в первый день войны на фронт ушёл его отец, оставивший сына за старшего в семье. В сентябре сорок третьего в дом Ахтямовых пришла похоронка...

А в ноябре того же года солдатскую шинель надел и Сабир, которому едва минуло семнадцать. В составе 4-й гвардейской Смоленской мотострелковой бригады 2-го Тацинского танкового корпуса 3-го Белорусского фронта участвовал в освобождении Белоруссии, Прибалтики и Восточной Пруссии. За мужество и отвагу, проявленные в боях за населённый пункт Немерсдорф удостоен звания Героя Советского Союза.

С 1951-го жизнь Героя, кавалера орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны I степени, оказалась связанной с внутренними войсками, службе в которых он отдал двадцать один год, пройдя в саровском соединении по охране важных государственных объектов путь от замполита роты до командира полка.

Но каждый май Сабир Ахтямович вспоминает себя восемнадцатилетним. Таким, как нынешние солдаты, с которыми он встречается в День Победы...

ШЁЛ СОЛДАТУ В ТУ ПОРУ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД...

– Сабир Ахтямович, каждый ветеран, сколько бы лет ни прошло, всегда помнит свою первую встречу с врагом, свой первый бой. Каким он был у вас? Где это произошло?

– На Смоленщине. Так получилось, что воевать я начал именно в тех местах, где за полгода до моего прибытия на фронт погиб отец. Вроде как боевую эстафету у родителя своего принял...

Уже отстремели Московская и Сталинградская битвы, отпыхали бои на Курской дуге и Кавказе. Война откатывалась на запад. Но до её окончания было ещё ох как далеко!

Летом сорок четвёртого, когда я в составе маршевой роты прибыл на передовую, советские войска готовились к операции "Багратион". И мне, молодому бронебойщику, как и тысячам других солдат, довелось участвовать в ней с первого дня до последнего, пройти с боями через всю Белоруссию.

Одним из первых и наиболее памятных стал для меня бой за небольшое белорусское село Староселье. Именно на его окраине я подобрал из своего противотанкового ружья два фашистских танка. После этого появилась полная уверенность в своих силах, понял, что и я могу разить вра-

га. Можно сказать, что тогда я и состоялся как солдат. А когда спустя две недели мне на гимнастёрку прикрепили орден Красной Звезды, которого я был удостоен за тот бой и те сожжённые танки, тут уж, как говорится, и сам чёрт – не брат!

– До полной победы тогда оставалось совсем немного времени, настроение у наших солдат и офицеров было приподнятое. А у немцев? Они понимали, что война проиграна?

– Понимали, конечно. Но сопротивлялись отчаянно. Страшные бои нам пришлось вести за Минск. А когда вступили на землю Восточной Прус-

Бронебойщики на позиции

сии, гитлеровцы вообще дрались остервенело, контратаковали при любой возможности. На подступах к Кёнигсбергу наш гвардейский корпус вынужден был перейти к обороне, а потом и вовсе едва не попал в окружение. И это в сорок четвёртом году! Конечно, контрнаступление фашистов было агонией смертельно раненного зверя. Но нам тогда пришлось очень туго.

Нашему батальону выпало прикрывать фланг корпуса, совершавшего перегруппировку сил. Несколько дней мы вели непрерывные бои под городом Немерсдорфом, имея приказ удерживать позиции любой ценой.

На одном из участков обороны нас сильно допекала вражеская самоходка. Укрылась она в воронке, только пушка наружу торчала. В лоб её не

возьмёшь – броня толстая, обойти практически невозможно – автоматчики прикрывают. Когда стало смеркаться, ротный поставил задачу уничтожить гадину. Мы с Ваней Луковкиным, моим вторым номером, оставили своё ПТР, взяли автоматы, гранаты и поползли. Подобрались метров на пятьдесят, лежим, смеемся, что дальше делать, кому прикрывать, а кому гранатами огневую точку забрасывать. Потом пригляделись: у самоходки из воронки корма торчит, не прикрытая. А на ней – дополнительные топливные баки. По ним и решили ударить из автоматов.

Подкрались ещё метров на десять, прицелились и открыли огонь сразу из двух ППШ. Сначала запылал один бак, спустя мгновения – второй. Горящий бензин в моторное отделение потёк. Через полминуты уже вся самоходка была объята пламенем. Экипаж из люков высочил и – наутёк. Но далеко не ушли, мы с Иваном положили их практически рядом с горящей машиной.

Одним из первых и наиболее памятных стал для меня бой за небольшое белорусское село Староселье. Именно на его окраине я подбил из своего противотанкового ружья два фашистских танка. После этого появилась полная уверенность в своих силах, понял, что и я могу разить врага. Можно сказать, что тогда я и состоялся как солдат.

Только успели к своим вернуться, слышим, мотор шумит: идёт вторая самоходка. Уж больно позиция та была хорошей, немцы не хотели её потерять. Но просчитались: горящий “фердинанд” местность хорошо освещал, всё видно, словно днём. Стала вторая самоходка его обходить, борт подставила. Я и влепил туда заряд из своего ПТР.

На следующий день с рассветом батальон поднялся в атаку. Выбили мы фрицев из Немерсдорфа, закрепились на его западных окраинах. Едва смогли окопаться – немцы в контратаку поперли. Бой разгорелся с новой силой и продолжался до вечера без передышки.

– Это за него вы получили Золотую Звезду?

– За него. Дали мы фрицам тогда жару! Сначала наш расчёт подбил тяжёлый танк, пытавшийся обойти позиции батальона с фланга. Потом перебили гусеницу другому “тигру”. Запутался он на месте, подставил борт. Вторым выстрелом подожгли его. Пока наши автоматчики отсекали пехоту, третий “зверюга” подобрался вплотную, почти на бруствер окопа въехал. Но когда стал через воронку переваливать, днище подставил. А там броня не такая толстая. Остановили и его.

Отбили одну атаку. Не успели отдышаться и пот вытереть, как началась вторая. Мы с Иваном сожгли ещё одну самоходку и два бронетранспортера. А под занавес, уже ближе к вечеру, когда немцы стали отходить, запалили две машины с боеприпасами. Рванули они так, что аж земля задрожала.

После того боя меня и представили к званию Героя Советского Союза. А Ваню Луковкина – к ордену. Жаль, не успел Иван его получить, погиб через несколько дней.

– А вас пули и осколки миновали?

– Какое там! Правда, случилось это как-то обыденно, не в бою. 20 января сорок пятого года совершали мы марш, шли походной колонной и угодили под миномётный обстрел. Я даже и понять-то толком ничего не успел. Взрыв, сильный удар в ногу, боль жуткая... Шальной осколок зацепил. Оказался в полевом госпитале. Лечился, правда, не долго. Рана не опасной оказалась, организм молодой, быстро шёл на поправку. Да и правильно подмечено – у победителей раны заживают быстрее. Так что после ранения я ещё успел повоевать.

На одном из участков обороны нас сильно допекала вражеская самоходка. Укрылась она в воронке, только пушка наружу торчала. В лоб её не возьмёшь – броня толстая, обойти практически невозможно – автоматчики прикрывают. Когда стало смеркаться, ротный поставил задачу уничтожить гадину. Мы с Ваней Луковкиным, моим вторым номером, оставили своё ПТР, взяли автоматы, гранаты и поползли...

В ход идёт “карманная артиллерия”

– Поквитались с немцами за свою кровь?

– Сполна. Когда вели бои за Аула-вен, подбил из своего противотанкового ружья две “пантеры”. Улочки в том городе узкие, танк идёт прямо, не маневрирует. И обойти его трудно. Выручила солдатская смекалка: мы забрались с автоматчиками на чердак, дождались, когда бронированные машины вместе с пехотой пройдут мимо нас. Тогда я бил танкам в корму, а ребята фашистов длинными очередями косили. Орден Красного Знамени у меня именно за те бои, вручили его прямо на передовой.

– А Золотую Звезду когда получили?

– 1 мая 1945 года и получил, на самые праздники. Там ведь как получи-

лось: за бои в Восточной Пруссии к званию Героя из нашего гвардейского корпуса представили семь человек, в том числе и комкора, генерал-лейтенанта Бурдейного. Его для вручения Золотой Звезды вызывали в Москву. А генерал наш – молодец, не только о себе думал, но и о солдатах. Привёз из столицы ещё шесть Звёздочек и орденов Ленина, что к ним полагались. Вызвал нас всех шестерых к себе в штаб корпуса и на торжественном построении 1 мая вручил награды. Так что Победу я встречал при всех регалиях!

Войска 3-го Белорусского фронта на параде Победы. 24 июня 1945 года

– Сабир Ахтямович, в вашей биографии был и Парад Победы 1945 года. Как вы на него попали?

– Это отдельный рассказ! Всех солдат и офицеров, отобранных в состав сводного полка 3-го Белорусского фронта для участия в том легендарном параде, сначала собрали в Кёнигсберге. Смотрели строевую выправку, умение шаг чеканить, чего мы, честно говоря, на фронте порядком подзабыли, проводили предварительные тренировки.

Так вот, на первом же смотре меня забраковали – ростом не вышел! Требование там было жёсткое – рост должен быть не менее 170 сантиметров. А мой был значительно ниже. Вот службисты и вывели меня из строя без всяких разговоров: мал, дескать, не годен. Обидно мне тогда стало, прямо до слёз. Стою в сторонке, глаза кулаком тру... Мне же тогда и девятнадцати ещё не исполнилось, мальчишка мальчишкой!

В это время идёт мимо какой-то большой генерал с целой свитой офицеров. Заметил меня, подходит, спрашивает: “Чего, гвардеец, юнчи распустил?”. Я и выдал с обидой в голос: “Как три танка за день съечь, так

Когда вели бои за Аула-вен, подбил из своего противотанкового ружья две “пантеры”. Улочки в том городе узкие, танк идёт прямо, не маневрирует. И обойти его трудно. Выручила солдатская смекалка: мы забрались с автоматчиками на чердак, дождались, когда бронированные машины вместе с пехотой пройдут мимо нас.

не маленький, а как в Москву на парад ехать, так ростом не вышел!”. Генерал обернулся к сопровождающим, среди которых были и офицеры из нашего корпуса, кивнул в мою сторону: “Он что, действительно такой герой, как рассказывает?”. Один из офицеров подошёл ко мне и без всяких слов распахнул мою шинель. А там на гимнастёрке – Золотая Звезда, ордена Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медаль “За боевые заслуги”... В общем, полный иконостас! Несколько человек из генеральской свиты аж присвищнули от удивления и востор-

га. А сам генерал сказал, как отрезал: “Едешь! Там что-нибудь придумаем”.

– И что придумали?

– Это военная тайна!.. Наши батальонные мастера двойную подметку на сапогах набили, каблук нараспилили. Словом, добавили мне несколько сантиметров роста. Так что на Параде Победы прошёл я по брусчатке Красной площади в составе сводного полка нашего фронта. Хотя в последней шеренге, но прошёл!

Тот парад – незабываемое событие. Наша “коробка” стояла как раз напротив мавзолея. Тогда на его трибуне я в первый и единственный раз видел живого Сталина, Верховного главнокомандующего, с чьим именем мы поднимались в атаку, шли на смерть, добывая Победу.

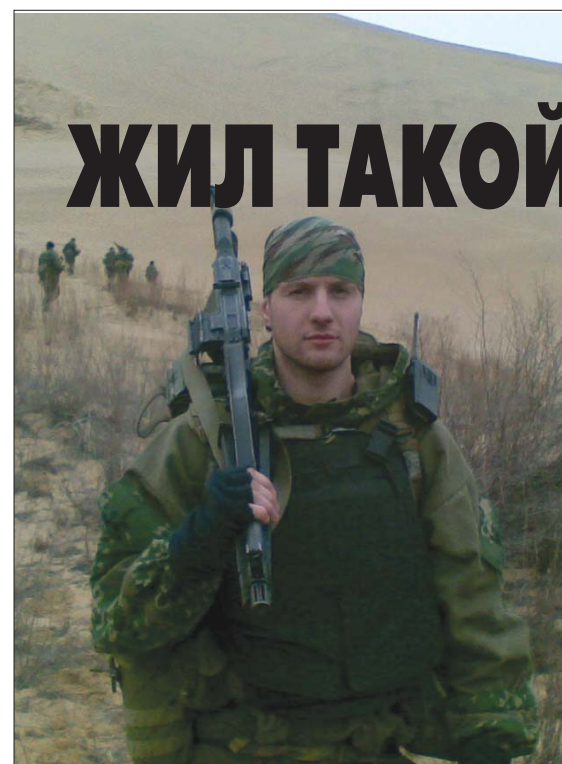
Потом, после парада, был приём в Кремле для Героев Советского Союза. Народу набралось много, от маршала до рядовых. В одном зале все, конечно же, расположились не могли, разместились в разных. Большие увидеть Сталина мне не довелось. Он с высшим командованием поднимал здравницы за Победу в соседних залах, а мы, кто чинами и воинскими званиями был пониже – в своём кругу.

Но Победа была у нас общая, одна на всех...

Подготовил подполковник
Андрей БОЙКО

Фото из архива редакции

ЖИЛ ТАКОЙ ПАРЕНЬ

В Дагестане на склоне горы Тарки–Тау стоит памятник “Белые журавли”: над гранитной стелой взмыл в небо белый клин как символ вечной скорби и памяти по ушедшим солдатам. Автор легендарного стихотворения “Журавли” Расул Гамзатов говорил: “В журавлином клину есть промежуток малый. Для памяти о каждом из нас”. Теперь этот “промежуток малый” – в память о Герое России сержанте Алексее Ситникове. Свой последний бой он принял на Тарки–Тау 16 сентября 2009 года.

БЫЛ МЕСЯЦ май. Деньёк выдался на славу: тёплый, безветренный, ясный. Уже давно сошёл снег, отзвенели ручьи. А вчера ещё горожане, вдыхая будоражащий смолиной запах, то и дело поглядывали на хмурое, бесцветное небо, ждали, когда же придёт настоящая весна. Дождались!

Солдаты Президентского полка, Лёшка и Андрей, только вернулись со службы.

– Погода осталось – и на гражданку... – прищурив глаза, Андрюха смотрел на солнце. – Время пролетит, не заметишь.

– Да-а, – протянул Лёшка, казалось, разомлевший от этого долгожданного щедрого весеннего тепла.

– Ты после армии что собираешься делать? – задал вопрос друг.

– Хотел бы в спецназе себя попробовать, – не раздумывая ответил Лёшка.

– У меня тоже была такая мысль, – кивнул Андрей.

– Значит, вместе?!

– Решено!

...Лёшка Ситников вырос в атмосфере боевой романтики. Отец, Сергей Ананьевич, офицер Управления “В”

Центра специального назначения ФСБ России, воевал в Афганистане, и маленький Лёшка всегда с замиранием сердца и восторгом в глазах слушал его рассказы о всамделишной войне. Когда сын подрос, они проводили много времени вместе. Бегали кроссы, на даче стреляли из пневматического ружья “Норика”, частенько устраивая соревнования на меткость, осваивали азы рукопашного боя. Комната мальчика была похожа скорее на спортзал, чем на детскую. Гантели, штанга, турник, скамья для качания пресса – всё это занимало то место, где обычно подростки складывают игрушечные ружья и шлемы, танки и самолётики. После занятий он часами, не отрываясь, читал исторические книги, те, что “про войну” – они составляли львиную долю библиотеки. С двенадцати лет стал выезжать в детский военно-патриотический лагерь “Вымпел”. Научился разводить костёр, ставить палатку, ориентироваться в лесу по компасу. У этого парня всё было взаправду с самого детства.

А в тот незабываемый день, когда отец впервые привёл его на полигон “Вымпел”, Лёшка понял: настоящее пацанское счастье есть! И не где-нибудь, а вот оно, рядом: он воочию видел, как тренируются бойцы, и сердеч-

ко колотилось так учащённо, что казалось, вырвется из груди. На юбилеях спецназа он не сводил глаз с орденских планок ветеранов. Знал: товарищи отца – лучшие из лучших, те, кто вначале прошёл жесточайший отбор в отряд, а потом участвовал в засекреченных боевых операциях. Слушал немысленные истории и тайне видел себя вместе с этими красивыми, мужественными людьми там, в горах Афгана. А отец гордился единственным сыном, его преданной, сродни фанатизму, увлечённостью военным делом.

Когда Алексей пришёл в военкомат с призывной повесткой, написал в анкете: “Хочу служить в спецназе”. Физически здоровый, крепкий, статный (рост под метр девяносто), он прошёл специальное психологическое тестирование и попал в элитное подразделение – в Президентский полк. Мог остаться на контракт, сделать карьеру в этой привилегированной части. На первых порах ему предлагали должность старшины. Родственники убеждали: “Соглашайся, второго такого шанса не будет”. А Лёшка мечтал о краповом берете, походно-полевой жизни, рискованных марш-бросках в горы. Но как же трудно быть верным самому себе, когда соблазн так велик. Он

НА БОЕВОМ ПОСТУ

сумел. Он уже давно всё обдумал, а настоящий мужчина принятых решений не меняет.

После увольнения из армии друзья стали искать свой шанс. И вот они едут в дивизию Дзержинского, как до сих пор её называют в народе. Именно здесь находится легендарный «Витязь». Они слышаны о том, что бойцы отряда воевали в первую и вторую чеченские кампании. Ещё в армии читали об этом в журнале «Братишка». Лёшка уже с тех времён штудировал всю военную прессу, составлял архивы: выбирал будущее место службы. Но возьмут ли их? Парни сомневались уж больно серьёзные эти спецназовцы, а сами они что – без подготовки в спецподразделении, без боевого опыта. Но с огромным желанием служить.

Подъехали к дивизии, подошли к КПП. Дежурный оказался несловохотливым и ничего вразумительного не ответил.

– Чего делать-то будем? – Сквозь решётчатые ворота Андрей смотрел на дорогу, засаженную тополями и убегающую в глубь огороженной территории, туда, куда они так стремились.

– Пошли вдоль забора, тут, наверное, не один КПП, – смекнул Алексей.

Но в этот день они ничего не добились. Солдаты на контрольно-пропускных пунктах то пожмали плечами, а то и просто отмалчивались: мол, ходят тут всякие.

Надо идти в военкомат, может быть, там помогут, решили друзья.

Им помог военком: договорился с руководством отряда о собеседовании. В спецназе они сразу прищлись ко двору: оба фактурные – высокие, широкоплечие, да к тому же смышлённые, и за плечами у этих парней служба в Кремлёвском полку, а это значит – проверенные, надёжные люди. Их приняли в элиту спецназа – группу разведки.

...Парни быстро освоились, сразу поняли: в спецназе случайных людей не бывает. Здесь свои суровые законы, свои нелегкие традиции. Лёшка первым уехал в горячую командировку в Дагестан, а когда вернулся, Андрей с лёгкой завистью слушал его рассказы и думал лишь об одном: скорей бы поехать самому. Его друг горел пережитыми на Кавказе событиями. Подготовка к спецоперациям... Марш-броски в горах... Многочасовые засады в ущелье... В боевой работе была вся его скрытая сущность, то лучшее,

Алексей Ситников принимает военную присягу

чем он мог проявить себя. Просто это была его жизнь.

Мать, Ирина Константиновна, всё больше подмечала изменения, происходящие с сыном. Он быстро мужал. Даже в облике его появилась та уверенность и надёжность, которая свойственна людям со строгим самоконтролем, с внутренней дисциплиной. В голосе сына всё чаще слышались твёрдые нотки. После возвращения из командировок он часто о чём-то шептался с отцом, и мать догадывалась делиться впечатлениями, задаёт вопросы, советуется. Вдыхала украдкой, понимая, что, если о чём-нибудь спросит, ей снова расскажут о форели, которая во множестве водится в горной речке, и о том, как замечательна рыбалка до первых петухов.

Алексей купил мотоцикл. По утрам с ветерком, да так, чтобы дух захватывало, мчался на своём «Кавасаки» на службу. Вечные пробки на Горьковском шоссе – это не для него. Он как будто боялся опоздать, упустить что-то важное. Так и жил – на лету. Дома в выходные брал велосипед и по поселковым дорогам накручивал по сорок километров. Возвращался – хоть футболку выжимай, Ирина Константиновна по-матерински жалела сына:

– Отдохнул бы, ведь завтра опять на службу...

– Нельзя, мам, а то потеряю форму. Какой я тогда боец!

Родители привыкли, что сын стал в доме редким гостем. Они понимали: командировки на Кавказ были тем, к чему он так долго и упорно готовил себя. Продолжатель военной династии

Ситниковых не мог быть другим. С этим приходилось считаться.

...Командир разведгруппы Центра специального назначения читает доклад об оперативной обстановке в Дагестане. Перелистывает страницу за страницей. Его интересует ситуация на махачкалинском направлении. Это зона ответственности разведчиков ЦСН, а до очередной командировки считанные дни. И хотя за годы службы и боевой работы в горах он изучил тактику и схемы действий бандитов как «Отче наш», не зря говорится: берись бед, пока их нет. Ага, вот то, что нужно. «Дагестанская террористическая группа «Махачкалинская». Лидер не установлен. Возможно, Алиев Гаджи Магомедович, 1985 года рождения. Численность до 50 человек. Пособническая база до 110 человек. В состав входит семь бандгрупп. БГ Хусейна до 10 человек, БГ «Халида» до 5 человек, БГ «Шамхальская» до 10 человек...»

В дверь отрывисто постучали.
– Войдите, – вполголоса бросил офицер, не отрывая глаз от документа.
– Товарищ майор, разрешите обратиться. – В кабинете стоял сержант Ситников.

– Разрешаю. – Майор ответил почти ледяным тоном. Он наверняка знал, зачем пожаловал Сит. Его не было в

списках личного состава на ближайшую дагестанскую командировку.

— Командир, почему я не еду вместе со всеми? — прозвучал ожидаемый вопрос.

— Потому что не твоя смена, — четко разделяя слова, ответил офицер.

— Можно я поеду, — в тон ему ответил Ситников.

— Нельзя. — Майор откинулся на спинку стула. Ясное дело, разговор не закончен. Упертый этот Ситников. Уже не раз в подобных обстоятельствах командир видел колючий, неуступчивый взгляд-вызов сержанта... А в лице ни черточки раздражения или нетерпения. Только, перебарывая злость, сожмёт руки в кулаки так, что костяшки побелеют, и, вытянувшись в струнку, стоит как мраморная статуя. "Хорошо держится, — в очередной раз подметил про себя офицер. И не без удовольствия подумал: — Два года в разведке дают о себе знать".

— Можно я поеду... — Алексей сделал ударение на слово "я".

— Нельзя...

— Командир, я видел списки — там ведь одни молодые солдаты. А у меня опыт есть, вы же знаете, не подведу...

Повисла пауза. Но в молчании майора не было той тяжести раздумий, которые сродни сомнениям. Он знал, что Ситников не подведёт. Не единожды видел его в деле. Да что говорить, вместе они ходили в разведку. Сколько у Лёхи боевых выходов? Больше сорока наберётся... Командир разведчиков как себе доверял парням, с которыми прошёл горячие дагестанские командировки. К тому же ему был по нраву и характер этого парня: спокойный, уравновешенный. Но в деле он преображался до неузнаваемости — горел работой до фанатизма, до полной самоотдачи. Командир знал сильные и слабые стороны подчинённых. Лёшке тяжелее, чем другим, давались марш-броски. Стайерские дистанции были явно не для него. Понял, что в горах, когда группа выходила на боевые, он наблюдал за ним, слегка тревожась, как Сит справится с многочасовыми переходами, да ещё в условиях среднегорья, где на организм выпадает двойная нагрузка. Лёшка умел терпеть. Это стало понятно на первой спецоперации. К тому же у него есть опыт, а это важно при ведении разведки в горах и в лесу, где ориентиром подчас служат не карта и компас, а звериное чутьё, развитое ощущение пространства и тренированное чувство времени.

...Встретились два твёрдых взгляда: командирский и подчинённого. "Возьмёт", — подумал Ситников. "Надо брать", — решил майор.

— Ладно, поедешь, собирайся. Ты нужен там. Обстановка... Да сам знаешь...

Только за минувшие полгода в Дагестане не менее семи раз вводили режим контртеррористической операции. Погибли 30 и были ранены более 40 сотрудников правоохранительных органов. А с наступлением тепла и появлением зелёнки началось традиционное за последние годы обострение оперативной обстановки.

25 мая в Махачкале был расстрелян заместитель муфтия Духовного управления мусульман Дагестана Ахмед Тагев. 5 июня от пули снайпера погиб министр внутренних дел республики Адильгерей Магомедтагиров. По муниципальной сводке, только в столице и её пригородах в июле боевики трижды обстреливали служебные машины сотрудников МВД, произошли два бодостолкновения с бандитами, сапёры обезвредили два взрывных устрой-

стоянок боевиков. То и дело военные обнаруживали хорошо оборудованные схроны и тщательно замаскированные блиндажи с воздуховодами.

Разведчики уезжали в Дагестан выполнять обычную для них работу.

...Отодвинув брезентовый полог, командир разведчиков вышел из палатки. Обдало ночной прохладой — осенней, с резковатым ветерком, той, что начинается с сезоном дождей. Заскрежетали камушки под тяжёлыми берцами. В мгновение тьма поглотила офицера. Не разглядеть даже вытянутую вперёд руку. "Какая тишь крутом. Да... лучший звук в горах — тишина", — подумал майор. И усмехнулся. Ему ли не знать, что жизнь в этом измерении даже ночью не прекращается ни на минуту. Если чутко вслушаться в тишину, понимаешь: всё вокруг полно звуков. Их только нужно уметь различать. Но зачастую то, что слышит ухо, бывает обманчиво. В лесу и на горном склоне, где звуки меняют направле-

Таким он остался в памяти сослуживцев...

ро снимаются с временных баз и, прихватив с собой пару палаток и походную кухню, легко перемещаются по уже протоптанному между скалами козым тропам. Кроме того, у маленькой группы больше возможностей для боевого манёвра, неожиданных и результативных действий.

Офицер вглядывался в темноту. Перед ним, словно гигантская чёрная ширма, стояла гора... В это время не спали и в соседней палатке. Под потолком тускло светилась лампочка. Возле неё, обжигая крылья, кружил одинокий ночной мотылёк. Глухо шаркнула печная заслонка. Истопник подбросил в печку дровишек. Пахнуло сосновым дымом.

Лёшка открыл глаза, повернулся на другой бок. На соседней кровати ворочался Андрей.

— Не спитесь? — Он повернул голову в сторону друга.

— Не-а...

— Мне тоже...

Обычно они кидали друг другу "Спокойной ночи" и, перебросившись парой фраз, падали в сон. Сегодня оба не могли уснуть. Обоим тянуло на разговор. И, облокотившись на дужки кроватей, они говорили... говорили... Вспомнили погибшего Вадика Степанова.

— Помнишь, накануне вечером ели кексы с изюмом. Он сказал, что давно таких свежих не было. — Лёшка замолчал на мгновение. — А на следующий день его не стало. Странно это было. Непонятно.

— Помню...

— Я до мамы сегодня не смог дозвониться, — Лёшка переключил тему. — Эсмэску написал, завтра перезвоню, чтобы не волновалась. — И, укладываясь удобнее, почти прошептал: — Вот вернёмся со спецухи, сразу позвоню.

— А чего скажешь, где были-то? — спросил Андрей полусонным голосом.

— Как обычно — с рыбалки вернулись... — Он улыбнулся совсем по-мальчишески, искренне, озорно. — Спать давай.

Скрипнули кроватные пружины. Через несколько минут в палатке слышалось только ровное, спокойное дыхание. В дальнем углу кто-то протяжно похрапывал. Около входа тихо бухтел телевизор. Возле него, отхлёбывая из кружки горячий сладкий чай, сидел истопник.

Где-то в лесной чащобе в последний раз прокричала сова. Зацепившись за верхушки сосен, ещё висит на небе побледневшая луна. Тяжёлые дождевые тучи, вот-вот готовые разразиться ливнем, низко плывут над землёй. Упала первая капля. Заморосило. Ночь прошла. Холодный рассвет прорезался стальной полосой, блеснул, как начищенное лезвие кинжала.

...На скорую руку разведчики заваривают чай в пакетиках. Это стало привычкой: перед боевым выходом глотнуть чайку, вприкуску с печень-

ем. Кто-то уже надевает разгрузку, забрасывает за плечо автомат и быстрым шагом уходит на улицу, в дождь. Они переживают особый по эмоциональному накалу момент — выезд на спецоперацию. Внешне ты, кажется, невозмутим, но адреналин уже играет в крови: то ли предчувствуют очередной шаг к опасности, то ли охотничий азарт берёт верх — как-то всё сложится, как пройдёт. Вот уже загораются в глазах шальные огоньки. Лица становятся серьёзные, взгляды — сосредоточенные. Со стороны может показаться, что люди замкнулись, как будто в очередной раз проверяют себя на прочность, на выдержку. Разведчики кидают скупые фразы, отпускают шуточки, но в то же время каждый — сам в себе.

— Готов? — Лёха обернулся к Андрею уже перед самым выходом из палатки. Тот поймал его спокойный, почти безмятежный взгляд чуть прищуренных глаз. И как это у него выходит — сохранять самообладание там, где другие нет-нет да занервничают. Андрей всегда с какой-то гордостью подмечал эту завидную черту характера друга.

— Готов, — с нарочитым вызовом в голосе ответил он, завязывая бандану.

Родители Алексея Ситникова в музее ОДОНа перед стендом, посвященным подвигу их сына – Героя

...Зашумел мотор, “коробочка” дёрнулась и понеслась по бездорожью. Обжёг лица порывистый ветер. Они мчатся к “узкой горе”: так с кумыкского переводится Тарки-Тау. В древности здесь шли караваны купцов и орды кочевников. Сейчас бандиты всё чаще закладывают на дороге фугасы, а для стрельбы на поражение выбирают живые мишени. Старинный путь используют и в торговых целях: везут наркоту и оружие.

Бронетехника остановилась у подножия Тарки-Тау. Отсюда разведчики начнут петлять по невидимым для чужого глаза лесным тропам. Почти километр пути. Где-то там, в скалах, возможная стоянка боевиков. Спецназ продвигается к цели, выгнувшись цепочкой. Лес и горы всегда таят незри-

мую опасность, в любой момент готовы выстрелить в упор и исподтишка. Здесь нужно быть крайне осторожным. Справа тянется отвесный скальный массив метров пятнадцать высотой. Вокруг густые, кажется, непроходимые заросли, но профессионал умеет ориентироваться в чаще, знает, как остаться для врага невидимкой.

Андрей идёт в головном дозоре. Сит – в тыловой группе. Чтобы ступать бесшумно, разведчики укорачивают шаги, продвигаются так, словно прощупывают почву. Земля, покрытая мягким мхом, слегка пружинит под ногами. В руках у Сита самое сильное и скорострельное оружие в группе – пулемёт “Печенег”. В случае необходимости, как и другие пулемётчики, он обязан обеспечить прикрытие огнём.

Остановился головной дозор. В то же мгновение командир подаёт условный знак рукой: “Не двигаться, всем оставаться на местах”. Пошла вперёд группа досмотра. Потекли долгие ми-

нуты ожидания. “Обнаружена база. Квадрат...”, – тихо заговорила рация. Сейчас каждый из разведчиков знает, что делать. Разбившись на тройки и рассыпавшись веером, они занимают огневые позиции. Медленно окружают лагерь боевиков. У каждого – свой сектор обстрела. Обзору мешает выступ скалы, хотя очевидно – там, за камнями, где стоят две палатки и походная кухня, нашёл своё пристанище враг. Но бандиты ничем не выдают своё присутствие. Если они здесь и не проявляют себя, возможно, что-то учуяли... Тогда сидят в обороне и выжидают... Где? Скоро это станет понятно.

На левом фланге замер в ожидании Сит. Рядом затаились “молодые” – Морячок и Казах. Вдруг Алексей резко повернул голову, так и застыл, тревожно вслушиваясь в тишину. Парни обменялись взглядами – нет, кроме шуршания дождя, они не слышат других звуков. Их цель – впереди, там, за камнями. И оттуда прогремела рас-

сыпчатая автоматная очередь. В унисон ударила вторая. В ответ – шквал огня разведчиков. Сит вскопился на ноги, быстрым шагом, почти бегом, кинулся влево – к оврагу. Какое-то внутреннее чутьё подсказало: за высоким густым кустарником крадёт чужой. Противник обходит разведчиков с фланга, и если возьмёт их врасплох – быть беде. Ещё секунда – и он увидел его. Бородач вскинул к плечу автомат. Выстрелы прозвучали на встречных курсах... Морячок оглянулся. На мгновение взгляд застыл на багровом от крови правом рукаве Лёшкиного камуфляжа. Раздробленная пулями рука плетью свисала вдоль тела. Сит упал на колени, каким-то невероятным усилием воли подтянул перебитую руку к пулемёту и стал остервенело стрелять в сторону бандита.

...Выстрелы со стороны лагеря боевиков прекратились так же внезапно, как и начались. Прошло секунд сорок, возможно, минута, и в лесной чаще вновь воцарилась тишина. Командир разведчиков подбежал к лежащему на траве Ситу. Он был в сознании, только лицо стало бледным, черты его как-то сразу заострились. На правом боку камуфляжа, у поясицы, расплывалось кровавое пятно.

Убитый бандит лежал в овраге, метрах в двадцати пяти, на поясе его разгрузки висела связка гранат. Майор оценил ситуацию сразу: атакуй боевик левый фланг, погибли бы двое его парней; а если бы смертнику удалось прорваться к ним в тыл, уложил бы половину группы.

– Держись, братишка. – Офицер лготно сжал Лёшкино плечо. – Спасибо за службу.

Сит держался ещё сутки... Утром следующего дня в палате центральной городской больницы Каспийска около кровати друга сидел Андрей. Казалось, Лёша был без сознания. Он лежал неподвижно, белое лицо его стало похоже на обтёсанный камень, и за долгие часы на нём не дрогнул ни один мускул. Андрей вглядывался в эти до боли знакомые черты, пытаясь найти хоть какие-то признаки жизни... Уловить лёгкое, едва заметное движение, которое даст надежду...

...В это время в Москве родители Алексея, которым ещё накануне сообщили о ранении сына, стояли под сумрачным небом у иконы Матроны Московской в Покровском монастыре.

“О блаженная мати Матрона, услыши и прими ныне нас... С верою и надеждою к твоему заступлению и помо-

щи прибегающих... Скорое поможение и чудесное исцеление всем подавай... Помози донести житейский свой крест...”

Они отошли от иконы, и в этот момент словно кто-то раздвинул руками хмурые тучи. По земле скользнул солнечный луч. Появился... и исчез.

...В каспийской больнице раненый пациент открыл глаза. Парень в камуфлированной форме, сидящий у изголовья кровати, увидел его ясный, пронзительный взгляд. Через мгновение ресницы лежащего плотно сомкнулись.

...Ирина Константиновна ставила свечку за здоровье сына. Она зажглась... и потухла.

17 сентября 2009 года в блоге одного из пользователей Интернета, который ведёт “дагестанский дневник”,

появилась новая запись: “Вчера около 8.30 утра в лесополосе на склоне горы Тарки-Тау неуставленные лица открыли огонь по сотрудникам правоохранительных органов. В результате перестрелки один из военнослужащих, сержант Алексей Ситников, был ранен... Нападавшая сторона также понесла потери – один боевик погиб. Сейчас говорят, что Алексей скончался. Хотя писали, что ранение не опасное для жизни. Если это правда – вечная память...”

...Над Тарки-Тау плыли грозовые облака. Клонился к исходу горестный день. А по небу летел... летел клин белых журавлей.

★
Майор

Елена ЖАРНИКОВА

Фото из семейного архива
СИТНИКОВЫХ

Модокс
Гарантия комфорта и качества
www.modox.ru

Экипировка и снаряжение для силовых структур
195196 Санкт-Петербург,
тел. : 8(812) 444-42-63 ул. Стахановцев, 12

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ, В АТАКАХ СРАЖАЛИСЬ БЕССТРАШНО...

На фронтах Великой Отечественной участвовали в боях части 58 дивизий и 23 бригад внутренних войск. И всюду воины-чекисты являли образцы мужества, отваги, нестигаемой стойкости. Не случайно при осложнении обстановки на передовой Ставка Верховного Главнокомандования специально направляла войска НКВД в те места, где нужно было во что бы то ни стало задержать врага. С гордостью будем помнить об этом!

3 АДЕНЬ до начала войны, 21 июня 1941 года, в 17.40 во Львове в штабе 10-й дивизии, которой командовал полковник И. Могилянец, принял директиву начальника Главного управления войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и важных объектов промышленности генерал-майора А.Гульева, которая предписывала: "...Все огневые средства... иметь в полной боевой готовности на объектах". До нападения Германии на СССР оставалось 10 часов. Большинству частей и гарнизонов их хватило, чтобы подготовиться к встрече агрессоров и оказать гитлеровцам упорное сопротивление. Драться с врагом воинам внутренних войск пришлось в крайне сложной обстановке, которая характеризовалась многократным превосходством противника в живой

силе и технике, непрерывными ударами фашистской авиации, потерей связи с вышестоящими командирами и штабами из-за бомбёжек, артобстрелов и действий диверсантов и боевых групп националистического подполья.

В этих тяжелейших условиях личный состав гарнизонов внутренних войск стойко и мужественно оборонял охраняемые объекты, защищая каждую пядь родной земли, не щадя своей крови и самой жизни.

Примеров тому множество. Так, гарнизон 57-го полка 4-й дивизии численностью 27 человек начиная с 4.00 22 июня и в течение последующих пяти суток удерживал железнодорожный мост через реку Прут в районе пограничной станции Унгены. Только по приказу старшего командира оставшиеся в живых бойцы оставили занимаемый рубеж.

Не дрогнули перед превосходящими силами врага и воины 5-й роты 64-го полка, которыми командовал лейтенант А.Ветер. Они отразили атаку отряда вражеских мотоциклистов. Бойцы роты до последнего патрона удерживали мост через реку Западный Буг. Все они героически погибли в неравном бою.

В веках не померкнет подвиг защитников Брестской крепости. В рядах её героических защитников находились бойцы и командиры 132-го отдельного батальона войск НКВД. Именно на стене казармы этого батальона осталась глубоко волнующая надпись: "Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 20/VII-41г.". Бесстрашно сражался с врагом красноармеец этой воинской части Фёдор Рябов. На его боевом счету подбитый фашистский танк и до десятка уничтоженных в контратаках гитлеровцев.

Он дважды спасал жизнь одному из руководителей обороны крепости политруку П. Кошкарору. Фёдор Рябов погиб 29 июня 1941 года при отражении очередной танковой атаки врага. Он награждён посмертно орденом Отечественной войны I степени, зачислен навечно в списки части.

С первых дней войны умело и отважно сражались с врагом бойцы и командиры оперативных соединений и частей внутренних войск. Так, подразделения 16-го мотострелкового полка под командованием майора П.Бабича приняли первый бой с противником 24 июня, когда в районе Луцка механизированные корпуса Красной Армии наносили контрудар по прорвавшимся танковым дивизиям врага. В ожесточённых боях воины полка подбили 18 немецких танков, уничтожили свыше 100 солдат и офицеров.

В боях в Прибалтике успешно действовали части 22-й мотострелковой дивизии внутренних войск.

В оборонительных боях на реке Березине отличились части 42-й отдельной бригады и сводная рота 236-го полка. 2 и 3 июля они под непрерывными ударами немецкой артиллерии и авиации удерживали переправы на фронте до 15 километров, обеспечивая отход частей Красной Армии.

В ОВЕННЫХ планах гитлеровцев одной из главных стратегических задач значился захват Ленинграда. В обороне города на Неве участвовали четыре соединения и несколько полков внутренних войск. Вместе с красноармейцами и моряками Балтийского флота стойко обороняли подступы к городу с юго-востока, древнюю русскую крепость Орешек, расположенную на Ореховом острове в истоке Невы, бойцы 1-й дивизии войск НКВД под командованием полковника С.Донскова. Они не только успешно отражали атаки врага, но и участвовали в захвате небольшого плацдарма на левом берегу Невы, сыгравшего важную роль в последующих действиях советских войск и вошедшего в военную историю под названием "Невский пятачок". В октябре 1942 года оборонявшиеся там части были усилены 20-й дивизией войск НКВД полковника А.Иванова. После упорных и кровопролитных боёв на плацдарме изрядно поредевшие полки дивизии были переброшены на Выборгское направление. А части 1-й дивизии про-

должали упорно оборонять остров Ореховый.

1-я дивизия в 1942 году была перенесена в состав Красной Армии, участвовала в прорыве блокады Ленинграда, получила почётное наименование "Лужская", была награждена орденом Суворова II степени.

Южные подступы к Ленинграду прикрывала 21-я дивизия внутренних войск, которой командовал полковник М.Папченко. В августе 1942 года она вошла в состав Красной Армии, стала именоваться 109-й стрелковой. Дивизия была награждена орденом Красного Знамени, удостоена почётного наименования "Ленинградская". Достойный вклад в оборону Ленинграда внесла и 23-я (бывшая 2-я) дивизия войск НКВД по охране железнодорожных сооружений под командованием полковника А.Янгеля. Весь Ленинградский фронт знал о подвиге воина этой дивизии, снайпера Н.Красношапки, совершённом в августе 1942 года. После мощной артподготовки фашисты перешли в атаку. На одном из участков нашей обороны находилась группа снайперов во главе с сержантом Красношапкой. Бойцы вступили в неравный бой, встретив врага прицельным огнём. 11 гитлеровцев уничтожил Красношапка из снайперской винтовки, до десятка захватчиков нашли гибель от метко брошенных им гранат. После ранения правой руки он метал гранаты левой. Двоих немцев сержант прикончил в рукопашной схватке. Николай Красношапка скончался от ран на поле боя. Он был посмертно награждён орденом Ленина, зачислен навечно в списки части.

Бойцы и командиры внутренних войск участвовали в сооружении Дороги жизни, которая пролегла по льду Ладожского озера. Автоколонны частей войск НКВД под бомбёжками и артобстрелами перевезли по этой тридцатикилометровой ледовой трассе сотни тонн грузов для осаждённого города, вывезли на Большую землю тысячи ленинградцев.

Летом и осенью 1941 года ряд соединений и частей внутренних войск участвовали в обороне Киева, Одессы, Харькова, Ростова-на-Дону. В боях за столицу советской Украины доблесть и самоотверженность проявили части 4-й, 10-й, 13-й дивизий, экипаж 56-го бронепоезда войск НКВД. Одновременно с киевским сражением шли упорнейшие бои за Одессу, в которых участвовали подразделения 249-го полка конвойных войск.

Упорной была борьба за ворота Кавказа – Ростов-на-Дону. В его обороне участвовали 230-й и 33-й полки войск НКВД. В ноябре 1941 года подразделения 230-го полка семь суток удерживали остров Зелёный, с которого контролировались переправы через Дон. Когда на остров прорвались фашистские танки, командование части вызвало на себя огонь артиллерии. Позже личный состав полка участвовал в освобождении Ростова от немецко-фашистских захватчиков. Эта прославленная часть, награждённая орденом Красного Знамени, и ныне в боевом строю внутренних войск МВД России.

Решающим военным событием первого периода Великой Отечественной войны стала битва под Москвой. Плечом к плечу с Красной Армией в обороне советской столицы участвовали части семи дивизий, трёх бригад, три бронепоезда и другие формирования внутренних войск. Немало славных подвигов совершили в боях за столицу воины-чекисты.

В боях под Мценском красноармеец Григорий Прокопенко, устраняя повреждения на линии связи, был дважды ранен, потерял много крови, ослаб. Когда обнаружился ещё один обрыв, боец, у которого уже не было сил скрестить концы проводов руками, зажал их в зубах. Связь была восстановлена через бездыханное тело героя-связиста. За этот подвиг Григорий Прокопенко зачислен навечно в списки части.

Тулу – южный форпост столицы – оборонял 156-й полк внутренних войск. В последние дни октября 1941 года его бойцы отразили несколько атак танков и пехоты противника. Фашисты решили сломить сопротивление наших воинов психической танковой атакой. Глубокой ночью почти пять десятков фашистских танков с включёнными фарами, не открывая огня, ринулись на позиции защитников города. Подпустив танки на близкое расстояние, наши артиллеристы открыли по ним шквальный огонь. Психическая атака была отбита. За оборону Тулы 156-й полк войск НКВД был награждён орденом Красного Знамени.

В обороне Москвы также успешно действовали подразделения дивизии им. Ф.Эрзенкинского, 112-го, 115-го полков, 73-й отдельный бронепоезд и другие.

В контрнаступлении под Москвой участвовали 57-я бригада, 156-й полк и другие части внутренних войск.

Атака войск НКВД. 1942 год

ВЕЛИЧАЙШИМ сражением Великой Отечественной, да и всей Второй мировой войны стала Сталинградская битва. В ней участвовали 10-я стрелковая дивизия внутренних войск, 91-й, 178-й, 249-й полки, 73-й отдельный бронепоезд, ряд подразделений других частей.

10-я дивизия, которой командовал полковник А.Сараев, к началу боёв за Сталинград состояла из пяти стрелковых полков, подразделений боевого и тылового обеспечения и насчитывала 7900 человек. Соединение, предназначенное для несения службы по охране общественного порядка, борьбы с авиадесантами противника, не имело ни танков, ни достаточных артиллерийских средств и тяжёлого стрелкового вооружения.

23 августа дивизия заняла полосу обороны протяжённостью по фронту в 35 км. В тот же день вражеская авиация нанесла по городу массированный бомбовый удар, а крупный мотомеханизированный отряд 6-й немецкой армии прорвался к Волге севернее Сталинграда. На ликвидацию прорыва были брошены 282-й полк дивизии и 249-й конвойный полк. Вместе с зенитно-артиллерийским полком Красной Армии они не только сдержали натиск врага, но и отгнали его на несколько километров от северной окраины Сталинграда.

Воины 10-й дивизии и других частей отразили также все попытки врага прорваться в центральную и южную части города, к переправам через Волгу. Тем самым они обеспечили ввод в город войск 62-й армии.

4 сентября 1942 г. на участок обороны 9-й роты 272-го полка, в которой находился помощник комиссара полка по комсомольской работе младший политрук Д.Яковлев, пошли в атаку 18 фашистских танков. Бойцы роты огнём из противотанковых ружей, гранатами и бутылками с горючей смесью подбили и подожгли несколько танков. Но остальные продолжали двигаться вперёд. Тогда Яковлев взял две противотанковые гранаты и с возгласом: «Только вперёд, ни шагу назад, за Родину!» бросился под головной танк и подорвал его.

Бойцы роты, потрясённые мужеством комсорга и вдохновлённые его примером, отбили атаку врага. Дмитрий Яковлев был посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени, зачислен навечно в списки части.

За 56 дней и ночей непрерывных боёв соединение нанесло серьёзный урон врагу. Было подбито или сожжено 113 немецких танков, уничтожено более 15 тысяч солдат и офицеров.

10-я дивизия войск НКВД была награждена орденом Ленина. Орден Красного Знамени были удостоены 91-й полк внутренних войск по охране железных дорог и 73-й отдельный бронепоезд, отличившийся ранее и в обороне Москвы.

В боях за Сталинград отличилась стойкостью и мужеством 95-я стрелковая дивизия полковника В.Горшкова. Это бывшая 13-я мотострелковая дивизия войск НКВД, переформированная и вошедшая в сентябре 1942 г. в состав 62-й армии.

В контрнаступлении северо-западнее Сталинграда успешно действовала 52-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Н.Козина — бывшая 8-я мотострелковая дивизия войск НКВД, переформированная в июле 1942 г. и переданная в состав Красной Армии.

В рядах защитников Кавказа сражались части девяти дивизий внутренних войск. В ожесточённых боях на подступах к городу Орджоникидзе прославились Особый полк, сформированный из выпускников-лейтенантов Орджоникидзевского военного училища и прибывших на учёбу в училище красноармейцев и сержантов, 34-й полк, ранее успешно оборонявший Москву. Подвиг совершил комсорг роты автоматчиков 34-го полка младший сержант Пётр Барбашов, закрывший собой амбразуру немецкого дзота. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он зачислен навечно в списки части.

Подобные подвиги совершили в боях за Кавказ командир роты 26-го полка младший лейтенант Пётр Самойленко, посмертно награждённый орденом Красного Знамени, и командир взвода 276-го полка лейтенант Пётр Гужвин, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Этого высокого звания за отвагу и мужество, проявленные в боях под Орд-

жоникидзе, был удостоен и командир артбатареи 34-го полка капитан Иван Кузнецов.

В боях по освобождению Северного Кавказа действия частей внутренних войск отличались неустрашимым наступательным порывом, массовым героизмом. Командир отделения 26-го полка сержант Пётр Таран во время атаки первым достиг вражеских проволочных заграждений. Он распатал несколько кольев, вместе с проволокой поднял их над собой и так держал под огнём врага, пока вся рота не преодолела заграждение. Затем Таран присоединился к своим товарищам, в числе первых ворвался в траншею противника, огнём из автомата и гранатами уничтожил до 20 гитлеровцев. Через несколько дней отважный сержант погиб. Петру Тарану посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, он зачислен навечно в списки части.

В кровопролитных схватках на Малой земле, а затем при штурме Новороссийска в составе морского десанта в сентябре 1943 г. прославили своё Боевое знамя воины 290-го стрелкового полка внутренних войск. 665 бойцов и командиров, практически все оставшиеся в живых, были награждены орденами и медалями, а командир части подполковник Иван Пискарев стал Героем Советского Союза. Боевая доблесть полка была отмечена присвоением ему почётного наименования «Новороссийский», а позднее — награждением части орденом Красного Знамени.

В победу на Курской дуге внесли свой вклад 6 дивизий Отдельной армии войск НКВД, сформированной зимой 1942-1943 гг. Три дивизии — 140-я Сибирская, 175-я Уральская, 181-я Сталинградская — состояли из бойцов и командиров внутренних войск, три другие — из пограничников. В начале 1943 года объединение было передано в состав Красной Армии и получило наименование 70-й армии.

После Курского сражения эти соединения продолжили свой победный путь на запад. Так, 181-я ордена Ленина дивизия (бывшая 10-я мотострелковая дивизия войск НКВД) участвовала в освобождении Чернигова, Коростеля, Луцка и других городов. На Боевом знамени соединения засияли ещё три ордена: Красного Знамени, Суворова II степени и Кутузова II степени. 20 его воинов стали Героями Советского Союза, пять — полными кавалерами ордена Славы.

Внутренние войска участвовали и в партизанской борьбе в тылу врага. Целые подразделения направлялись на формирование партизанских отрядов. Многие командиры и политработники откомандировывались на руководящие должности в партизанские отряды и соединения. В ряды народных мстителей вливались тысячи бойцов и командиров, выходивших из окружения.

В годы войны во внутренних войсках было широко развёрнуто снайперское движение. Всего было подготовлено 28 тысяч мастеров меткого

рукий должен был бросить к подножию мавзолея знамёна разгромленных немецких полков и дивизий, составили бойцы прославленного соединения. Командовал особым батальоном офицер-дзержинец старший лейтенант Д.Вовк, правоплановым в первой шеренге шёл сержант ОМСДОНА Ф.Легкошур. Именно он нёс и первым швырнул на брусчатку Красной площади личный штандарт Адольфа Гитлера. Этот потрясающий символический акт навеки закрепил в памяти народов нашей страны и всего мира истори-

Сводный батальон трофейных знамён на Параде Победы. 24 июня 1945 года

огия. К середине 1943 года снайперы войск НКВД вывели из строя убитыми и ранеными свыше 216 тысяч солдат и офицеров врага.

Внутренние войска на протяжении всех военных лет успешно выполняли задачи по охране тыла действующей Красной Армии. Они вели борьбу с авиадесантами противника, фашистскими диверсантами, шпионами, несли службу по охране общественного порядка и обеспечению безопасности в освобождённых от оккупантов городах. Части войск НКВД охраняли оборонные предприятия, инженерные сооружения на железнодорожных магистралях, охраняли и конвоировали военнопленных.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ расскажем о ярком историческом эпизоде. 24 июня 1945 года на Красной площади состоялся Парад Победы. В нём, наряду со сводными полками фронтов, академиями и военными училищами, приняла участие и дивизия внутренних войск им. Ф. Дзержинского. Половину особого батальона, кото-

ческую победу Советского Союза над фашистской Германией.

В годы суровых испытаний внутренние войска с честью выполнили свой долг перед Родиной. 18 соединений и воинских частей, сражавшихся на фронте или обеспечивавших безопасность тыла действующей армии, были отмечены государственными наградами или почётными наименованиями. Более 100 тысяч военнослужащих награждены орденами и медалями, около 300 воспитанников войск удостоены звания Героя Советского Союза. 97 700 бойцов и командиров внутренних войск положили свои жизни на алтарь Победы. Вечная им память и слава!

★
Вячеслав ЕЛАГИН,
полковник в отставке,
старший научный сотрудник
Центрального музея
ВВ МВД России.
Фото из архива редакции

“Не стареют душой ветераны...”. Эти слова из песни невольно всплывают в памяти, когда видишь отмеченных боевыми наградами, убеждённых сединами, но по-прежнему полных сил и энергии фронтовиков.

Сегодня в ветеранских организациях внутренних войск МВД России осталось чуть более 1450 солдат Великой Отечественной – не просто свидетелей событий “сороковых роковых”, а непосредственных участни-

ков боёв и сражений, вынесших на своих плечах всю тяжесть военного лихолетья, познавших и горечь отступлений, и радость побед.

Их воспоминания о годах своей опалённой огнём юности поистине бесценны для нынешних защитников Отечества, наследников и продолжателей славных боевых традиций воинов-победителей, чьи силу духа, твердость воли, беззаветную преданность Родине, готовность к самопожертвова-

нию во имя большого общего дела мы всегда будем брать в пример.

Готовя материалы в майский номер, посвящённый 65-летию Великой Победы, корреспонденты войскового журнала встретились с теми ветеранами, кто не просто прошёл войну с первого до последнего дня, а сражался в рядах войск НКВД. Рассказы этих людей о том, как бились с ненавистным врагом воины-чекисты, мы предлагаем нашим читателям...

В 1940 году Павел Иванович Шатилов окончил Саратовское училище погранвойск НКВД СССР. Великую Отечественную встретил 22 июня 1941 года начальником пограничной заставы на советско-финской границе под Выборгом. В первый день войны его застава отбила три атаки, не уступив ни пяди родной земли. Но потом пограничникам всё же пришлось отойти...

В составе 1-й дивизии войск НКВД Павел Иванович защищал Ленинград, при переправе на Невский пятачок был тяжело ранен. Лечился, вернулся в строй. Продолжил воевать, при прорыве блокады командовал батальоном. Затем освобождал Ригу и Клайпеду. День Победы встретил в Ленинграде майором – начальником разведки стрелковой дивизии.

Награждён орденом Красной Звезды, тремя орденами Отечественной войны I степени, медалями “За боевые заслуги”, “За победу над Германией”, “За оборону Ленинграда” и многими другими.

После войны отдал службе во внутренних войсках более тридцати лет, дослужившись до командира дивизии. В настоящее время живёт в Нижнем Новгороде.

Накануне 65-й годовщины Великой Победы Павел Иванович поделился своими воспоминаниями о войне с корреспондентом войскового журнала...

МЫ НЕ МОГЛИ НЕ ПОБЕДИТЬ!

НА РАССВЕТЕ 22 июня 1941 года я проснулся от громкого взрыва: нашу заставу бомбили финские бомбардировщики. Бомбы они почему-то сбросили очень далеко, так что здание казармы не пострадало, даже стёкла не вылетели. Едва самолёт улетел, над лесом

тут же взлетели три красные ракеты – сигнал для сбора всех нарядов с границы.

Паники не было. Наоборот, все были предельно сосредоточены. Мы тут же выслали вперёд и на фланги боевое охранение с ручными пулемётами, а сами заняли оборону в заранее подготовленных окопах и блиндажах, в которых

стояли станковые пулемёты “максим”.

Первыми в бой вступили пограничники боевого охранения. Увидев колонну финских солдат, они подпустили их поближе и обстреляли из пулемёта Дегтярева. А затем отошли к заставе доложить о противнике. Я тут же бросился к телефону и связался с комендантом

участка капитаном Василием Путиным. Быстро, скороговоркой начал докладывать, что заставу справа по лесному участку обходят финны, много финнов. Командант немного помолчал, а потом сказал весьма мудрые в той обстановке слова: "Ну и что ты мне об их победоносном марше докладываешь. Что, тебя не учили, как врагов надо встречать? Немедленно отбить нападение, а потом доложить о результатах боя!"

Едва я успел положить трубку, финская артиллерия начала обстрел. Тяжелые крупнокалиберные снаряды с заунывным воем пролетели над головой и разорвались неподалёку от наших позиций. От близких разрывов земля в блиндаже затряслась, заходила ходуном под ногами. Потом всё стихло. Выглянув в амбразуру, увидел, как на опушку леса выходят плотные цепи финских солдат. Одетые в мышиные мундиры, с автоматами "Суоми" в руках, они шли не таясь, в полный рост. Нас разделяло каких-то двести метров.

В этот момент время для меня остановилось...

Внезапно по наступающему врагу хлестко ударили станковые "максимы", их поддержали "дэгтяри", а уже потом захлопали трёхлинейки Мосина. Безжалостный свинцовый град буквально выкосил первые цепи врагов. Тут я не удержался, засунул в кобурку потёртый револьвер и отодвинул пулемётчика от его штатного "дэгтярёва". Приложившись к удобному, ещё тёплому от солдатской щеки прикладу, начал короткими очередями валить на землю наступающих финнов. Они не добежали до наших окопов каких-то пятьдесят метров.

Не выдержав огня, финны развернулись и кинулись наутёк. Мы стреляли в их сгорбленные спины до тех пор, пока последний вражеский солдат не скрылся в густом подлеске. Когда всё стихло, я выпустил из рук пулемёт и медленно сполз на землю. Ноги совсем не держали. Затем долго не мог свернуть и прикурить дрожащими руками цигарку. После первой затяжки немного пришёл в себя, встал на ноги, взглянул на часы, а затем посмотрел в амбразуру. Всего шесть часов утра, а синее небо уже затянуто чёрным дымом от горящей заставы, зелёная поляна перепахана воронками и устлана телами десятков убитых...

В 6.30 начался новый артобстрел, а за ним последовала вторая атака. Через час ещё одна. Затем финны, понёсшие значительные потери, отступили назад, за государственную границу. В двенадцать часов к нам на помощь подоспел стрелковый батальон с командантом участка. Мы вместе обошли поле боя, собрали документы и нехитрые трофеи, а затем похоронили нашего погибшего пограничника. Это была единственная потеря моей заставы 22 июня 1941 года...

Лейтенант Павел Шатилов.
1940 год

Вскоре, несмотря на то, что финны не смогли продвинуться на нашем участке ни на метр, мы начали отходить. Немецкие танки прорвали оборону где-то на фланге и устремились к Ленинграду. Чтобы не оказаться отрезанными, пришлось отходить и нам.

В начале июля 1941 года наш погранотряд переформировали и меня назначили командиром стрелковой роты во вновь сформированной 1-й дивизии войск НКВД. Едва мы успели провести боевое слаживание, как гитлеровские войска опять прорвали нашу оборону под Лугой, перерезав стратегическую

ветку железной дороги Москва–Ленинград.

Дивизия получила приказ выбить фашистов со станции Мга. После продолжительного пешего марша мы прямо с ходу, без разведки и организации какого-либо взаимодействия были брошены в бой. Боевой приказ мне довел командир батальона. Он махнул рукой в сторону деревни под названием Горы и сказал, что надо выбить прорвавшихся туда немцев. Рядом с деревней рос густой лес, который помог нам скрытно сосредоточиться неподалёку от населённого пункта. Нам повезло тогда дважды: во-первых, фрицы не успели толком окопаться, а во-вторых, наша атака оказалась для них полной неожиданностью. Мы выскочили из леса с криками "ура!", стреляя на ходу из автоматов и винтовок. Немцы, огрызаясь пулемётным огнём, отступили.

Едва мы успели занять деревню и похоронить в братской могиле своих убитых, как в небе появилась тройка "Ю-87". "Лаптёжники", завывая сиренами, по очереди, круто сваливаясь в пики, сбрасывая на наши позиции свой смертоносный груз. Во время первой бомбёжки было страшно. Порою казалось, что фашистские стервятники отчётливо видят меня и моих солдат, свернувшихся калачиком на дне неглубокого окопа. Позднее мы привыкли и к налётам вражеской авиации, и к регулярным артобстрелам. А тогда, после основательной бомбёжки мы впервые увидели немецкие танки. Приземистые, лежащие узкими гусеницами стальные коробки с короткоствольной пушкой в лобовой башне охватывали деревню полуколом.

Их было немного, всего около десятка. Но нам их нечем было остановить. Броню винтовкой или пулемётом не пробьешь, а гранаты у нас тогда были только противопехотные. Даже бутылки с зажигательной смесью не было! В принципе, фашисты могли нас запросто передать в отдалении и открыли прицельный огонь из пушек и пулемётов. По сути, они просто расстреливали нас.

В этом аду было невозможно поднять голову. Снаряды рвались, засыпая окопы комьями рыхлой земли и острыми горячими осколками. А потом на нас двинулся немецкий пехотный батальон. Гитле-

ровцы шли нагло, дерзко, в полный рост, поливая нас свинцом из своих таявкоющих автоматов. Мы открыли ответный огонь, но их наступало много. Очень много...

Пришлось нас оставить деревню и отступить назад в спасительный лес. Потом с боями отходили к Ленинграду. Когда добрались до штаба дивизии, в роте осталось девяносто человек из двухсот. В других подразделениях людей насчитывалось ещё меньше. Нас вновь переформировали. Мне дали новую стрелковую роту.

30 октября 1941 года дивизию сняли с линии обороны и приказали готовиться к переправе на Невский пятачок. Осень выдалась очень холодной. По ночам из тёмных низких туч падал снег. А мы спешно смалили и конопатили старые рыбацкие лодки, посматривая на ледяную воду широкой реки. Переправлялись всем батальоном глубокой ночью. До другого берега было метров четыреста. В полной тишине мы доплыли до середины реки, а потом...

В небо взлетели десятки осветительных ракет. По глазам резанул ослепительный свет прожекторов, на реке стало светло как днём. А вражеский берег ощерился колючим пулемётным огнём, яркими всполохами орудийных и миномётных залпов.

Совсем рядом запылали высокие фонтаны разрывов. Потом сразу две мины попали в один из плотов моей роты. Он разлетелся на куски и ушёл на дно вместе с людьми. Соседний челнок немцы расстреляли из крупнокалиберных пулемётов.

А потом пришёл и наш черёд. Немецкая мина упала очень близко. Сapéра и связиста, сидящих на вёслах, убило осколками сразу, а меня с ординарцем взрывной волной выбросило за борт. Нас сразу не утащило на дно потому, что мы шинели не надели, а только накинули на плечи. В обжигающей от холода воде я её тут же сбросил и выплыл на поверхность.

Струдом добрался до берега. Очнулся на мелководье. Лежу, колени и грудь в песок упираются, а встать не могу, сил нет. Тут рядом свет моргнул. Это, как потом оказалось, дверь в землянку открыли. Кое-как встал на ноги и заковылял туда босиком по свежеевпавшему снегу.

В землянке меня тут же раздели, дали выпить неразбавленного спир-

та, и я потерял сознание. Очнулся только днём. Надел свою подсохшую форму. Солдаты где-то достали старую шинель, грязную шапку и рваные стоптанные сапоги. В таком виде я и пошёл в штаб полка. Думал, что иду на расстрел. А как иначе? Война, а я – командир роты, которая не выполнила задачу. Люди погибли, а сам я жив остался. Теперь надо было отвечать за всё...

Но в штабе к моему появлению отнеслись спокойно и тут же назначили командовать взводами тылового обеспечения, готовить пластерства к новой переправе. Потом я узнал, что из всей своей роты в живых я остался один...

Второй раз Неву мы форсировали во главе с командиром полка, Героем Советского Союза майором Горькавым. Всё повторилось: опять мы ночью доплыли до середины реки, и началось...

В лодку командира полка попала мина, и он утонул вместе со всем своим штабом. А я схлопотал две пули в руку и живот. Сильной боли тогда не почувствовал, но крови из меня вытекло порядочно. Наш батальон к тому времени почти весь потопили, и мои солдаты погребли назад. На берегу меня перевязали и отправили в медсанбат. Там меня спешно прооперировали и эвакуировали в Ленинград. Госпиталь располагался на Старорусской улице, в здании, оборудованном собственной котельной, где были заранее заготовлены уголь и дрова. Так что нам повезло, в палатах было чисто и тепло. Мы даже иногда мылись горячей водой. Уход медперсонала был замечательный. А вот с питанием было плохо. С 15 ноября весь Ленинград перешёл на блокадный паёк. В день нам давали 250 грамм хлеба с различными примесями. А на завтрак и ужин на тарелке приносили по одной столовой ложке пшённого концентрата. Мы страшно голодали.

Моя раненая рука ещё не сгибалась, когда мне выдали предписание в батальон выздоравливающих. Но я туда не пошёл. Пока лежал в госпитале, узнал, что мой бывший погранотряд стоит совсем неподалёку, на берегу Финского залива в местечке Лисий нос. Вот туда я и пошёл. Пришёл, показал документы часовому, и он меня направил в штаб. Захожу в тёплый блиндаж, а там сидят мои солдаты с заставы и знакомые офицеры. Смотрят на меня в упор и спрашивают: "Вам кого, дедушка?"...

Потом меня долго поили крепким, подслащённым сахаринном чаем, и пограничники внимательно слушали мой неторопливый рассказ о прошедших боях, отступлении и ранении на переправе.

В общем, меня оставили в пограничной бригаде. Более того, каким-то образом тыловики смогли выдать мне офицерский допнаёк за два прошедших месяца. А это по тем временам было целое богатство. В него тогда входило 400 грамм сливочного масла, три банки рыбных консервов и шестьсот грамм галет. На таком, по тем меркам, усиленном питании я поправился окончательно.

А с первого мая 1942 года действующая армия стала получать первую норму нормального общевойскового пайка, и мы уже больше так не голодали.

Наша пограничная бригада вначале охраняла побережье Финского залива, а потом держала оборону на одном из участков блокадного кольца. В 1942 году нас объединили и придали 27-й стрелковой бригаде, которая готовилась вести уличные бои в случае прорыва немцев в Ленинграде.

Так погранотряд стал отдельным батальоном, а меня назначили помощником начальника штаба по разведке. Воевали мы тогда против финнов. В свой первый разведывод за вражеским языком мы отправились зимой по льду Финского залива. Ориентиров не было, поэтому двигались с помощью компаса по азимуту. Валил густой снег. Мы немеченными пробрались за линию финской обороны и углубились в их тыл на 12 километров.

Вдурт впереди показались повозка. Мы залегли, подождали, когда она подойдет поближе, и со всех сторон бросились к ней. Кроме возницы в повозке ехали финский офицер со своим ординарцем. Сопротивления они оказать не успели, ошарашенные нашим внезапным появлением. Один из разведчиков был карел. Он тут же начал допрос пленного офицера. Тот оказался командиром роты, которая выдвигалась на фронт для плановой замены воюющих частей. Выяснив, что подразделение идёт следом, мы связали пленников, заткнули им клапаны рты. И стали готовить засаду.

Вскоре показалась колонна финских солдат. Отдохнувшие в тылу войки бесечно шагали по ль-

ду, даже не вылав вперёд боевого охранения. Забыли, что уже не сорок первый!.. Мы их подпустили поближе, и по моей команде разведчики начали расстреливать финнов из автоматов. Выпустив в мечущегося под огнём врага по полному диску, мы быстро растворились в ночи.

Надо сказать, что финны сделали для себя определённые выводы из нашего рейда, и с тех пор караульная служба у них была поставлена очень хорошо. Больше разведчикам не удавалось незамеченными пересекать линию фронта. Шли дни, месяцы, а мы никак не могли взять языка.

Вскоре всех нас, начальников разведки отдельных батальонов, вызвали в штаб армии. Туда приехал командующий фронтом и лично зачитал директиву Верховного. Я её помню так хорошо, будто мне её прочитали сейчас:

“Командующему армией. Ваша армия не боеспособна! В течение трёх месяцев не взяла ни одного пленного. Вами не вскрыт численный состав и намерения группировки врага. Предлагаю Вам в течение месяца раскрыть состав группировки противника и выяснить их предполагаемые действия на вашем направлении. Сталин”.

Командующий дал нам полмесяца на взятие языка и предупредил, что, если через пятнадцать суток пленный не будет взят, в разведку он пойдёт сам лично, а мы все вместе будем его прикрывать.

Вернувшись в батальон, я сразу вызвал к себе командира разведчиков. Мы вместе с ним покумекали над картой и решили попробовать пробраться во вражеский тыл через непроходимую трясину. Разведгруппа быстро собралась и ещё засветло вышла к болотам. Ночью звонок:

– Ваши разведчики вернулись с пленным.

Я за телефон – докладывать в штаб бригады:

– Приказание командующего фронтом выполнено. Есть язык!

За трубку хватается сам комбриг:

– Где пленный? На болотах? А чего он там делает? Немедленно бери мой “Виллис” и галопом за ним! Запомни, Шатилов, доставь мне этого финна целым и невредимым! Тебя убьют и хрен с тобой, но чтоб языка доставил целёхоньким!

Приехал за пленным, гляжу на

него. И кажется он мне очень подозрительным: видно, что не оглушённый, чистенький, не помятый и вроде бы даже довольный, что к нам попал. Интересуюсь через переводчика, где, как, когда его взяли наши разведчики. А он молчит. Только глазами по сторонам водит. Спрашиваю во второй раз. А он вдруг взял и расплакался. Оказалось, никто его в плен не брал. Это был перебежчик. Он там у себя чем-то провинился, и его хотели сослать в штрафную роту.

Я привёз его к комбригу. Язык оказался кладёзем ценной информации. Он сам указал на карте штаб своего полка, расположение подразделений, основные и запасные позиции артиллерийских и миномётных батарей. Пока финна допрашивали, я тихонько шепнул комбригу, что это не язык, а перебежчик. Тот мне около виска пальцем покрутил и говорит:

– Нам с тобой какая разница? Главное, мы получили информацию и выполнили приказ Верховного! А язык он или перебежчик, кого это в штабе армии или фронта интересует?..

В 1943 году нашу и соседнюю 103-ю бригаду объединили в 201-ю стрелковую дивизию, и вместо боёв на городских улицах мы стали готовиться к прорыву блокады. К тому времени мне присвоили звание капитана и назначили командиром батальона. Ответственности значительно прибавилось. В моём подчинении теперь были три стрелковых, пулемётная и миномётная роты, батарея противотанковых сорокапятков, взвод связи и другие подразделения боевого и тылового обеспечения.

В январе 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление и, круша оборону противника, начали продвигаться вперёд. Немцы сопротивлялись отчаянно. Дрались за каждый окоп, траншею, блиндаж. Нашу дивизию ввели в бой в районе Пулковских высот. Вскоре мы подошли к какой-то деревне и наткнулись на ожесточённое сопротивление гитлеровцев. Пришлось залечь в окопах. Когда стемнело, ударили наши “катюши”, и мы под шумок быстро заняли половину деревни, а девятая рота под командованием капитана Григория Писарева сумела захватить немецкий полковой штаб, взяв около десятка пленных офице-

ров.

Наступление развивалось успешно, вскоре с боями были освобождены города Гатчина и Луга. За массовый героизм, мужество и отвагу, проявленные солдатами и офицерами, дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила почётное наименование “Полтинская”, а меня представили к ордену Отечественной войны I степени.

Война продолжалась. Весной 1944 года меня назначили начальником разведки дивизии. Вскоре наше соединение в составе 2-й ударной армии 3-го Прибалтийского фронта приступило к разгрому немецкой группировки в Курляндии. Мои разведчики работали в глубоком тылу противника и по радиостанции регулярно докладывали о составе и перемещениях вражеской группировки. Разведгруппа нашей дивизии даже проникла в занятую врагом Ригу на несколько дней раньше атакующих частей. И во время штурма города разведчики корректировали огонь батарей с крыши одного из высотных зданий.

Командование высоко оценило наши заслуги. За освобождение Риги меня наградили орденом Красной Звезды.

А известие о капитуляции Германии застало меня в Ленинграде, где я находился в резервном офицерском полку. Мы с товарищами ходили гурьбой по ленинградским улицам, поздравляя всех встречных военных с Победой и принимая поздравления от горожан. Но ближе к вечеру мне что-то взгрустнулось, захотелось побыть одному. Ноги сами привели на набережную Невы. Спустившись по гранитным ступеням к реке, я достал почтовую пачку “Бело-моря” и, стоя у самой воды, долго смолит одну папиросу за другой, по привычке пряча огонёк в кулак.

Перед моими глазами мелькали лица погибших друзей и сослуживцев, первый бой на границе, отступление, переправа на Невский пятачок, госпитали, рейды, засады, прорыв блокады...

В пачке закончились папиросы, уже давно стемнело. А я всё стоял у крошки воды, повторяя про себя только одну фразу: “Мы не могли не победить...” ★

**Записал подполковник
Николай ПЕТЕЛИН**
Фото из семейного альбома

**Боевая биография
Михаила Ивановича Куликова
началась в августе 1941 года,
когда он был призван
на военную службу
и надел форму бойца войск НКВД.
В составе одного из подразделений
ОМСДОНа им. Ф. Дзержинского
патрулировал улицы Москвы.
Когда столица стала прифронтовым
городом, боролся с мародёрами
и вражескими лазутчиками.
Участвовал в легендарном параде
на Красной площади
7 ноября 1941 года.
Потом были бои под Волоколамском,
учёба в дивизионной школе снайперов,
выезды на боевые стажировки
под Юхнов, на Волховский фронт,
борьба с бандитским подпольем
в горах Северного Кавказа.
После демобилизации
из рядов внутренних войск
Михаил Иванович пришёл на службу
в органы государственной
безопасности. И больше двадцати лет
отдал работе в военной контрразведке.
Сейчас майор в отставке
Михаил Иванович Куликов
живёт в Москве,
ведёт активную работу
по военно-патриотическому
воспитанию молодёжи,
передаёт свой богатый боевой опыт
нынешним военным контрразведчикам.**

ГЛАВНАЯ СОЛДАТСКАЯ МЕДАЛЬ

У КАЖДОГО из прошедших Великую Отечественную войну есть своя точка отсчёта того времени, когда он начал лично приближать Победу. Для меня это 18 августа 1941 года. В этот день я, совсем ещё мальчишка, поменял спецовку рабочего Мытищинского вагонного завода на гимнастёрку красноармейца дивизии им. Ф. Дзержинского...

Враг тогда рвался к Москве, бросив в наступление на нашу столицу всю свою мощь. Красная Армия дралась отчаянно и ожесточённо, но вынуждена была отступать. По-

жалуй, психологически это был самый сложный период войны. Никогда не забуду московские улицы, опустевшие в октябре 1941 года. Каждую ночь мы выходили на патрульные маршруты, задерживали паникёров, дезертиров, мародёров.

Человеческая память, как известно, штука избирательная. Иногда в неё прочно врезаются эпизоды, которые, словно старые пожелтевшие фотографии, то и дело встают перед глазами.

Дождливая осенняя ночь. Вышли на службу. Чуть за полночь в Марининой роще у продовольственного склада замечаем грузовую машину. Темно так, что и силуэт её не

сразу разглядишь. Двое мужчин, стараясь не производить лишнего шума, грузят в кузов мешки с мукой. Подходим, просим предъявить документы. Старший патруля внимательно рассматривает красную корочку делегата Съезда народных депутатов. А накладных на муку нет. Так и доставили под конвоем этого “народного избранника” с подельником в отделение милиции.

...Вот уже вторую неделю в Лефортово на плацу полка мы целыми днями занимаемся строевой подготовкой. Командиры не жалеют ни нас, ни себя. Чувствуем, что готовимся к чему-то особенному, но даже не можем предположить, к

чему конкретно. 6 ноября в 23.00 на вечерней поверке нам сообщают: “Завтра участвуем в параде на Красной площади”. Отчего-то бытует мнение, что 7 ноября 1941 года был очень морозный день. Нет, стоял лёгкий морозец, около 10 градусов, шёл крупный снег. Помню все так, будто вчера было: Будённый на тёмном коне, речь Сталина. Моральное напряжение такое, что многие бойцы плачут, слушая слова Верховного главнокомандующего. Думаю, в тот момент мы все окончательно поняли: победа будет за нами! Торжественный марш, и сразу – под Волоколамск, на Западный фронт. Два месяца мы вели бои с гитлеровцами на этом участке.

Весна 1942 года. Я прохожу обучение в снайперской школе. Целыми днями занимаемся на дивизионном стрельбище в деревне Новой Балашихинского района. Учусь снайперскому делу, как говорится, настоящим образом. Осваиваем стрельбу в разных погодных условиях, секреты маскировки, психологической подготовки, умение работать в паре. На первую боевую стажировку я попал под Юхнов. Мы с напарником каждую ночь, ближе к утру выходили на передовую, занимали позицию и ждали. Умение ждать – одно из основных качеств, необходимых снайперу. До немецких траншей – буквально две сотни метров. Мы даже лица гитлеровцев без оптического прицела различали. И били без промаха!

Как-то приметили пригорок на нейтральной полосе. Практически идеальная позиция для стрелка. Решили выйти “на охоту” немного раньше обычного времени. Как только стемнело, преодолели попластунски отделившее от возвышенности расстояние, затихли. Лежим, не дышим. До врага рукой подать. Около двух часов ночи слышим шорохи. Никак гости к нам! И точно: ползёт кто-то от немецких траншей. Встретили мы гитлеровца с “распростёртыми объятиями”, скрутили и отволокли к нам в тыл. Оказался фашист снайпером. Тот буторок он тоже для своей позиции присмотрел.

...Волховский фронт, лето 1943 года. Немцы глубоко вклинились в нашу оборону. Мы с напарником снова на боевых позициях. Местность болотистая, окол не выпадает: сразу наполняется водой. В этой болотной жиже приходилось

Красноармеец
Михаил Куликов

лежать по несколько часов и всё ради одного-единственного выстрела. Такая у снайпера работа. Брели с собой на боевые выходы плащ-палатки и оборудовали позицию самым тщательным образом. Больше двух месяцев пришлось в прямом смысле воевать по горло в воде. За ту боевую стажировку меня наградили самой уважаемой солдатской медалью – “За отвагу”.

...Осень 1944 года. Мы, воины ОМСДОНа, боремся с бандитским подпольем на Кавказе в районе Грозного и Орджоникидзе. В горах действует множество мелких преступных групп, которые нападают на военные гарнизоны, терроризируют местное население. Столкнулись мы тогда с врагом жестоким и коварным. Нередко приходилось идти на хитрость, чтобы задержать бандитов. Памятна для меня одна из таких операций. Около месяца мне и несколькими моим боевым товарищам пришлось изображать рабочих на лесопилке. Руководили нами два оперативника из “Смерша”. Целый спектакль перед преступниками мы тогда разыграли. И доски пилили, и быт наладили, даже живность завели. Ключули бандиты на нашу уловку, вышли с ору-

жием в одну из ночей прямо к лесопилке и угодили нам в руки.

За годы войны мне несколько раз приходилось участвовать в силовом прикрытии действий военных контрразведчиков. Мы, солдаты-срочники, с восхищением смотрели на работу офицеров “Смерша”: всё четко, без лишней суеты, грамотно, а главное – результативно! Нередко поднимали нас по тревоге и на грузовиках доставляли в лес, к месту, куда были выброшены вражеские диверсанты. Со временем стал понимать, какой уровень профессионализма должен быть у оперативников, чтобы подготовленных фашистских агентов брать живыми. И наши контрразведчики это делали!

...Война окончена. До демобилизации остаются считанные месяцы. Разрушенная, разорённая страна начинает подниматься. Не хватает рабочей силы, строительных материалов. Пришлось нам, бойцам внутренних войск, трудиться на объектах народного хозяйства. Наше подразделение работало на кирпичном заводе в Подмоскowie. Условия были очень тяжёлые: большие физические нагрузки, нестерпимый жар от печи, постоянные сквозняки. Но никто из нас не жаловался. Каждый понимал, что делаем нужное и важное дело! Так мы были воспитаны и не могли поступать иначе.

...31 декабря 1947 года. Подписан приказ о моей демобилизации. Срочная служба, которая длилась семь лет, для меня окончена. Но служба Родине продолжилась. С 1 января 1948 года я стал сотрудником военной контрразведки, которой отдал больше двадцати лет жизни.

Быстро летит время. Проходят годы, всё меньше остаётся ветеранов Великой Отечественной войны. Однако с уверенностью могу сказать, что слова “Никто не забыт, ничто не забыто” не пустой звук для сегодняшнего поколения сотрудников военной контрразведки. Все мы, ветераны управления ФСБ России по внутренним войскам, чувствуем их заботу и внимание. И проверьте, это дорогого стоит.

Для каждого из нас, прошедшего через горнило сражений с немецко-фашистскими захватчиками, День Победы – особый праздник. Поэтому очень приятно, что ежегодно накануне этого знаменатель-

С ветеранами-контрразведчиками

ного события руководство управления и Совет ветеранской организации устраивают приём для ветеранов. За теми, кому по причине преклонного возраста затруднительно добраться самостоятельно, всегда присылают машину, чтобы и они смогли принять участие в торжественном мероприятии, пообщаться друг с другом, получить подарки. Тех фронтовиков, кто по состоянию здоровья не может приехать, обязательно навещают дома руководители управления. Аналогичные встречи проходят и в дни профессиональных чекистских праздников.

Значительную помощь оказывают нам, ветеранам войны, и в решении вопросов, связанных с медицинским обеспечением. Так, например, в прошлом году при непосредственном участии начальника управления генерал-лейтенанта Леонида Дмитриевича Шидловского было организовано лечение ветеранов в Главном военном клиническом госпитале внутренних войск. В этом немалая заслуга и

офицеров Главного командования внутренних войск МВД России.

Особые слова благодарности за всестороннюю помощь хотелось бы сказать президенту Фонда социальной защиты сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск и членов их семей “Забота” Ю.В. Ничукину, президенту Ассоциации охранных агентств “Глобал-безопасность” М.И. Королёву, президенту Регионального общественного фонда содействия социальной и правовой поддержке ветеранов и сотрудников ФСБ России В.М. Соyme, президенту Фонда поддержки ветеранов и офицеров подразделений особого и специального назначения “Барс” М.А. Савуляну, Совету ветеранов Департамента военной контрразведки ФСБ России и Управления ФСБ России по внутренним войскам. Их добрые дела касаются не только ныне здравствующих фронтовиков, но и вдов участников Великой Отечественной войны.

Проявляя внимание к живым, военные контрразведчики не забывают и об ушедших ветеранах. В мае 2009 года со всеми воинскими почестями проводили в последний путь генерал-майора Ивана Михайловича Кодракова. К 65-летию По-

беды на его могиле будет открыт памятник. Уже установлен памятник на месте захоронения контрразведчика старшего лейтенанта Мансы Матвеевны Морозовой, у которой не осталось родственников, поэтому все расходы взяло на себя Управление ФСБ России по внутренним войскам. Силами офицеров управления обогорожены могилы генерал-лейтенанта В.С. Сергеева, генерал-лейтенанта Н.Л. Орлова, участников Великой Отечественной войны И.А. Демченко, Н.И. Митюкова, Г.Т. Акуличева, Н.Я. Баранова, С.В. Чукова, И.Д. Шаповалова, Н.Н. Лебедева, Ф.И. Шилова, Г.А. Богданова, М.Г. Лексина.

Одним словом, нынешнее поколение военных контрразведчиков достойно следует заповедям ветеранов-фронтовиков. Славные традиции, бесценный боевой опыт, добытый нами, старшими товарищами, бережно хранится и приумножается. За что им большое фронтное спасибо!

★
Записал капитан
Сергей ДЮЛЬДИН

Фото из домашних альбомов
М.И. КУЛИКОВА

В ТЫЛУ – КАК НА ПЕРЕДОВОЙ

Заградительные формирования в Великой Отечественной войне

Среди небылиц и страшилок о войсках НКВД, которыми потчуют доверчивую публику недобросовестные, а то и просто неосведомлённые журналисты, литераторы и историки, “почётное место” занимает насквозь лживый миф о том, что в годы Великой Отечественной войны чуть ли не главной задачей внутренних войск было создание заградительных отрядов с целью пресечения силой оружия отступления частей и подразделений действующей армии. То бишь ничем иным, кроме как карательными акциями, по версии “продвинутых” авторов, воины-чекисты не занимались.

НЕБЕЗЫЗВЕСТНЫЙ Виктор Суворов (Резун) в своей книге “Ледокол” заявляет: в отличие

от войск СС, которые “активно воевали на фронте”, наши чекистские войска “стояли позади частей Красной Армии, не позволяя отходить без приказа или подбавляя наступающие части пулемётными очере-

дами в затылок”, а “в боях части НКВД практически участия не принимали”.

И люди, не знающие о реальном вкладе внутренних войск в Победу, верят этим небылицам, хуже того,

через их призму многие наивные обыватели смотрят и на современные войска правопорядка: мол, яблоко от яблони...

Но факты – упрямая вещь. Они жёстко диктуют запрос на правду.

Говорите, внутренние войска – войска не воевавшие? А кто же рука об руку с бойцами погранзастав дрался до последнего патрона на границе, оборонял вместе с частями и соединениями Красной Армии Ленинград (пять дивизий, две бригады и ряд отдельных частей войск НКВД здесь сражались), Таллин, Могилёв, Одессу, Киев? Кто защищал Москву (четыре дивизии, две бригады, несколько отдельных частей, три бронепоезда войск НКВД при обороне столицы покрыли себя неувядаемой славой), Тулу, Харьков, Ростов (в боях на ростовском и дебальцевском направлениях отли-

чились части 71-й бригады войск НКВД, парализовавшие действия полка СС “Нордланд” и разгромившие эсэсовский полк “Вестланд”), Воронеж, Донбасс? Кто стоял насмерть в Сталинграде (10-я дивизия войск НКВД, единственная из всех участвующих в битве за город на Волге соединений, была награждена орденом Ленина, а 91-й железнодорожный полк и 75-й отдельный бронепоезд стали Краснознамёнными), кто помог армии удержаться на кавказских рубежах (в битве за Кавказ участвовали семь стрелковых дивизий, одна дивизия по охране железнодорожных сооружений, несколько отдельных частей и военное училище войск НКВД), перейти в наступление на всех фронтах?

Как свидетельствуют архивные документы, всего в боях с различной продолжительностью участвовали воинские части 58 дивизий и 23 бригад внутренних войск.

Кроме того, войска НКВД на протяжении всей войны были постоянным резервом Красной Армии. В 1941 году они сформировали 15 стрелковых дивизий и передали их Народному комиссариату обороны, в 1942-м направили в действующую армию 75 тыс. человек. В феврале

25 июня 1941 года СНК СССР принял решение использовать для охраны тыла действующей армии расположенные в прифронтовой полосе войска НКВД – пограничные, оперативные, конвойные, по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности.

1943 года была передана НКО и включена в состав Центрального фронта отдельная армия НКВД, сформированная из пограничников и военнослужащих внутренних войск.

Всё это – факты общеизвестные. С их помощью легко опровергнуть лживые утверждения о том, что войска НКВД на фронте пороку не нюхали (хотя, если на то пошло,

За первые шесть месяцев несения заградительной службы войска охраны тыла задержали всеми видами нарядов 685629 человек, среди них шпионов и диверсантов – 1001, пособников врага – 1019, дезертиров и изменников – 28064. Большая часть задержанных военнослужащих направлялась на пункты формирования и вновь вливалась в состав действующей армии.

внутренние войска предназначены для выполнения специальных задач, воевать на передовой воинво-чекистов обязывала суровая боевая необходимость).

А вот когда заходит речь о несении заградительной службы частями по охране тыла действующей армии, разоблачить мифы намного труднее. Долгое время эта тема считалась запретной, не освещалась ни в исторической, ни в художественной литературе. Потому распространяемые о войсках домислы-страшилки читательская аудитория и принимает за чистую монету.

Попробуем же разобраться в этом проблемном вопросе. И начнём с его предистории.

ЕЩЁ во время Отечественной войны 1812 года возникла необходимость усилить батальоны внутренней стражи в освобождённых приграничных губерниях, поскольку «в

сём крае по обстоятельствам внешней войны настояла необходимая нужда в содержании достаточных гарнизонов для устройства и охранения всякого порядка». В годы Первой мировой войны командование снимало с позиций целые воинские части для охраны прифронтового тыла. Так же активно решалась эта проблема в Гражданскую войну.

Что касается непосредственно войск ОГПУ-НКВД, то для охраны тыла действующей армии они применялись в 1929 году в ходе вооружённого конфликта на КВЖД, в 1939 году – в период боевых действий в районе реки Халхин-Гол и во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Приобретённый опыт был изучен и обобщён. Так что не на голом месте возникла эффективная система охраны тыла фронтов и армий, развёрнутая в первые же дни Великой Отечественной войны.

24 июня 1941 года Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», возложив руководство по выполнению данной задачи на НКВД. Уже на следующий день в Наркомате внутренних дел был создан штаб, а в ряде НКВД-УНКВД союзных республик, краёв и областей – оперативные группы. При городских и районных отделах НКВД формировались истребительные батальоны, которые предполагалось применять и в интересах охраны тыла. К концу июля 1941 года в прифронтовой полосе было создано 1755 таких батальонов общей численностью более 328 тысяч человек. Их возглавляли командиры из пограничных и внутренних войск, начальствующие сотрудники органов госбезопасности и внутренних дел.

25 июня 1941 года СНК СССР принял решение использовать для охраны тыла действующей армии расположенные в прифронтовой полосе войска НКВД – пограничные, оперативные, конвойные, по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности. На следующий день НКВД СССР на основе этого постановления учредил институт начальников охраны тыла. Приказанием замнаркома по войскам генерал-лейтенанта И.И. Мас-

ленникова были назначены начальниками охраны войскового тыла Северного фронта – генерал-лейтенант Г.А. Степанов, Северо-Западного фронта – генерал-майор К.И. Ракутин, Западного фронта – генерал-лейтенант Г.Г. Соколов, Юго-Западного фронта – генерал-майор В.А. Хоменко, Южного фронта – генерал-майор Н.Н. Никольский. В оперативное подчинение им передавались пограничные и внутренние войска, расположенные в пределах соответствующих территорий.

Всего в подчинение фронтовых органов охраны тыла было передано 163388 человек, в том числе 58049 пограничников и 105339 военнослужащих внутренних войск.

Войска НКВД по охране тыла действующей армии вели борьбу с диверсантами, шпионами и бандитскими элементами, участвовали в ликвидации мелких подразделений гитлеровцев, уцелевших после разгрома основных вражеских группировок, задерживали отбившихся от своих частей военнослужащих, проводили их фильтрацию с целью выявления дезертиров, охраняли коммуникации на определённых участках, осуществляли контроль за соблюдением прифронтового режима.

За первые шесть месяцев несения заградительной службы войска охраны тыла задержали всеми видами нарядов 685629 человек, среди них шпионов и диверсантов – 1001, пособников врага – 1019, дезертиров и изменников – 28064.

Большая часть задержанных военнослужащих направлялась на пункты формирования и вновь вливалась в состав действующей армии, дезертиры, изменники, вражеские агенты предавались суду военного трибунала.

28 апреля 1942 года Народный комиссариат обороны и Народный комиссариат внутренних дел СССР утвердили «Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии». В тот же день приказом НКВД СССР Управление внутренних войск было реорганизовано в Главное управление внутренних войск, при нём создавалось Управление войск НКВД по охране тыла действующей Красной Армии. 4 мая 1943 года его выделили в самостоятельное Главное управление, которое обеспечивало охрану тыла 12 фронтов и одной отдельной ар-

мии.

По мере освобождения от врага занятой территории внутренние войска выводились из состава фронтов и продолжали осуществлять свои непосредственные задачи.

С переносом боевых действий за пределы страны часть пограничных полков приняла под охрану Государственную границу СССР. Для пополнения войск охраны тыла и выполнения новых задач были сформированы десять дивизий. Так появились внутренние войска НКВД по охране тыла и коммуникаций действующей армии, которые

вопросы.

В Красной Армии подразделения такого рода создавались ещё в начальный период Великой Отечественной войны, когда отступление ряда частей становилось управляемым и необходимо было твёрдой рукой навести порядок в войсках, повысить их стойкость.

На уровне фронтового командования впервые этот вопрос был поставлен в докладной записке командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта А.И.Ерёменко, направленной в Ставку Верховного Главнокомандования. Ответной директивой № 001650 от 5 сентября

Ни одному из исследователей не удалось найти архивных документов, которые подтверждали бы, что заградотряды во время боя стреляли на поражение по своим войскам. Наоборот, в критические моменты заградотряды часто сами вступали в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему ощутимый урон.

если службу на территории соседних государств. Бдительность и боевое мастерство, мужество и самоотверженность личного состава этих соединений способствовали успеху в проведении крупных операций на завершающем этапе войны.

В итоге можно с полным основанием сказать: войска по охране тыла фронтов внесли весомый вклад в достижение победы над гитлеровской Германией. За годы войны они нанесли врагу серьёзный урон: вывели из строя убитыми и ранеными 303545, захватили в плен 19918 немецких солдат и офицеров.

А КАКИЕ задачи выполняли заградотряды? Когда они были созданы? Чем отличались заградительные формирования Красной Армии и войск НКВД? Случалось ли им во время боя открывать огонь на поражение по отступающим подразделениям, как поётся в популярной бардовской песне: «Эту роту расстрелял из пулемёта свой же заградительный отряд?»

Попробуем ответить на трудные

1941 года Ставка ВГК разрешила создать заградительные отряды в тех дивизиях фронта, «которые рекомендовали себя как неустойчивые» с целью «не допускать самостоятельного отхода частей, а в случае бегства остановить, применяя при необходимости оружие».

Неделю спустя подобная практика была распространена на все фронты. Директивой Ставки ВГК № 001919 предписывалось в каждой стрелковой дивизии «иметь заградительный отряд из надёжных бойцов, численностью не более батальона (в расчёте по 1 роте на стрелковый полк)» с задачами оказывать «прямую помощь составу в поддержании и установлении твёрдой дисциплины», останавливать «одержимых паникой военнослужащих», использовать все средства вплоть до применения оружия, ликвидировать инициаторов паники и бегства, оказывать поддержку честным и боевым элементам дивизии, не подверженным панике, не увлекаемым общим бегством.

Активная работа по наведению порядка в тылу фронтов и армий

способствовала успешному обеспечению двух важнейших стратегических задач: укреплению обороны Ленинграда и подготовке победоносного наступления советских войск под Москвой.

Новый этап в истории заградотрядов начался летом 1942 года, когда немцы прорвались к Волге и Кавказу. 28 июля вышел знаменитый приказ народного комиссара обороны И.В.Сталина № 227 (“Ни шагу назад!”), который предписывал “сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной”.

В этом приказе Сталин призывал Красную Армию поучиться у врагов, взять на вооружение те суровые меры, которые применили немцы после поражения под Москвой: “Они сформировали... специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникёров в случае попытки самовольного оставления позиций... Эти меры возымели своё действие”.

Всего в соответствии с приказом № 227 по состоянию на 15 октября 1942 года было сформировано 193 заградотряда. За этот же период времени на всех фронтах было задержано 140755 военнослужащих, из них арестовано 3980, возвращены в свои части и на пересыльные пункты 131094.

Во время обороны Сталинграда заградительные отряды сыграли важную роль в наведении порядка в частях и предупреждении неорганизованного отхода с занимаемых рубежей, возвращении значительного числа военнослужащих на передовую.

После завершения Курской битвы наступил коренной перелом в войне, и заградительные отряды стали утрачивать своё значение. В конце 1944 года на основании приказа НКО № 0349 они были расформированы.

А ТЕПЕРЬ, чтобы внести ясность в крайне запутанный вопрос о заградотрядах, поставить точку над и, вернёмся к теме заградительной служ-

бы внутренних войск.

Основным тактическим элементом полков НКВД по охране тыла являлись временные заградительные заставы. От них выставлялись контрольно-пропускные посты (от 3-4 человек до взвода), заслоны и засады (отделение – взвод), патрули (2-3 человека), секреты (2 человека). Кроме того, в соответствии с постановлением ГКО от 17 июля 1941 года приказом НКВД СССР № 00941 от 19 июля 1941 года при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при особых отделах армий – отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов – отдельные стрелковые батальоны, укомплектованные личным составом войск НКВД.

На фронте все эти подразделения тоже называли заградотрядами, по аналогии с армейскими. Хотя, в отличие от заградительных формирований Красной Армии, которые выполняли свои задачи непосредственно за боевыми порядками частей, не допуская паники и массового бегства военнослужащих с поля боя, подразделения и наряды войск НКВД по охране тыла использовались в основном для несения службы на главных коммуникациях дивизий и армий с целью задержания диверсантов и дезертиров, а также для поддержания порядка в прифронтовой полосе и для обеспечения оперативных мероприятий особых отделов.

О якобы зверских акциях заградотрядов – и армейских, и войск НКВД – ещё во время войны ходило много небылиц. Однако факты свидетельствуют: это не более чем лживые слухи.

Выполняя свои прямые обязанности, заградительный отряд мог открыть огонь над головами бегущих или расстреливать трусов и паникёров перед строем – но непременно в индивидуальном порядке. Ни одному из исследователей не удалось найти архивных документов, которые подтверждали бы, что заградотряды во время боя стреляли на поражение по своим войскам.

Наоборот, в критические моменты заградотряды часто сами вступали в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему ощутимый урон.

Вот что писал об этом Герой Со-

ветского Союза генерал армии П.Н.Лашенко: “Заградительные отряды, состоявшие исключительно из солдат уже обстрелянных, наиболее стойких и мужественных, были как бы надёжным и сильным плечом старшего. Бывало нередко и так, что заградотряды оказывались с глазу на глаз с теми же немецкими танками, цепями немецких автоматчиков и в боях несли большие потери. Это факт неопровержимый”.

В подтверждение – документальное свидетельство. Начальник 3-го отдела Краснознамённого Балтийского флота дивизионный комиссар Лебедев 10 декабря 1941 года в докладной записке в военный совет флота сообщал:

“Во время сражения за Таллин заградотряд не только останавливал и возвращал на фронт отступающих, но и удерживал оборонительные рубежи... О том, что при этом бойцы НКВД не прятались за чужими спинами, свидетельствуют потери, понесённые заградотрядом в ходе боёв – свыше 60% личного состава, включая почти всех командиров”.

Наконец, ещё один волнующий документ. Пункт 12 “Временной инструкции о службе заградотрядов НКВД” гласил: “При столкновении с вооружёнными диверсантами, вражескими парашютистами, бандитами или дезертирами личный состав отряда обязан действовать смело и решительно. Никакое превосходство сил противника и никакие потери не дают права прекратить бой и начать отход. Боец заградотряда войск НКВД продолжает выполнять задачу, даже если он остался один против врага”.

И в тылу, как на передовой, если требовала обстановка, насмерть стояли воины-чекисты, приближая долгожданную Победу.

Такова правда о заградительных формированиях Красной Армии и войск НКВД. ★

Самуил ШПУТМАН,
полковник в отставке,
ведущий научный сотрудник
Центрального музея
ВВ МВД России,
кандидат
исторических наук,
заслуженный
работник культуры
Российской Федерации

Воины 10-й дивизии войск НКВД ведут бой на улицах Сталинграда

“ДЕРУТСЯ, НЕ ТРЕБУЯ СМЕН И ЗАМЕН...”

Воины внутренних войск НКВД СССР внесли значительный вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне. История сохранила множество примеров их героизма и высокого боевого мастерства. Подтверждение тому – газетные статьи фронтовой поры, многочисленные архивные документы, мемуары непосредственных участников событий военных лет, исследования историков.

СРЕДИ тех, кто с первых минут Великой Отечественной оказался лицом к лицу с агрессором, были бойцы и командиры гарнизонов войск НКВД, охранявших железнодорожные и шоссейные мосты на западной границе Советского Союза. Это об их подвиге написала газета “Правда” 24 июня 1941 года: “Бессмертной славой покрыли вчера себя бойцы-чекисты... Они бились врукопашную, и только через мёртвые их

тела враг смог продвинуться на пядь вперёд”.

А 18 июля “Комсомольская правда” рассказала об одном из подразделений 42-й отдельной бригады конвойных войск НКВД – “взводе бесстрашных” младшего лейтенанта Василия Кустарёва, двое суток до подхода частей 13-й армии удерживавшем мост через Березину: “Несколько раз фашисты собирались с силами, маскировались и бросались в атаку. Но им так и не удалось овладеть переправой. Мужественная группа красных

воинов уничтожила целую роту противника”.

Материалы о подобных подвигах воинов внутренних войск военкоры присылали практически со всех фронтов.

В одном из боёв под Мценском прославился красноармеец Сергей Белоус – боец противотанковой батареи Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения имени Ф. Дзержинского.

С началом битвы за Москву батарея действовала в составе 34-го мото-

стрелкового полка войск НКВД. Октябльской ночью 1941 года артиллеристы услышали шум танковых моторов. Но где конкретно сосредоточивается враг, было непонятно. В разведку добровольно вызвался идти Сергей Белоус. Обнаружив место скопления немецких танков, он вплотную подобрался к ним и дал сигнальную ракету, вызывая, по сути, огонь артиллерии на себя. Во время арталёта отважный красноармеец не только уцелел, но подорвал гранатами одну из вражеских боевых машин.

Мужеству артиллериста-дзержинца посвятила передовицу газета "Красная звезда", вышедшая 24 октября 1941 года: "День и ночь на подступах к Москве идут ожесточённые бои. Натиск врага не ослабевает. Чего бы ни стоило, остановить врага, отстоять столицу! Эта идея и воля рождают массовый героизм, рождают героев. Таким славным защитником Москвы, героем её обороны является красноармеец Сергей Белоус..."

А сколько примеров стойкости и отваги воинов внутренних войск засвидетельствовано в боевых документах! Например, командир южной группы войск Отдельной Приморской армии, оборонявшей Одессу, комбриг С.Ф.Монахов докладывал командарму генерал-лейтенанту Г.П.Сафонову о действиях сводного батальона 249-го полка конвойных войск НКВД: "Батальон показал исключительное умение вести рукопашный бой. Отмечаю высокую выучку личного состава. За весь период боёв не было проявлено ни одного случая не только паники, но и даже подобия трусости. В бою 17.08.41 г. батальон разгромил более двух батальонов противника с артиллерией, миномётами и танками..."

А вот что докладывал в Ставку Верховного главнокомандующего в мае 1942 года командующий войсками Крымского фронта генерал-лейтенант Д.Т.Козлов: "Части фронта вели тяжёлые бои в период 14-19 мая, прикрывая эвакуацию главных сил. При этом особенно отлично дрались 26-й и 276-й полки войск НКВД..."

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И.Ерёменко, представляя отличившуюся в боях за город 10-ю стрелковую дивизию войск НКВД к ордену Ленина, отмечал: "Дивизия отбила первые атаки прорвавшихся к городу частей противника и обеспечила возможность перегруппировки 62-й армии..."

Дивизия не только отразила все атаки противника, но и контратаковала его, оттеснила от окраины города, измотала и отбросила немцев с занятого рубежа, вынудив перейти к обороне. При выходе группировки противника к южной части города дивизия в течение 11 суток отражала атаки превосходящих сил противника, дав возможность частям 62-й армии перегруппироваться... Дивизия преградила путь ударной группировке врага к центру города, вела многочисленные уличные бои, преграждая

Воины-чекисты
во время боя в Ростове

противнику путь к переправам через Волгу".

В октябре 1942-го два неполных по составу полка внутренних войск оказались фактически единственными частями 37-й армии Закавказского фронта, встретившими гитлеровцев на улицах Нальчика. "История трёхдневной борьбы 11-й стрелковой дивизии войск НКВД за Нальчик заслуживает пристального внимания. Дивизия, малочисленная по своему составу и маломощная в смысле вооружения, являла собой образец стойкости и мужества в борьбе с несоизмеримо подавляющим в количественном отношении и превосходно технически оснащённым противником. Части дивизии удерживали Нальчик почти три дня. Оборона во многих зданиях продолжалась до их полного разрушения", — докладывал командующему Северной группой войск Закавказского фронта генерал-полковнику И.И. Масленникову командующий 37-й армией генерал-майор П.М. Козлов.

Уже после Победы видные советские полководцы в своих мемуарах не раз отмечали мужество и стойкость частей и подразделений войск НКВД, которые находились в их подчинении.

Например, Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян на страницах книги "Так начиналась война", посвящённых боям за столицу Украины, вспоминал: "6-й корпус подвергся удару немецкой моторизованной дивизии. К счастью, этот удар был ослаблен героическим сопротивлением

отступила ни на шаг. Это соединение направляло в тыл врага свои диверсионные отряды, которые, как свидетельствовал Маршал Советского Союза Г.К.Жуков в историческом исследовании "Операция "Искра", "всюду проявляли чудеса храбрости".

В битве на Курской дуге приняла активное участие 70-я армия, стрелковые части которой были сформированы из военнослужащих внутренних и пограничных войск НКВД СССР. О том, как сражались воины-чекисты в боях под Курском, рассказывал в книге "Солдатский долг" Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский: "В полсе обороны этой армии с 5 по 12 июля 1943 года противник потерял до 20 тысяч солдат и офицеров, было подбито и сожжено 572 вражеских танка, из них 80 "тигров", сбито 70 самолётов. Эти факты красноречиво говорят о мужестве и отваге пограничников и воинов внутренних войск".

Подвиги бойцов и командиров войск НКВД были воспеты известными советскими поэтами. Так, героем стихотворения Евгения Долматовского "Часовой" стал юный красноармеец одного из множества тыловых гарнизонов внутренних войск по охране железнодорожных сооружений:

*Часовой стоит на посту,
Часовой стоит на мосту,
Бревенчатый мост бомбят
По двенадцать раз подряд...
Он не может оставить пост.
Он стоит, не снувшишь, в рост.
Далеко отсюда война,
Артиллерия не слышна.
Из дивизии тыловой
Этот мальчик часовой,
Но героизм его сравню
С тем, кто в бой идёт по огню...*

А поэт-фронтовик Михаил Владимир посвятил воинам Орджоникидзевской стрелковой дивизии войск НКВД, не допустившим прорыва гитлеровцев в Закавказье, такие строки:

*Где линию фронта красало,
Навстречу смертельной беде
Верховная Ставка бросала
Дивизию НКВД.
Враг знал, что такие дерутся,
Не требуя смен и замен,
И в плен никогда не сдаются,
Считая предательством плен...*

Даже в воспоминаниях битых гитлеровских войск и в оперативных сводках вермахта можно обнаружить свидетельства стойкости и мужества воинов внутренних войск.

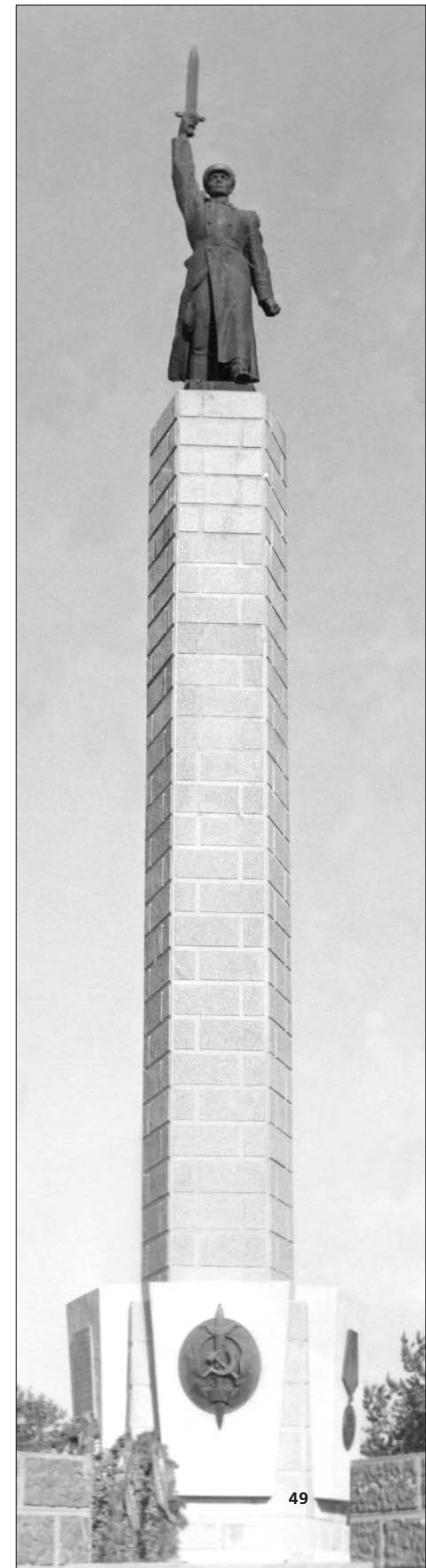
Вот что писал в книге "Мой путь с 45-й дивизией" Рудольф Гшопф, ка-

Памятник воинам 10-й дивизии войск НКВД

пеллан немецкого пехотного соединения, штурмовавшего Брестскую крепость, о бойцах 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД: "5 ч. 10 м. 22 июня 1941 года. Группы лейтенантов Кремера, Лера и Кляйна штурмом взяли мост "Вулька". Кремер стремился завершить операцию каким-нибудь эффектным жестом. Что может быть более подходящим, чем подъём флага над захваченным объектом? Взяв флаг со свастикой, применявшийся для обозначения переднего края, Кремер направился к перилам. Он начал крепить флаг и, вероятно, уже не услышал одинокого выстрела... Офицер умер, смертельно раненный в голову. Подстрелил же Кремера, скорее всего, один из метких, внезапно появившихся стрелков 132-го батальона НКВД, охранявшего мосты. Отсюда и пошли легенды о русских снайперах... В этот день при допросах пленных штабом дивизии делается вывод, что сорок пятая дивизия боролась против особо подготовленных и политических обученных русских солдат".

В июле 1941-го ефрейтор вермахта Мишак стал участником боёв за Смоленск, который вместе с частями Красной Армии обороняли подразделения 3-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. Своими впечатлениями о пережитом старый солдат поделился с германским историком Вольфом фон Аакеном, а тот включил их в книгу "Ведьмин котёл" на Восточном фронте: "В северной части города два пехотных полка вермахта наткнулись на необычайно сильное сопротивление. Там занимали позиции военные формирования НКВД. Для них существовало только один выход: борьба до последнего вздоха. Так что они держались упорно. Скрываясь на чердаках и в подворотнях, бились до последнего патрона. Они не делали ни шагу назад. Людские потери в частях вермахта были просто чудовищными".

Через год, в июле 1942-го, на улицах Ростова-на-Дону немцам пришлось столкнуться с воинами 3, 4, 125 и 126-го отдельных стрелковых батальонов, 17-го и 29-го кавалерийских полков войск НКВД по охране тыла Южного фронта, а также с бойцами 106-го стрелкового полка войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, отдельного взвода 230-

Памятник Петру Барбашову, совершившему подвиг при обороне г.Орджоникидзе

го стрелкового полка конвойных войск НКВД. В книге Пауля Карелла “Сталинград. Крах операции “Блау” есть воспоминания командира 421-го пехотного полка полковника Альфреда Райнхардта. Германский офицер на всю оставшуюся жизнь запомнил те бои. Вот что он рассказывал своим соотечественникам:

“Штурмовым группам 57-го танкового корпуса удалось прорвать укрепления на окраинах, войти в северную часть города. Ранним утром 24 июля в городе снова вспыхнули бои. В то время как довольно быстро удалось подавить сопротивление противника в квартале, где находилась почта, элитные подразделения держали оборону в здании НКВД (это был усиленный взвод 230-го стрелкового полка конвойных войск НКВД – **Т.М.**). Лишь к середине дня при поддержке танков сопротивление противника было сломлено и здание взято...”

В центре Ростова продолжались упорные, жестокие уличные бои. Они прекратились только через несколько дней... Это беспримерные бои, подвобных им по размаху и ожесточенности ранее не было. Это были бои, которые ожидали немецкие войска в случае их выхода на улицы Москвы или Ленинграда... Войска НКВД и их

сапёрные подразделения забаррикадировали Ростов. Это – щит большевистского режима, элита, с твёрдой волей и железной дисциплиной, великолепно обученная, знакомая со всеми военными хитростями. И, прежде всего, мастера уличных боев. С трудом можно вообразить себе, что в Ростове эти специалисты по уличным боям: дорожное покрытие улиц снято, булыжники использованы для возведения баррикад метровой толщины. Боковые улицы заблокированы глубокими бункерами из кирпича. Повсюду минные поля и “ежи”, очень затрудняющие передвижение пехоты. Двери домов замурованы, окна, заложённые мешками с песком, оборудованы как позиции стрелков. На балконах – пулёмётные гнёзда. На крышах домов – хорошо замаскированные позиции снайперов. В подвалах – тысячи бутылок с зажигательной смесью. Против танков – довольно эффективное средство: бензин, фосфор в смеси с самовозгорающимися в воздухе веществами. Там, где якобы в спешке забыли замуровать дверь, определённо стоит мина, взрывающаяся от нажатия на дверь, либо тонкая проволока натянута под потолком, соединённая с кучей взрывчатки...

Бои за центр города Ростова были беспощадными. Защитники его в плен не сдавались, дрались до последнего, вели огонь, будучи ранеными, даже если оставались в нашем тылу, пока не убиты. Самые тяжёлые бои – на Таганрогской улице, ведущей прямо к въезду на мост через Дон. Здесь атаки неоднократно захлёбываются, так как невозможно нейтрализовать хорошо замаскированных пулёмётчиков НКВД”.

Месяц спустя после описанных событий передовые части 6-й армии будущего генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса подошли к Сталинграду. И на его окраинах столкнулись с войнами 10-й стрелковой дивизии войск НКВД, а если говорить конкретно – с бойцами и командирами 282-го стрелкового полка, входившего в состав соединения. Вот как вспоминал об этом командир 14-го танкового корпуса генерал Альфред фон Виттерсхайм:

“24 августа 1942 года боевая группа Крумпена, в состав которой входили танковые и некоторые артиллерийские подразделения, сапёрные и миномётные части, после поддержки их с воздуха штурмовой авиацией вытесненную придвинулись к Спартаконке –

самому северному промышленному пригороду Сталинграда. Но они не встретили там ни ошеломлённого, ни безвольного противника. Наоборот, они были встречены огненным смерчем... Холм, возвышавшийся над предместьем, был настигнут дотами, блиндажами, пулёмётными гнёздами, позициями миномётных расчётов. Взять Спартаконку наличными силами оказалось невозможным. Советские позиции, удерживаемые частями НКВД, были непреодолимы”.

А вот отрывок из сводки вермахта за 28 октября 1942 года: “Румынские горнострелковые войска во взаимодействии с немецкими горными егерями штурмовали хорошо укреплённый и ожесточённо оборонявшийся врагом город Нальчик”. Столицу Кабардино-Балкарии в те дни обороняли 278-й стрелковый и 17-й кавалерийский полки войск НКВД, принявшие на себя практически всю тяжесть боёв за город 26-29 октября 1942-го. Не имея ни одного противотанкового орудия, подразделения этих двух частей уничтожили 28 вражеских танков и до полутора тысяч гитлеровцев.

В книге Вольфа Акунова “История 5-й панцергренадерской дивизии “Викинг” есть воспоминания группенфюрера СС Феликса Штайнера, подчинённым которого на Северном Кавказе пришлось преодолевать оборону 276-го стрелкового полка внутренних войск: “Дивизия совершила форсированный маршбросок на юг, к городу Алагир, и там столкнулась с упорным сопротивлением частей противника, поддерживаемых подразделениями НКВД, которые сражались в жёсткой и беспощадной манере, приводившей в изумление войска СС”.

Именно в ноябрьских боях 1942 года за Алагир предвосхитил подвиг Александра Матросова командир взвода 276-го полка войск НКВД младший лейтенант Пётр Гужвин, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза...

Это благодаря ему и тысячам таких, как он, войнам внутренних войск, самоотверженно сражавшимся на всех фронтах плечом к плечу с бойцами и командирами Красной Армии, и была завоёвана победа в самой кровопролитной войне в истории человечества...

★
**Подполковник
Тимур МАКОЕВ**
Фото из архива редакции

Накануне 65-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне некоторые средства массовой информации в очередной раз упорно и настойчиво пытаются исказить ход войны, вылить ушат грязи на светлую память миллионов павших в боях героев и отдать лавры победителей не советскому солдату-освободителю, а нашим союзникам по антигитлеровской коалиции. По их мнению, наша страна если и воевала, то в основном силами штрафников. Об этом, например, рассказывает и низкосортный, по моему мнению, сериал “Штрафбат”, который в погоне за сенсацией некоторые журналисты успели окрестить “золотым фондом” русского кино.

В последние годы я всего лишь дважды прочёл правдивую информацию о штрафниках: в статье академика Академии военных наук полковника Ю. Рубцова “Пять мифов о штрафниках”, опубликованной в газете “Комсомольская правда”, и в воспоминаниях А. Лавренюка “Мой отец был комиссаром штрафбата”, которые были опубликованы на страницах “Советской России”. Во время войны я сам столкнулся со штрафниками и имею право судить о том, как всё было на самом деле.

В сентябре 1942 года я окончил Забайкальское военно-пехотное училище. Почти все мои одноклассники уехали на фронт под Сталинград, и только незначительную часть, в том числе и меня, оставили в Забайкалье – готовить в запасных стрелковых частях новобранцев для фронта. Дважды пришлось сопровождать их на передовую. Один из таких маршрутов врезался в память на всю жизнь: мне тогда поручили доставить в Ленинград штрафников...

ШТРАФНОЙ МАРШРУТ

В середине февраля 1943 года меня с сержантом и пятью рядовыми, вооружёнными табельным оружием, вызвали в штаб 67-го запасного стрелкового полка в посёлок Цугуловский Дацан на реке Онон. Там мы получили приказ отправиться в спецкомандировку в Читу, в штаб Забайкальского фронта (так переименовали военный округ в связи с напряжённой обстановкой на Дальнем Востоке). На окраине города, на сборном пункте штрафников, была подготовлена к отправке на фронт, в Ленинград, группа в количестве 60 человек: 58 из ГУЛАГа и 2 офицера, осуждённых военным трибуналом при прохождении службы в Монголии. Ознакомившись с документами, я встретился со штрафниками. Среди них были два ведущих инженера водного хозяйства из Якутии, награждённые орденом Трудового

Красного Знамени, члены ВКП(б), каким-то образом сохранившие свои ордена и партийные билеты. Остальные были рядовыми труженниками в возрасте до 40 лет. Все гулаговцы для того, чтобы уехать на фронт, писали ходатайства, которые рассматривались судами, и только по их решению в качестве штрафников они могли отправиться в боевые порядки. Таким образом, они добровольцами ехали из ГУЛАГа на передовую защищать свою Родину, а не стали отсидив свой срок, как большинство заключённых.

Через три дня мне вручили личные дела штрафников, требование на право проезда в пассажирском поезде и продовольственный аттестат для получения на станциях дважды в сутки горячей пищи. Поздно вечером на автомашине нас отправили на железнодорожную станцию к проходящему поезду Хабаровск – Иркутск. Нас принял во-

енный комендант, расположил в помещении, а сам занялся оформлением билетов. Когда прибыл поезд, свободных мест, тем более в одном вагоне, не оказалось, и комендант был вынужден отправить нас обратно на сборный пункт. Когда вечером мы вновь приехали на станцию, для нас уже подготовили двухосный пассажирский вагон. И мы отправились в путь.

Первый завтрак, заказанный через коменданта на станции Хилок, прошёл нормально. Нужно заметить, что с организацией питания почти на всём пути проблем не было, за исключением одного случая – на станции Александрово стол был накрыт лишь для половины штрафников, а остальные остались голодными.

Трудности возникли с охраной. Вагон прицепной, последний, охранялся с двух сторон. Кипятка нет, но он есть в ресторане на каждой большой станции. Сопровождать

Полковник в отставке Виктор Яковлевич Лесковец родился 20 мая 1924 года в деревне Троицк Тайшетского района Иркутской области. В июне 1941 года окончил 9 классов Суэтинской средней школы (ныне – г. Бирюсинск). С началом Великой Отечественной войны попросился на фронт. Был направлен в Забайкальское пехотное училище, которое окончил в сентябре 1942 года. Лейтенанта Лесковца направили служить на Забайкальский фронт в 67-й запасной полк, который готовил новобранцев для отправки на фронт.

С апреля по декабрь 1944 года – слушатель курсов усовершенствования офицерского состава Красной Армии в Ульяновске, после чего назначен помощником начальника штаба 372-го полка 58-й стрелковой дивизии войск НКВД по охране тыла 1-го Украинского фронта. День Победы Виктор Яковлевич встретил в Германии, в городе Дрездене. В июне 1945 года в Польше обеспечивал безопасность на пути следования советской делегации во главе с И.В.Сталиным на Потсдамскую конференцию.

После войны проходил службу в Литовской ССР, где в то время велась борьба с “лесными братьями” – вооружёнными отрядами националистического подполья, не признающего советскую власть в Прибалтике. В 1953 году направлен в дивизию внутренних войск по охране важных государственных объектов в город Томск-7 (ныне – Северск).

После окончания в 1959 году Военного института КГБ им. Ф.Э. Дзержинского продолжил службу в дивизии, которой в общей сложности отдал 18 лет жизни. Уволился в запас по состоянию здоровья в 1971 году. Более 25 лет работал в системе гражданской обороны в столице Казахской ССР – городе Алма-Ате. В 1999 году переехал на постоянное место жительства в Ростов-на-Дону, где проживает и сейчас. Воспитал двух сыновей, которые пошли по его стопам и стали офицерами.

Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалью “За боевые заслуги”.

туда штрафников надо было тоже под охраной. А там обычно много других пассажиров. Признаться, не совсем уверенно я тогда себя чувствовал. Ведь опыта охраны у меня не было. Видя такую обстановку, ко мне в купе зашли осуждённые офицеры и инженеры-орденоносцы, которые ещё на пересыльном пункте познакомились и нашли общий язык друг с другом. Так вот, почувствовав мою неопытность, они посоветовали мне упростить охрану: на остановках выставлять только один пост у открытой двери, вторую дверь наглухо закрыть, а главное, меньше сверкать оружием, чтобы люди не чувствовали себя под постоянным прицелом. Мне напомнили: все штрафники едут на фронт добровольцами. Убедили, что побег

для них – конец всему. Я им поверил. И скоро убедился, что не ошибся в этих людях.

На станции Улан-Удэ после приёма пищи все собрались в вагоне, и только один штрафник был чем-то озабочен и возбуждён. Оказывается, он ещё в Чите дал телеграмму родственникам, ждал их, а те почему-то опаздывали. И вот трогается поезд, набирая скорость, а из здания вокзала появляется его родня. Можно только представить состояние этого человека и его родных. Это видел я, видели все штрафники. Но он сдержался, даже не попытался соскочить с подножки.

Иркутск встретил нас хорошо. Люди помылись, поели. Нам выделили уже четырёхосный вагон в середине состава Иркутск – Челя-

бинск. “Элита” штрафников – офицеры и инженеры – имея деньги, купили с моего разрешения билеты в мягкий вагон. Я несколько раз заходил к ним. Всё у них было в порядке.

Примечательный случай произошёл на станции Омск. На перроне ко мне обратились несколько штрафников с просьбой разрешить сесть в наш вагон двум девушкам-студенткам, так как билетов в кассе нет, а им надо ехать. Я лишний раз убедился в человечности тех, кого вёз на фронт. На мой вопрос: “Где же у вас в купе свободные места?” – они ответили, что потеснятся, но девчат местами обеспечат. Я согласился. Девушки ехали до Челябинска. Прощаясь, они поблагодарили меня за помощь.

В Челябинске мы задержались. Военный комендант не мог отправить нас пассажирским поездом. Так что пришлось нам ждать.

Всё у нас было спокойно, и вдруг мне доложили, что двое штрафников ведут себя как-то подозрительно – уединяются, перешёптываются, будто что-то замышляют. Моя откровенная беседа с ними ситуацию не прояснила, тогда я обратился через военного коменданта в особый отдел. Оттуда прислали сотрудников, которые забрали штрафников для выяснения обстоятельств. Через пару дней эти двое нас догнали и доложили, что прибыли в команду. Оказалось, что особы, поговорив с ними по душам, не нашли в их поведении ничего предосудительного и отпустили догонять наш поезд, даже не приставив к ним охраны. До Ленинграда приятели доехали без замечаний.

На другой день ко мне обратились два штрафника-инженера из Якутии:

– Командир, разреши сходить в райком партии, нам необходимо уплатить членские партийные взносы. А то как же мы в бой пойдём с долгами перед нашей родной партией?!

Я их отпустил. Вернулись они вовремя.

Наконец подошло время отъезда из Челябинска. Комендант отправил нас до Москвы в двух вагонах военного эшелона, в котором ехали на фронт курсанты военного училища. Добирались до столицы спокойно: состав принимали на воинские площадки, стоянка была по не-

Лейтенант Виктор Лесковец. Дрезден. 1945 год

обходимости, и не нужно было спешить, как тогда, когда ехали пассажирским поездом, чтобы не опоздать в вагон после приёма пищи. Особенно запомнилась станция Рузавка, где нас отлично покормили. В Люберцах мы покинули эшелон и на электричке добрались до Казанского вокзала, где плотно поели. На следующий день нам предстояло отправиться с Ярославского вокзала в Вологду.

В Москве случилось первое и единственное чрезвычайное происшествие. Среди штрафников был один офицер – коренной москвич, который попросил меня разрешить ему навестить родных, обещая явиться к отходу поезда. Я поверил – ведь этот человек был моим помощником в дороге – и без тени сомнения отпустил его. Но к отправке поезда мой подопечный не явился. Скорее всего, его задержал патруль, ведь при нём не было ни-

Видя такую обстановку, ко мне в купе зашли осуждённые офицеры и инженеры-орденоносцы, которые ещё на пересыльном пункте познакомились и нашли общий язык друг с другом. Мне напомнили: все штрафники едут на фронт добровольцами. Убедили, что побег для них – конец всему. Я им поверил. И скоро убедился, что не ошибся в этих людях.

каких документов. Других причин я и сейчас не вижу. Так что дальше на фронт пришлось ехать без него.

Из Вологды нас отправили эшелом, который шёл до Ладожского озера, за ранеными. Кроме нас в одном из вагонов везли лекарства. При приготовлении пищи по неосторожности сопровождающего там произошёл пожар. Поезд все станции проходил без остановок. Мы

видели пожар, но ничего не могли сделать. Вероятно, огонь заметил и машинист – состав остановился прямо в поле. Команда штрафников под моим руководством быстро начала гасить огонь. Из пылающего вагона вынесли обгоревшего сопровождающего. Потушили пожар и продолжили путь уже без остановок до конечной станции Ладожское озеро. Прибыли. Строек никаких нет, стоят только холодные военные палатки. После санобработки в одной из них нас стали отправлять на попутных машинах на другой берег озера. В кабину первого грузовика удалось посадить только двух человек. Затем из Ленинграда прибыла колонна автобусов с ранеными. На этих машинах, когда они

возвращались в город, мы и пересекли Ладожское озеро. Электричкой добрались до Ленинграда, на Финский вокзал. Узнали, где находится пересыльный пункт, и поспешили туда. Приняли у меня штрафников, а

нас, сопровождающих, разместили отдельно. Отправили в баню, хорошо прожарили одежду, накормили. А утром я сдал администрации личные дела своих подопечных, написал подробный рапорт о том, кто остался в Москве, с указанием его домашнего адреса.

На этом закончился мой длительный путь со штрафниками в блокадный Ленинград. На всём его протяжении те, кого мы сопровождали, ехали не за решётками, а в пассажирских вагонах, как обычные граждане.

На другой день я решил воспользоваться случаем и посмотреть город. Вышел на трамвайную остановку и увидел человек тридцать своих штрафников с “покупателем” из фронтовой части. Никакой охраны, только один офицер находился с ними. До прихода трамвая мне удалось побеседовать с ними, несколько остановок мы проехали вместе. Затем, попрощавшись, вышел из вагона, а они, мои недавние попутчики, последовали дальше трамваем – на фронт. По их глазам было видно, как они рвутся в бой, как хотят кровью смыть с себя позорное пятно осуждённого. Силы духа им было не занимать.

Дня через три мы командой – сержантом и пятью солдатами – отправились обратно тем же маршрутом до Читы. В Москве я зашёл на пересыльный пункт, чтобы поинтересоваться судьбой отставшего от поезда штрафника.

Дежурный офицер меня успокоил:

– Не беспокойся, лейтенант. Он уже наверняка на фронте. Других вариантов у него просто быть не может...

Когда приехали в Читу, на сборном пункте я отчитался о поездке. Написал объяснительную о случившемся в столице ЧП.

– Как, брат, вообще ты их по дороге не растерял?! Мы-то думали, что один до Ленинграда доедешь, – искренне удивился начальник сборного пункта в звании полковника, когда я вручал ему объяснительную. – Молодец, лейтенант, далеко пойдёшь!

Как в воду глядел полковник. После возвращения в свою часть я был повышен в должности – назначен командиром маршевой роты.

Подготовил подполковник Сергей ПОРТНОВ

СТАЛИНГРАДСКОЕ знамение

Мы не раз писали о фактах чудесной Божией помощи нашим воинам в годы Великой Отечественной войны: под Москвой, Ленинградом...

На этот раз речь пойдёт о Сталинграде, ставшем символом стойкости нашего народа. По воспоминаниям ветеранов, напряжение тех боёв было таково, что, казалось, наступил предел всем человеческим возможностям. Откуда же у защитников волжской твердыни брались физические, моральные и духовные силы?

После сокрушительного поражения под Москвой германское командование решило перенацелить главный удар своих войск на юг, чтобы прорваться к Волге и на Кавказ. Выход немцев к главным нефтедобывающим районам страны мог очень серьёзно осложнить положение Красной Армии.

К сожалению, советское командование не сумело вовремя разгадать этот замысел врага, поэтому стратегическая инициатива вновь перешла к Гитлеру. После прорыва в большую излучину Дона ударной группировки противника, основу которой составляла 6-я армия генерала Ф. Паулюса, и началось величайшее сражение Второй мировой войны.

Отступавшие, утратившие боевой дух части Юго-Западного и Южного фронтов Красной Армии были не в состоянии остановить немцев. Среди отходивших к Дону и Волге бойцов сильно потрёпанной 28-й армии началась паника. Полное господство в воздухе вражеской авиации и вид открыто прущих по степи немецких танков порождали у наших солдат чувства безысходности, неуверенности в себе и страха.

Тогда в кратчайшие сроки в тылу отступавших частей был сформирован Сталинградский фронт, а Верховным главнокомандующим И.В. Сталиным издан известный приказ №227, получивший название "Ни шагу назад!". Он жёстко требовал от командиров пресекать панические настроения тех, кто считал, что территория Советского Союза велика и

поэтому можно и дальше отступать в глубь страны. Принятые меры позволили несколько стабилизировать линию фронта.

Однако, несмотря на это, враг продолжал продвигаться к Сталинграду. Немцы, умело маневрируя силами и наращивая группировку, добились к середине августа превосходства по людям в 1,7 раза, по самолётам — более чем в 2 раза, орудиям в 2,2 раза, танкам — в 4 раза. Сам город подвергался варварским налётам авиации противника. Были разрушены многие промышленные предприятия, снесены с лица земли целые жилые кварталы. Чтобы удержать ситуацию под контролем, в помощь командованию фронта решением Ставки были направлены начальник Генерального штаба генерал А.М. Василевский, а позже и генерал Г.К. Жуков.

Это не помешало немцам в результате двух предпринятых в сентябре штурмов ворваться в город, который обороняли части 62-й армии генерала В.И. Чуйкова. Бои за Сталинград вспыхнули с новой силой. В те дни особенно отличились воины оперативно подчинённой Чуйкову 10-й дивизии войск НКВД, которой командовал полковник А.А. Сараев. Это его солдаты ценой своей жизни обеспечили переправу из-за Волги подкреплений — частей 13-й гвардейской дивизии генерала А.И. По-

димцева. Гвардейцам тогда удалось отбить у немцев железнодорожный вокзал и даже вернуть господствующий над городом Мамаев курган. Но уже 15 октября гитлеровцы предприняли очередное наступление и, овладев новым важным рубежом обороны, вышли к Волге и рассказали армию Чуйкова надвое.

Наступал, пожалуй, самый критический момент в обороне города. Что же заставляло людей драться, неужели только приказ Сталина?

Факты свидетельствуют, что в те тревожные дни о помощи свыше молились Богу и духовенство, и жители города, и его защитники. "Именно в те трагические месяцы 1942 года, — пишет исследовавший этот вопрос автор книги "Спаси и сохрани" писатель А. Фарберов, — солдаты, офицеры и многие генералы действующей армии, крещённые в младенчестве, посещавшие богослужение в детстве и отрочестве, вспомнили о Боге. К

ним, жившим многие годы в атмосфере атеизма, на фронте — в крови и грязи, среди ужасов войны стала возвращаться вера отцов... Так уж устроен русский человек — чем грознее опасность, тем крепче он берётся за спасительный стяг святой веры, вспоминает, кажется, навсегда забытые молитвы".

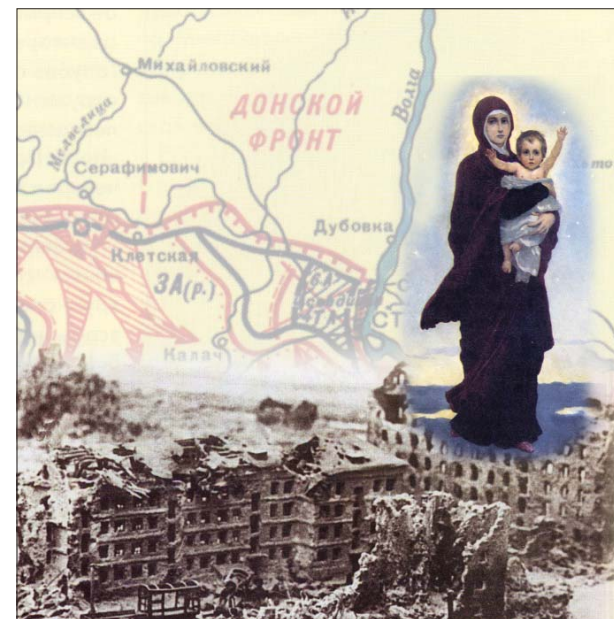
Известно, что молился, например, генерал В.И. Чуйков. Среди бумаг Василия Ивановича сохранился листок с молитвой, который, вероятнее всего, был с ним во время тех боёв. Там есть такие слова: "...О, Могищий ночь в день превратить, а землю — в цветник, мне всё трудное лёгким содей и помоги мне!".

Впрочем, молиться о победе тогда негласно разрешил и сам Верховный. На левом берегу Волги, напротив Сталинграда, находилась Казанская икона Божией Матери, перед которой духовенством во главе с митрополитом Николаем (Ярушевичем) служились молебны о даровании победы. Этот факт подтверждает, например, командир батальона 42-го полка легендарной "родимцевской" дивизии А.Е. Жукков, добавляя, что, помимо иконы, там были ещё и портреты наших полководцев: А. Невского, А. Суворова, М. Кутузова.

Ещё живы свидетели того, как в простой крестьянской хате на левом берегу Волги молился и другой Жукков, названный позже "маршалом Победы". Сам Георгий Константинович в беседе с писателем Юрием Бондаревым рассказал ему о состоявшемся в те дни облёте вдоль линии фронта с иконой. Чудны дела Твои, Господи!

4 ноября митрополит Николай снова служил молебен. В этот день 330 лет назад ополченцы под руководством князя Д. Пожарского с Казанской иконой Богородицы впервые изгнали из Кремля поляков. С кадилым дымом уносились в серое ненастное небо слова покаянной молитвы. И они были услышаны!

11 ноября, когда противнику в результате яростного боя удалось прорвать оборону, пробыть к реке уже на другом участке, произошло событие, которое получило в дальнейшем название "Сталинградское знамение". Оно случилось в самый разгар боя, вечером, когда стемнело. В архиве Совна по делам религий при Совете Министров СССР удалось найти подтверждающий его достоверность документ — отчёт уполномоченного Совета по делам Русской православной

церкви по УССР т. Ходченко, адресованный председателю совета Г.Г. Карпову. В нём штатный атеист доносит начальству о... чуде, свидетелем которого стала целая воинская часть армии генерала Чуйкова. Что именно видели солдаты и офицеры, он умалчивает. Однако этот пробел восполняют свидетельства очевидцев, собранные А. Фарберовым.

Офицер военной контрразведки капитан Г.И. Голубев в тот день доставлял через Волгу секретные документы. Погода стояла жуткая: шёл ледяной дождь, всё было покрыто изморозью. Когда он, весь мокрый, ползком добрался до своих, один из встречавших сослуживцев огоршил его словами: "Ильич, пока ты на брюхе полз, мы такое видели — Божия Мать была в небе! В рост и с младенцем Христом! Теперь точно порядок будет!"

У сотрудники музея-панорамы "Сталинградская битва" Ж.Н. Шириковой хранится уникальная записка, сделанная в 2001 году. Один из защитников Сталинграда, житель Ростова-на-Дону, рассказал ей: "Как увидел в небе Божию Мать, душа была в возмущённом состоянии. Мне сразу стало ясно, что не погибну и живым вернусь домой. Уверенность в победе больше не покидала. Видение Божией Матери в рост в осеннем небе Сталинграда как щит пронёс сквозь всю свою жизнь на фронте".

Похожее свидетельство другого участника битвы и очевидца знаменания, сражавшегося тогда на территории завода "Красный Октябрь", хра-

тится у директора Музея обороны Сталинграда В.М. Евдокимовой.

Приводятся в книге воспоминания и ещё одного свидетеля — разведчика по фамилии Величко: "Всё началось с появления во время боя светлой полосы. Обе стороны прекратили обстрел... Полоса света становилась всё ярче и ярче и стала совсем яркой...". Его с группой разведчиков командир отправил разбираться с источником света. Они увидели Женщину в белом, от которой и исходил свет. Продолжалось это явление не более часа.

Через неделю после этого знаменания, воспринятого очевидцами как добрый знак, началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. Оно, как мы знаем, завершилось разгромом и капитуляцией остатков армии Паулюса.

По воспоминаниям очевидцев, сразу после этого в едва ли не единственном уцелевшем здании города — храме во имя Казанской Божией Матери был отслужен ещё один молебен. На этот раз благодарственный. И первую свечу затеплил командир В.И. Чуйков.

Бог по молитвам к нему заступницы земли Русской — Богородицы даровал нам победу. У участников тех боёв и очевидцев знаменания это не вызвало никаких сомнений. Негоже в этом сомневаться и нам, их потомкам.

★
**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО,
бакалавр религиоведения**

65 лет минуло с того момента, как было произнесено то заветное слово – ПОБЕДА! Уже выросло не одно поколение, знающее о Великой Отечественной лишь по рассказам ветеранов, из книг и кинофильмов. Составить представление о величии подвига нашего народа, вынесшего на своих плечах основную тяжесть борьбы с коричневой чумой и отстоявшего мир в борьбе с фашизмом, помогают и музейные экспозиции.

В Центральном музее внутренних войск МВД России собраны уникальные экспонаты военных лет – боевые документы, фотографии, награды, оружие. За каждой из реликвий стоит судьба конкретного человека. Каждая может рассказать о мужестве и самоотверженности солдата, всеми силами, порой ценой собственной жизни приближавшего общую победу над врагом...

ЧТОБЫ ЗНАЛИ, ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

ПОДВИГ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА

Боевое знамя в русской армии всегда считалось наивысшей святыней, символом воинской чести, доблести и славы. Ни при каких обстоятельствах оно не должно было достаться врагу или быть утеряно!

3-й мотострелковый полк войск НКВД перед войной дислоцировался в Таллине. Когда началось гитлеровское вторжение, часть бойцов и ко-

мандиров убыли на усиление частей погранвойск, оставшиеся боролись с авиадесантами противника, участвовали в ожесточённых боях при обороне городов Порхов и Дно, охраняли тыл на одном из участков Северо-Западного фронта. В городе остались хозяйственные подразделения и музыкантский взвод во главе с капельмейстером интендантом 3-го ранга Г.Ивашенко. Когда поступил приказ на эвакуацию, музыканты погрузились на один из кораблей

Балтийского флота, взявшего курс на Ленинград. Среди прочего полкового имущества на корабле находились и два Боевых знамени.

В море корабль подвергся атаке вражеских бомбардировщиков, получил повреждения и стал тонуть. Капельмейстер, забросив за спину вещмешок с драгоценными полотно-никами, прыгнул в воду и, уцепившись за обломок доски, несколько суток плавал в море, пока его, находившегося в бессознательном состо-

янии, не подобрала рыбаки. По прибытии в Ленинград Ивашенко сдал знамени на хранение в управление войск округа и только после этого позволил отвезти себя в госпиталь.

В ноябре 1941 года Г.Ивашенко доставил спасённые им Боевые знамёна на позиции полка, сражавшегося на передовой. В последующем за отличие в боях против немецко-фашистских захватчиков 3-й мотострелковый полк войск НКВД был удостоен ордена Красного Знамени. Высокую награду прикрепили к полотнищу, спасённому в водах Балтики военным дирижёром...

Сегодня знамя полка можно видеть в Центральном музее внутренних войск.

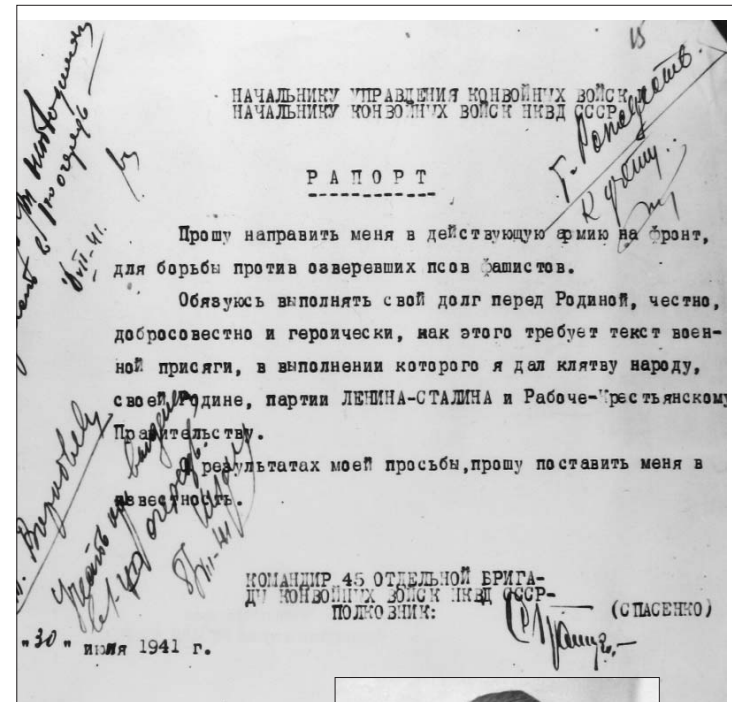
“НОВЫМ МЕСТОМ СЛУЖБЫ ВЫБИРАЮ ФРОНТ...”

Когда началась война, во все инстанции пошёл буквально вал рапортов и докладных записок из тыловых частей внутренних войск. Писали и рядовые, и командиры, писали по команде и прямо на имя наркома внутренних дел. Слова были разными, но суть всегда одна: люди рвались на фронт. Каких только аргументов не приводили они в свою пользу: имевшийся опыт Гражданской войны или финской кампании, редкая воинская специальность, умение стрелять без промаха, знание подрывного дела. Ссылались даже на законодательство: мол, после длительной службы на Севере положен перевод в местность с более мягким климатом, поэтому прошу направить на любой из южных фронтов...

Сколько таких рапортов и писем хранят музейные фонды!

Те, чья просьба была удовлетворена, вливались в ряды действующей армии. И воевали достойно. Вот лишь некоторые примеры.

Под одним из документов стоит подпись полковника Федора Антоновича Спасенко, участника Гражданской войны. Незадолго до начала Великой Отечественной он командовал конвойным полком, затем – бригадой. С 1942 года был заместителем начальника конвойных войск НКВД СССР. Несмотря на высокую должность, рвался на фронт. И в конце концов получил назначение заместителем командира Орджоникидзевской дивизии, затем командовал Сухумской стрелковой дивизией войск НКВД, защищал Кавказ и Кубань. Награждён двумя орденами Ле-

Комбриг Федор Спасенко и его рапорт

нина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды.

Геннадий Иванович Вахолков в Красной Армии служил с 1919 года, во внутренних войсках – с 1920-го, прошёл путь от командира роты до командира дивизии. С началом Великой Отечественной войны неустанно бомбардировал начальство рапортами с просьбой направить на фронт. Просьбу удовлетворили... Войну Геннадий Иванович закончил Героем Советского Союза, кавалером ордена Ленина, трёх орденов Красного Знамени, орденов Кутузова III степени и Отечественной войны I степени.

Генералу Ивану Ивановичу Масленникову, заместителю наркома внутренних дел по войскам, в силу занимаемой должности не раз приходилось отвечать отказом на письма и рапорта подчинённых о переводе в действующую армию. Но пришло время – и он сам попросился на фронт. Сначала командовал 29-й армией, которая отличилась в битве под Москвой. Затем возглавил Северную группу войск Закавказского

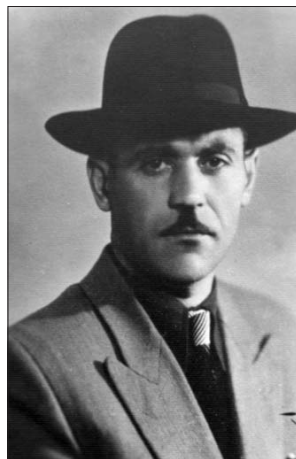
фронта, спустя ещё некоторое время – Северо-Кавказский фронт. Лучшей оценкой его деятельности могут служить слова, выравненные на наградной шапке: “В честь отважной и надёжной защиты Кавказа от немецко-фашистской орды, рвавшейся к советской нефти, генерал-полковнику Масленникову И.И. от Президиума Верховного Совета АССР. 23.2.1943 года”. Генерал Масленников прекрасно проявил себя и на других ответственных постах, закончив войну Героем Советского Союза, заместителем главнокома советских войск на Дальнем Востоке.

Фёдор Мымриков

Михаил Румянов

Николай Кошелев

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Есть среди экспонатов музея и реликвии, которые могут рассказать о поистине уникальных судьбах бойцов и командиров войск НКВД. Им в силу разных обстоятельств довелось сражаться с врагом не на фронте, а в глубоком немецком тылу, не на родной земле, а на территории других европейских стран. Знает история наших славных внутренних войск и такие примеры.

Иван Семенович Кухаренко, боец 238-го конвойного полка, в мае 1944 года окончил школу радистов и в составе группы фронтовых разведчиков был заброшен в Молдавию, в партизанский отряд им. М.И.Калинина. Там он получил боевое крещение. В марте 1945-го радист Иван Кухаренко выполнял задачи советского командования уже в Южной Чехии в составе партизанской бригады “За Прагу”. Отважный разведчик был отмечен не только советскими боевыми наградами, но и чехословацкими – “Военным крестом” и “Звездой партизан”. После войны жители посёлка Минх Пелпжриновского района Чехословакии в признании боевых заслуг Ивана Семёновича Кухаренко избрали его своим почётным гражданином.

Были среди наших воинов и участники движения Сопротивления. Попав в плен, они прошли через все круги ада, не сломались, бежали и, обретя свободу, продолжили борьбу с оружием в руках.

Летом сорок первого во время жестокого боя боец 77-го полка войск НКВД Михаил Васильевич Румянов был ранен, контужен, потерял сознание и оказался в плену. Прошёл несколько концлагерей. В одном из них, расположенном в Лотарингии, установил связь с подпольщиками, имевшими выход на участников французского Сопротивления. Будучи в лагере, постоянно подвергая свою жизнь опасности, выполнял многие ответственные поручения подполья, спас жизнь не одному десятку узников. После освобождения был зачислен в ряды Красной Армии, храбро сражался и даже успел заслужить боевую медаль. После войны в составе советских делегаций неоднократно бывал во Франции, где встречался со своими соратниками по французскому Сопротивлению...

Командир отделения 75-го полка войск НКВД Николай Фёдорович Кошелев вместе с однополчанами с боями отступал по Украине, дрался под Винницей и Киевом. На границе с Кировоградской областью в селе Свердловкино был ранен осколком снаряда. Его приютила и лечила местная жительница. Во время облавы был задержан полицией и направлен в лагерь для военнопленных, откуда весной 1942 года сбежал. Опять был задержан, избит до полусмерти и определён в команду, управляющуюся на работы в Германию. Работал на военных заводах в Гамбурге и Меце. Снова совершил дерзкий побег, сумел добраться до

территории Бельгии, где вступил в партизанский отряд. Вместе с бельгийскими “маки” воевал до октября 1944-го: участвовал в диверсиях на железных дорогах, налётах на небольшие немецкие гарнизоны и автоколонны...

Удивительным образом порой играла судьбами людей война. Случалось, те, кто вступал в неё рядовыми бойцами войск НКВД, встречали Победу офицерами союзных войск!

Тамбовскому пареньку Феде Мымрикову пришлось начинать военную службу далеко от родных мест – на Дальнем Востоке. Думал, отслужит и вернётся в родные края. Прокатиться по самой длинной магистральной вскоре пришлось, но только не домой вёз Фёдора поезд, а в 77-й полк войск НКВД, расположенный близ западной границы. Здесь продолжилась его служба, здесь он встретил войну, получил боевое крещение. В первом же бою солдат был тяжело контужен и попал в госпиталь, который чуть позже захватили гитлеровские войска. Как только позволило здоровье, Фёдор бежал. Сначала нашёл приют у жителей посёлка Турбова, что недалеко от Винницы, затем связался с местными подпольщиками. А те переправили бойца в партизанский отряд имени Н.Шорса. Воевал мужественно и умело вплоть до возвращения на Украину Красной Армии. В 1944 году вновь надел погоню, только на этот раз – бойца Войска Польского! Вместе с братьями по оружию шёл с

боями на запад, освобождал Европу. За боевые заслуги был произведён в офицеры – получил звание подпоручика. А за мужество и отвагу – два боевых ордена и целый иконостас медалей.

К этим наградам уже в послевоенное время добавился орден Дружбы народов...

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

Среди наиболее волнующих экспонатов музея – пробитые пулями и осколками солдатские документы и письма, написанные рукой бойцов, не вернувшихся с полей сражений. О чём могут рассказать они?..

На одном из стендов – серые книжечки со следами запёкшейся крови. Это комсомольские билеты воинов 1-й дивизии войск НКВД Анатолия Спасского и Виктора Кочетова, герои сражавшихся на Ленинградском фронте в октябре 1941 года. На билете Виктора сохранилась надпись, сделанная секретарём комсомольской организации: “Билет пробит осколками снаряда в боях с германскими фашистами”.

В холодный октябрьский день 1941 года немцы особенно яростно обстреливали рубеж, который защищал с товарищами комсомолец Кочетов. В самый разгар боя неподалёку от солдата разорвался тяжёлый снаряд, Кочетова с несколькими красноармейцами засыпало землей. Товарищи их откопали, оказали первую помощь. На теле Виктора насчитали шестнадцать ран! Его посчитали погибшим и извлекли из нагрудного кармана документы, обгабренные кровью бойца.

Но Виктор был жив. Когда он пришёл в сознание, прежде всего спросил: “Где мой билет?”. “Вот он. Также сильно ранен, но жив!” – ответил санитар...

Почти четыре месяца врачи сражались за жизнь комсомольца. И победили! После госпиталя Виктор вернулся в свою часть и продолжал служить в ней до последних дней Великой Отечественной.

Рядом с этими документами лежат другие реликвии – письма с фронта. Простые, долгожданные, тревожные. Их брали в руки с радостью, иногда с опасениями.

Одно из них написано в апреле 1943 года командиром отделения 34-го мотострелкового полка войск НКВД сержантом Иваном Беловым.

Бурка и наградная шашка генерала армии И.И. Масленникова

Он сообщал матери: “А со мной будет всё в порядке, и не тоскуйте обо мне, я скоро приеду, и мы будем вместе. Знайте только одно, что мы скоро уничтожим все фашистские орды, мы этому уже научились и знаем все уловки врага, теперь пусть он не прыгает и не кичится. Враг бесценен перед нами...”

Через месяц, 26 мая 1943 года, в бою у посёлка Горишный, что северо-западнее станицы Крымской, нашим войскам, перешедшим в наступление, предстояло штурмом овладеть высотой 121,4. Сержант Белов в бою уничтожил трёх фашистов. Когда в автомате закончились патроны, бился врукопашную, овладев вражеским пулемётом. Ведя огонь из него, уложил ещё четырнадцать гитлеровцев...

Отвоеванную высоту впоследствии назовут Сопкой героев. Но сержант Белов об этом уже не узнает: в том бою он получил тяжёлое ранение и скончался прямо на поле боя. В октябре 1943 года отважный воин был посмертно награждён орденом Ленина.

Об этих экспонатах – бесценных и волнующих реликвиях, свидетельствующих о мужестве и доблести солдат и офицеров внутренних войск в годы Великой Отечественной войны, работники музея всегда готовы рассказать посетителям. Особенно тем, кто только выбирает свой жизненный путь, кто надел солдатские погоны.

Чтобы знали, чтобы помнили...

★
Самуил ШТУТМАН,
полковник в отставке,
ведущий научный сотрудник
Центрального музея
ВВ МВД России,
кандидат исторических наук,
Ольга БОРИСОВА,
старший научный сотрудник
Центрального музея
ВВ МВД России.

Фото из фондов
Центрального музея ВВ МВД России.

Полковник Михаил ШОЛОХОВ:

СГУСТОК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КРАСОТЫ

Недавно, в одном из мартовских номеров, «Литературная газета» сообщила: «Приказом по Управлению культуры Воронежской области объявлен открытый публичный конкурс на лучший проект памятника Андрею Соколову – литературному герою рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека»...

О судьбе самого писателя – непревзойдённого русского классика, о судьбах героев его произведений написаны сотни томов, тысячи страниц. Пусть этот скромный труд, публикуемый в войсковом журнале к 65-летию Великой Победы, будет данью нашего уважения писателю-фронтовику полковнику Михаилу Александровичу Шолохову, чьё 105-летие отмечаем 24 мая нынешнего года.

У КАЖДОГО свой Шолохов. Панорамность и глубина его «Тихого Дона», «Поднятой целины» постигаются годами, десятилетиями, останутся до конца непостижимыми в веках. Генеральность всегда непостижима.

Сегодня хочется напомнить о работе М.Шолохова над военными страницами, о его фронтовых командировках, о том, как они, Шолохов и его герои, сражались за Родину.

В середине июля 1941 года начальник Главного политического управления Красной Армии Лев Мехлис вызвал главного редактора «Красной звезды» Давида Ортенберга и протянул ему телеграмму, присланную на имя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.Тимошенко:

«Дорогой товарищ Тимошенко! Прошу зачислить в фонд обороны СССР присуждённую мне Сталинскую премию первой степени. По Вашему зову в любой момент готов встать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину.

Полковой комиссар запаса РККА писатель Михаил Шолохов».

Это потом уже станут говорить о творческих подвигах дважды Героя Социалистического Труда Михаила Шолохова, получившего и Сталинскую, и Ленинскую, и Нобелевскую премии за свои небывалые по величию и красоте творения.

А тогда, летом 41-го, от патриота и гражданина ожидался не подвиг, но самоотверженный, полезный Отечеству поступок. И Шолохов его совершил – вновь надел военную форму.

23 июня 1941 года, на второй день войны, он направил в Москву ту самую телеграмму. А в станице Вёшенской, выступая на митинге перед земляками, сказал языком страстного публициста, и страсть та вдобавок замешена была на казачьей боевой ярости: «Фашистским прави-

телям, основательно позабывшим историю, стоило бы вспомнить о том, что в прошлом русский народ громил немецкие полчища, беспокладно пресекая их движение на восток, и что ключи от Берлина уже бывали в руках русских военачальников. Но на этот раз мы их побьём так, как их ещё никогда не бивали, и на штыках победоносной Красной Армии принесём победу поработённой Европе».

Согласитесь, в дни празднования 65-летия нашей Великой Победы, победы советского народа в Великой Отечественной войне, напомнить бы всем европейцам, что Европа была германцами поработённой!

«Шолохов явился в редакцию раньше, чем мы ожидали, – вспоминает генерал Д.Ортенберг. – Выглядел он молодцевато. На нём была летняя, защитного цвета гимнастёрка, бриджи, сапоги, пояс с командирской бляхой и пистолет. Он был по-казачьи строен: не писатель – боевой командир. Я был рад его приезде вдвойне: Шолохов привёз с собой очерк «В казачьих колхозах».

Многие донские колхозы, старинные казачьи станицы были фашистами разорены, сожжены. Бомбы падали и на его Вёшки, практически на глазах Михаила Александровича в собственном дворе погибла его мама – на картах люфтваффе дом знаменитого советского писателя был особо отмечен как объект, опасный для гитлеровского рейха.

Писатель Шолохов надел полковничью форму, чтобы всеми своими силами, знаниями, умениями преподавать-внушать согражданам две основные науки, востребованные в годы кровавой битвы с врагом, – науку побеждать и науку ненавидеть.

Страстной любовью к Родине, скорбью о её ранах, гневным сердцем вдохновлено своеобразное, новое для Шолохова по форме произведение «Наука ненависти», появившееся в газете «Правда» в первую годовщину войны – 22 июня 1942 года. Избрав для себя жанр рассказа, до

М. Шолохов – военный корреспондент «Правды». 1941 г.

предела насыщенного публицистикой, Шолохов показал, как в ходе жестокой схватки не на жизнь, а на смерть крепла в нашем народе «наука ненависти» к врагу, вооружившая воинов Красной Армии и тружеников тыла могучей волей к победе. Герой этого произведения повторяет в своей манере идею, высказанную писателем в первом же его военном очерке. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядом, замесив их воедино. «Наука ненависти» лейтенанта Герасимов и приводит строки баснописца о коне и трепетной лани, которых в одну телугу впрямь не можно... «А вот у нас они впрямь и здорово тянут!» – добавляет он.

Писатель был на фронтах, причём на передовой, в окопах. Вместе с бойцами и командирами переживал

Правду о войне он познавал на войне. М. Шолохов среди бойцов. 1941 г.

вражеские обстрелы. Опрокидывался в машине на фронтовой дороге. Совершал аварийную посадку в военном самолёте. Много чего повидал и пережил... События и факты из жизни Шолохова, опалившие его тяжёлым военным лихом, русскую душу не выжгли, но побудили к правдивому творчеству и в дни войны, и после неё. «Но ведь, в конце концов, это личные беды, личное горе каждого из нас, — писал он. — Из этих тяжестей складывается всенародное, общее бедствие, которое терпят люди с приходом в их жизнь войны. Личное наше горе не может заслонить от нас мучений нашего народа, о которых ни один писатель, ни один художник не сумел ещё рассказать миру».

Автор объёмного труда «Жизнь Шолохова» Виктор Петелин не сделал особого открытия, но просто констатировал, что «тема войны — одна из главных в творчестве художника. В своих очерках военных лет, созданных по горячим следам огневых событий, Шолохов стремился воплотить типические черты народного характера, отмечая то общее, что было свойственно переживаниям всех русских людей. В дни тяжёлых бедствий народные судьбы отдельных людей могут складываться трагически».

Автор объёмного труда «Жизнь Шолохова» Виктор Петелин не сделал особого открытия, но просто констатировал, что «тема войны — одна из главных в творчестве художника. В своих очерках военных лет, созданных по горячим следам огневых событий, Шолохов стремился воплотить типические черты народного характера, отмечая то общее, что было свойственно переживаниям всех русских людей. В дни тяжёлых бедствий народные судьбы отдельных людей могут складываться трагически».

о встречах его с самим Шолоховым. А встреч тех и в Вёшенской, и в Москве, и даже в совместной их поездке в Японию было множество, общения было не просто тесное, но товарищеское. А тогда в Доме творчества имени Яна Райниса мы искренне удивлялись, беседуя с Ю.Лукиным: как же можно самого Шолохова да редактировать?!

Со дня смерти Шолохова минул всего лишь год, и Юрий Борисович ещё остро переживал столь тяжёлую утрату.

О Шолохове рассказывал эпизодами, но яркими, по-своему уникальными. Потом спросил: «А книжку мою о Макаренко и Шолохове не читали, не попадалась?» В который раз пришлось стыдливо покаяться в извечных грехах: «Виноваты, Юрий Борисович, ленивы и нелюбопытны...» — «Ладно, приедем в Москву — отыщем специально для вас».

В той книге Ю.Лукина «Два портрета» очеркнул строки, которые адресованы в первую очередь тому, кто называет себя военным литератором. Однажды Шолохов делился с Лукиным своими мыслями: «Прочёл я на днях книжку генерала танковых войск Егорова. Сущая правда о войне. Не с высоты нынешнего своего звания пишет и рассуждает о ней, а как человек, который сам командовал танковым батальоном и полком. Всего хлебнул. Поэтому — веришь. Чтобы люди верили слову о войне, надо, чтобы пишущий тоже верил и знал о ней не из чужих рук, а...» — и Шолохов закончил разговор об этом жестом, как будто бы взвешивая на ладони слово».

Он привык взвешивать слово.

Он писал сущую правду о войне.

Он раз и навсегда выбрал для себя единственный путь, по которому шёл от пятнадцатилетнего бойца ЧОНА до многожды лауреата и истинного, не списочного, не назначенного классика русской литературы ухабистого, трагического и героического советского периода. Жил и творил в том периоде и останется навсегда и безоговорочно, несмотря на нескончаемые попытки злопыхателей оспорить его авторство самого блистательного романа «Тихий Дон».

О его «алмазных россыпях русской речи» говорил С.Сергеев-Ценский. Причём говорил в 1958 году, когда, по утверждениям модернистов-космополитов, формалистов всех мастей, в СССР был возможен

исключительно «кондовый, партийный соцреализм, далёкий от истинной жизни страны». «Мне думается, — рассуждал С.Сергеев-Ценский, — что творческий путь Михаила Шолохова, его каждоедневное общение со своими героями, слитность воедино с жизнью народной во всех её проявлениях — вот единственный правильный путь для настоящего народного писателя».

Собранное, запечатлённое, впитанное на войне не забывается никогда ещё и потому, что ветераны возвращаются к воспоминаниям о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах снова и снова — в этом и состоит сохранение памяти, передача от поколения в поколение того, что честный человек забывать не вправе.

Мудрый наставник войсковых литераторов, правдивист 30-х годов Лукин, наш Юрбор, вспоминал: «Довелось мне присутствовать на одной из встреч М.А. Шолохова с генералом М.Ф.Лукиным, в частях которого писатель был в первые месяцы войны. Героика и трагизм военной биографии этого полководца произвели на Михаила Александровича глубокое впечатление. Рассказ генерала был застенографирован (частично воспоминания М.Ф.Лукина опубликованы журналом «Огонёк»), и у автора романа «Они сражались за Родину» зрела идея сделать генерала Лукина прототипом одного из героев романа — сводного брата Николая Стрельцова. Писатель заявлял об этом и в печати. Однако впоследствии замысел претерпел изменения, для создания образа старшего Стрельцова потребовался иной материал».

Именно Стрельцов-старший, генерал, отсидевший четыре с половиной года по ложному обвинению и счастливо для армии выпущенный на свободу как раз в канун войны, скажет слова знаменательные, над которыми задуматься бы нынешним руководителям государства: «И какой же народище мы вырастили за двадцать лет! Сгусток человеческой красоты! Сами росли и младших растили. Преданные партии до последнего дыхания, образованные, умелые командиры, готовые по первому зову на защиту от любого врага, в быту скромные, простые ребята, не сребролюбцы, не стяжатели, не карьеристы. У любой командирской семьи всё имущество состояло из двух чемоданов. И жёны подбирались, как правило, под стать мужьям.

Ковров и гобеленов не наживали, в одежде — простота, и им «краснодеревщики не слали мебель на дом». Не в этом у всех нас была цель в жизни! Да разве только в армии вырос такой народище!»

Разговор Стрельцова-старшего с братом на рыбалке — ярчайшая публицистика. Шолохов это прекрасно понимал и шёл на это сознательно. Он, как и другие писатели-фронтовики или вовсе штатские литераторы, взявшиеся за военную тему («советский граф» А.Н.Толстой, например), видели в публицистике не выпендрив и нарочитую пафосность, но страстное, доходчивое слово.

М. Шолохов на огневой позиции артиллеристов. 1943 г. Снимок из архива «Красной звезды».

У шолоховского генерала Стрельцова это слово к народу из народа же и идёт. Стрельцов рассказывал: «В окопах прозрел окончательно. Я ведь в армии был вольноплёром (вольноопределяющимся. — Б.К.) и уже после окончания юнкерского стал офицером. Под конец войны я поручиком был...» Горячо говорит о Красной уже Армии: «Я, Коля, никогда не уставал любоваться своими людьми. Взыскывал с подчинённых со всей старорежимной строгостью, втайне любовался ими. И молодые солдаты, и те, которых призывали на территориальные сборы, — у всех у них были суворовские задатки. Старик порадовался бы, глядя на достойных потомков своих

ду с прославленными маршалами, легендарными авиаторами, Юрием Гагариным, и «Маршала Слова» Михаила Шолохова. Классик заметил Чуева и выделил его из молодёжи 60-х за отвагу и преданность советскому делу, за стихотворение «За чем срубил памятники Сталину?», вызвавшее бурю негодования, ненависти к поэту. Увидев, что Шолохов особо, по-отчески опекает моло-

После войны...
Перед чистым листом бумаги

дого литератора, недруги от Чуева отстали.

“Шолохов мешал, – вспоминал Феликс Иванович. – И друзья, и враги, все ощущали это. Мешал он не только потому, что большой талант всегда неудобен. “Маршал Слова”, он в шестидесятые годы стал лишним, как боевые полководцы, не позволявшие стоявшим у трона изображать войну по-своему. Он мешал своим существованием, авторитетом Мастера, и, даже если молчал, все понимали, что может и сказать. А слова его ох как коробили нутро так называемой передовой тогдашней интеллигенции, ныне именуемой “шестидесятниками”, у которых появились свои кумиры.

– Для меня самым большим праздником станет день, когда я прочитаю сообщение о смерти Шолохова, – услышал Ф.Чуев в Центральном доме литераторов, где сам классик почти не бывал.

И вот 21 февраля 1984 года он на 79-м году жизни наконец-то порадовал своих ненавистников, которые не могли простить ему, что он – это он, а среди них нет такого. Надо ли говорить, как опечалил его уход миллионы читателей и почитателей истинно русского шолоховского таланта.”

Главному редактору журнала “Новый мир” Герою Советского Со-

юза Владимиру Васильевичу Карпову позвонил секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин:

– Умер Шолохов. Я назначен председателем похоронной комиссии. Вы – мой заместитель. Вылетаем в Ростов сегодня вечером с аэродрома “Внуково”. Приезжайте в комнату для депутатов. Билеты нам возьмут.

И всё. Ни здравствуй, ни до свидания, сразу повесил трубку. Видно, очень замочен...

Хоронили Шолохова 23 февраля, в День Советской армии и Военно-морского флота – тоже своего рода знак судьбы. Говорят, завещал-просил донской казак, чтобы росла на его могиле любимая им всегда польнь...

На следующее утро перед завтраком Зимянин вызвал Карпова в свой гостиничный номер и, как-то загадочно улыбаясь, вроде бы не к месту в траурной ситуации, сказал:

– Мне здесь больше делать нечего. Я улечу в Москву, а вам, Владимир Васильевич, придётся остаться.

– А мне-то зачем?

– Будут вас выдвигать кандидатом в депутаты Верховного Совета.

– Не понимаю...

– Через неделю, 3 марта, выборы в Верховный Совет. Шолохов был кандидатом в депутаты. Уже прошла предвыборная кампания. Нужно срочно выдвигать ему замену...

Зимянин рассказал Карпову, как в Политбюро было принято решение о преемнике Шолохова в Верховном Совете.

Владимир Васильевич, хоть мужик тёртый, бывал в разных пере-

делках, но и он сейчас был в полной растерянности и смятении чувств.

– Я не останусь. Не могу после похорон, при всеобщей скорби выйти перед людьми, чтобы они меня выбирали вместо Шолохова. Вы представляете, как всё это будет воспринято?! Кто меня выбирает? После него, Шолохова, меня с трибуны погонят с позором. Нет, ни за что не останусь!

Зимянин посуровел:

– Не забывайтесь. Это решение Политбюро!

– Очень быстрое и недодуманное решение.

– Ну, вы поосторожнее с такими выражениями. Политбюро никогда не ошибается.

– И я заткнулся”, – подводит В.Карпов черту под тем диалогом...

Первая встреча с избирателями состоялась в том же Дворце культуры, откуда накануне вынесли гроб с телом Шолохова.

Представлял В. Карпова первый секретарь Ростовского обкома КПСС И. Бондаренко.

Нетрудно представить атмосферу зала, состояние всех и каждого, В. Карпова в особенности. Он вышел на трибуну, минутку постоял, не зная, с чего начать, потом решил рассказать, как сложилась ситуация. Закончив речь, добавил: “Уважаемые вёшцы, конечно, я ни в коей мере не могу заменить Шолохова. Ничего не могу вам наобещать, как полагаются кандидату. Я писатель, бывший разведчик...”

Владимир Васильевич коротенько изложил свою неординарную биографию – был “врагом народа”, воевал в штрафбате. Напоследок сказал: “Ещё вчера не думал, что мне придётся выступать перед вами... У меня нет никакой программы. Просто так сложилась ситуация, что надо быстро кем-то заменить Шолохова. Его заменить невозможно! Могу вам пообещать только одно – буду стараться быть похожим на Михаила Александровича, стать близким вам человеком”.

В зале воцарилась тишина. Потом кто-то из старших казаков поднялся и громкогласно произнёс: “Любо!”

Оба они были писатели, фронтовики, полковники, Герои...

Новый народный депутат от ростовчан старался не потерять лица: защищал интересы станичников, ростовских заводчан, писал очерки о трудовых делах Дона.

Нынешним январём, на Святцы, перед Крещением, ушёл от нас и Владимир Карпов. Тоже был другом человеческой красоты...

Говорят: “Дарёному коню в зубы не смотрят”. Но подаренную автором книгу как не перелистаешь сразу, а если толковать, памятная, умная, полезная, то перечтёшь не единожды. Так, собираясь писать эти заметки, взяв с полки несколько томов, уже оцетинившихся разноцветными закладками. Совершенно разные писатели из моих знакомых каждый по-своему писали о Михаиле Шолохове.

Кроме тех, кого уже и назвал, и процитировал – Владимира Карпова, Феликса Чуева, Юрия Лукина, Давида Ортенберга – есть и ещё.

Работал в редакции нашего журнала полковник в отставке Виктор Владимирович Муратов. В 1990 году увидела свет книга, написанная им в соавторстве с Юлией Городецкой (Лукиной), “Командарм Лукин” – о том самом генерале, судьба которого так взволновала и заинтересовала Шолохова. Глава “Две недели у Шолохова” как раз и рассказывает о той незабываемой встрече. Шолохов и Лукин хорошо понимали друг друга и радовались оба, что жизнь, первые свёда их у стен пылающего Смоленска, вновь подарила желанную встречу. Как-то на очередной рыбалке, под свежую ушницу, повели очередной разговор. Генерал поделился наибольшим: “А о плёне вообще почти ничего не написано. Это у нас считается как бы запретной темой. Честно признаться, я был удивлён, прочитав ваш рассказ “Судьба человека”. И как это его разрешили печатать? Очевидно, ваше имя, авторитет действовали. Думаю, подобный рассказ рядового литератора не вышел бы в свет. Вы не нуждаетесь в лести, Михаил Александрович, новый рассказ превосходный, поверьте мне, испытывающему ужас плена. Я был в санатории, когда в “Правде” напечатали “Судьбу человека”. И разгорелся спор между отдыхающими. И знаете, некоторые категорически не приняли ваш рассказ. “Надо писать о воинах, стоявших насмерть, а не о плененных, – доказывали они. – Плен – это позор. Плен несовместим с присягой, воинским долгом и честью. А те, кто пишут о плёне, не считают его позором”.

Как ни планировал писатель, не довелось ему развернуть трагическую и героическую историю генерала Лукина в особую сюжетную линию в своём романе “Они сражались за Родину”. Но генерал-лейтенант М.Лукин не остался безвестным... Раскрываю ещё одну дарёную книгу – капитальный труд профессора Литинститута Бориса Андреевича Леонова. Известный критик, давний друг и автор нашего журнала исследовал в своём “Свете подвига” творчество многих советских военных писателей. Шолохов меж ними, знамо дело, присутствует и отвечает на упрёк зарубежных критиков, что советские писатели пишут о своих героях предвзято.

“А как бы им хотелось? – вопросом на вопрос отвечал живой классик – Допустим, я пишу о нашем солдате, о человеке, бесконечно родном мне и близком. Как же я напишу о нём худо? Он мой, весь мой, от пилотки до портянок, и я стараюсь не замечать, допустим, рябинок на его лице или некоторых изъянов в его характере. А если и замечу, то уж постараюсь написать так, чтобы читатель тоже полюбил его вместе с этими милыми рябинками и с небольшими изъянами в характере... Так как же может писатель, если он не “холодный сапожник”, с равнодушным безразличием писать о людях, которых он любит? Не может быть художник холодным, когда он творит!”

Не боявшийся самого Сталина, но творивший всё же в эпоху жесткой партийно-атеистической цензуры, когда всякие там зимянины, подзвывая Шолохова в русофильстве, “ставили его на место”, в партийные идеологические рамки, русский писатель Шолохов даже в советском, коммунистическом своём романе о Великой Отечественной войне Бога не забыл. Строки, которые здесь процитирую, сами промыслительно появились перед глазами в канун Светлого Воскресения, когда по ТВ объявили, что святой огонь вот-вот прибудет от гроба Господня в московский храм Христа Спасителя. Шолоховский том с военным романом открылся на нужной в этот час странице: “В далёком детстве, ещё когда учился в сельской церковно-приходской школе, по праздникам ходил маленький Ваня Звягинцев с матерью в церковь, наизусть знал всякие молитвы, но с той поры в течение долгих лет никогда никакими просьбами не беспокоил Бога, переставил все до одной молитвы – и те-

перь молился на свой лад, коротко и настойчиво шепча одно и то же: “Господи, спаси! Не дай меня в трату, Господи!”

Фронтвики разных эпох говорят одинаково убеждённо: “На войне без веры нельзя!” Фронтвики – особая порода людей. Им во всем верить можно. По известным только им критериям-приметам отличают они писателей честных от “пускающих слова-пузыри”. Разве случайно модный в наши юные годы американец Эрнест Хемингуэй крепко уважал русского писателя Шолохова? Ещё одно авторитетное мнение можно привести напоследок.

Замечательный писатель-фронтвик Константин Симонов, как и Шолохов, увенчанный всяческими лаврами, несший самые ответственные общественные нагрузки и написавший блестящие произведения о войне в разных жанрах (проза, поэзия, публицистика, драматургия), сделал случайный выбор в писательском военном строю: “Бывают писатели, не прочитав которых, нельзя составить себе представление о современной литературе той или другой страны. Есть несколько таких писателей и у нас. Шолохов – один из них. Литература не солдатская шеренга, в которой стоят по росту, но всё же, если б меня спросили: а кого вы назовёте первым среди этих писателей? – я лично так же, не колеблясь, назвал бы в прозе Шолохова, как в поэзии – Твардовского...”

В общем, дорогой читатель, без Шолохова нам с вами ну никак нельзя!

“И какой же народище мы вырастили за двадцать лет! Спусток человеческой красоты!” Это было сказано Стрельцовым в самом начале романа “Они сражались за Родину”, сказано в канун Великой Отечественной войны, летом 1941-го. Народище своевал сокрушительную войну...

Михаил Александрович Шолохов – в самой гуще, в самой серединке этого народа.

А об Александре Трифоновиче Твардовском и Константине Михайловиче Симонове мы скоро тоже будем рассказывать – и у них в этом году юбилейные даты.

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

★

Борис КАРПОВ, полковник запаса

На странице 60 иллюстрация О. ВЕРЕЙСКОГО к роману “Они сражались за Родину”

В преддверии 65-й годовщины Великой Победы вышло немало книг о войне. Среди них особый интерес у читателей вызывают те, которые написаны самими ветеранами, непосредственными участниками боёв. Книга, о которой мы хотим рассказать, увидела свет в Екатеринбурге. Её автор, живущий на Урале полковник в отставке Пётр Александрович Крылов, в прошлом году отметил своё 90-летие. Несмотря на столь солидный возраст, он ведёт активный образ жизни, бодр, полон сил.

В свои почтенные года Пётр Александрович сохранил не только крепкую память, твёрдость руки, но и зоркость глаза. Например, на прошлогодних стрельбах, организованных по инициативе ветеранской организации, он на удивление всем показал отличный результат, выбив из пистолета Макарова тридцать очков!

Автор знает войну не понаслышке: он участник Сталинградской битвы, воевал на Волховском фронте, освобождал Прибалтику, брал Кёнигсберг, был ранен. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кёнигсберга». После победы продолжил службу во внутренних войсках, боролся с «лесными братьями» в Литве. Окончив академию, принимал активное участие в развёртывании и обустройстве конвойных частей на Урале. Закончил службу полковник Крылов в должности заместителя командира свердловской дивизии по тылу.

Служил Пётр Александрович достойно, честно, бескорыстно. Фронтовики считают, что за это он должен благодарить родителей, и прежде всего мать, которая таким его воспитала. Матери ветеран Великой Отечественной и посвятил свою книгу, которая называется «Горькие гроздья калины». Калина – её любимая ягода. Плоды у неё слегка горчат. «Но разве поймёшь вкус счастья, не отведав горечи беды?» – задаёт вопрос автор.

Крылов считает себя счастливым человеком. Почему? В послесловии, обращаясь к потомкам, он пишет: «Моему поколению выпало прожить в суровое время. Потрясения, перевороты – всё прошло через нас, жителей великой страны. Когда мы были молоды, мы верили в коммунизм. Великая Отечественная война изменила жизнь страны, судьбу каждой семьи, жизнь каждого из нас. Во что мы верим сейчас? Я верю в будущее моей страны, моей России!

Мне выпало жить. И кажется, жизнь прожита мною не зря. Я всегда трудился, старался делать людям добро. Мы жили насыщенно и интересно! А самое главное – честно.

У меня есть мечта: я хочу, чтобы мои потомки прожили в труде, честно отдавая своей Родине знания, умения, опыт, как это делали мы. Я верю, так будет!»

ГОРЬКИЕ ГРОЗДЬЯ КАЛИНЫ

НАКАНУНЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

III

л а война, а моёписание гласило: для дальнейшей службы убраться в город Ишим Тюменской области в распоряжение командира 229-й стрелковой дивизии. Там шло формирование 783-го стрелкового полка, куда я был назначен командиром взвода. Через тридцать лет после войны я специально приезжал в Ишим, чтобы найти то самое здание на окраине города, в котором в 1942-м находился штаб нашего полка. И ведь нашёл! Оно точно так же стояло особняком. Помню ступеньку, помню, как отдавал распоряжения командир полка.

Полк и дивизия только-только начинали формироваться, только-только прибывали люди, техника, лошади, оружие и боеприпасы. Люди, называющиеся теперь личным составом, преимущественно сами были родом из Тюменской области, крестьяне в основном. Они умели сеять и пахать, выращивать хлеб и овощи. Но они не знали военного дела. Теперь им предстояло освоить и его. И они старались. Они были разного возраста – от двадцати пяти до пятидесяти, а может, и старше. По крайней мере, мне так казалось тогда. Я-то среди них был самый молодой. Тогда мне было всего двадцать два. Моим заместителем назначили Сергея Иванова, мужчину лет тридцати. У себя в колхозе он был механизатором.

Этих людей предстояло обучить не только стрельбе, но и уставным взаимоотношениям, и армейским порядкам. Опыт работы с подчинёнными у меня был и до армии, и в военном училище, в которое я поступил перед самой войной. Сами обучаемые с первых дней относились ко мне уважительно, я уж не говорю о том, что постичь в короткий срок азы военного дела каждый считал своим долгом. Каждый понимал, что от этого умения на фронте будет зависеть его жизнь. И крестьяне учились защищать свою землю.

Много времени прошло. Но лица их я помню до сих пор. Я забыл их имена и фамилии, но никогда не забыть выражение глаз. Они верили в меня, кадрового командира. И я все свои знания старался передать им.

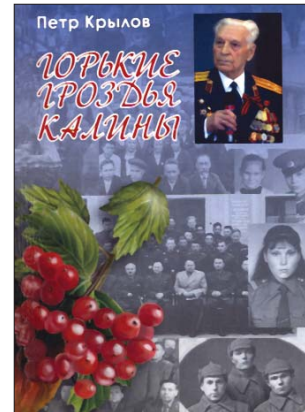
Тогда мы даже не осознавали, как далеки мы были от победы. Ведь перед войной нас учили, что любого врага советская страна победит быстро и с малыми потерями. Но первые же бои неожиданно для нас самих перевернули все наши представления о войне и наших противниках. Понимание всей серьёзности положения на фронтах Великой Отечественной пришло с первыми потерями, первыми поражениями. Это теперь я знаю, что наша дивизия могла вообще не выстоять, просто погибнуть. Мы должны были лишь сдерживать врага, который шёл на Сталинград. Остаться в живых – это было не про нас. Но так случилось, что наша дивизия и сдержала наступление немцев, и не потеряла своего Боевого знамени. Только какой ценой!..

Эшелоны разгрузили на левом берегу Волги. 229-я дивизия вошла в состав 64-й армии Сталинградского фронта. Фронтом тогда командовал генерал-лейтенант В.Н.Гордов, армией – генерал-майор М.С.Шумилов, его заместителем был генерал-майор В.И.Чуйков. Через некоторое время его назначили командующим 62-й армией.

НАЧАЛО СРАЖЕНИЯ ВЕКА

Выгрузились мы и на понтонных переправах на правый берег Волги, а дальше – пешим порядком двинулись на запад. Вблизи города Калач опять же на понтонных переправах преодолели Дон. О том, что мы идём в направлении города Суровикино, немцы, скорее всего, догадывались. Весь наш пеший марш, километров примерно в сто тридцать, сопровождала гитлеровская авиация. Не давали житья «рамы». Низколетая, они вели огонь из пулемётов. Первых своих людей мы потеряли как раз во время этого марш-броска. На боеиспособности сказывалась и потеря лошадей. Не потащились ведь артиллерию на себе! Приходилось оставлять пушки прямо на дороге. В моём взводе при обстреле с самолёта были ранены трое рядовых, двое из них остались в строю.

«Ещё не начали воевать, а уже потерь», – думал я по дороге к месту обороны. И вспоминал, как вдвигались нам в голову, что нам ничего не страшно, что мы сильные и непобедимы. Сейчас же было обидно за страну: уж очень далеко смогли пройти немцы вглубь! А эти «рамы»?

Они просто издеваются над нами... И ни одного нашего самолёта! Где они? Мы идём совершенно незащищённые! Кто-то пытался сбить немецкий самолёт из карабина. Куда там! И нас продолжали обстреливать.

В ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое июля нас остановили у деревни Большая Осиновка. Примерно за километр от нас. Светает. Приказ занять оборону – и ровная приволжская степь наполнилась движениями и звуками. Рубежи обороны и границы между ротами и взводами обозначил командир батальона капитан Семёнов. Пошли в ход сапёрные лопаты. Как они всегда пригождались нам! Вообще в ходе войны сапёрная лопатка сыграла свою величайшую роль!

Итак, мы на рубеже обороны. Ровная степь сначала становилась похожей на дурашлаг. А потом солдатские ячейки соединялись друг с другом ходом-траншеей. Как все это сделать грамотно, нам объяснял опытный капитан Семёнов. Это была его вторая война, в первую, финскую, он сам всему этому только учился. Теперь учил нас. Мы, молодые командиры, хоть и после военного училища, знали всё лишь в теории. Постигать на практике пришлось непосредственно на рубеже обороны.

Мой взвод оборону должен был держать на участке около двухсот пятидесяти метров. Место, где нужно зарываться в землю, каждому определяли лично. Это была не прямая линия, а зигзагообразная, в которой окоп от окопа находился на неболь-

Крайний слева
курсант Павел Крылов

шом расстоянии, чтобы была возможность передавать команды, общаться между собой. Свои отделения я расположил по правилам военной науки: два отделения впереди, одно – сзади. Чтобы никто никому не мешал вести прицельный огонь. Через два часа взвод был в укрытии. Песчаная почва легко поддавалась. Рядом со мной вгрызались в землю Иванов, замкомвзвода, и связной-ординарец Миша. Его все так и звали, просто по имени.

Немцы засекли нас, и уже в 6 часов утра их артиллерия открыла огонь по нашим позициям. После артподготовки должна быть атака. – Без моей команды не стрелять! – кричу я. – Пусть подойдут поближе!

Появились танки. Следом за ними пехота.

А у нас – тишина. Казалось, всем слышно, как сильно бьётся мое сердце. Немцы ближе. “Пора, – думаю я, – сердце моё, не стучи...”

– Огонь! – кричу что есть мочи.

Почему-то немецкая пехота, наступая, ведёт беспорядочный автоматный огонь. Мы стреляем прицельно. И хотя я без бинокля, но вижу, как падают фрицы!

И вдруг – залп. Вот это да! А я даже и не знал, что за нами – артиллерия. Потом снова выстрел. Немецкий танк остановился, сделал резкий поворот и заглох. Их пехота в замешательстве. Но, собравшись, солдаты все равно продолжают идти в атаку. Потом вдруг второй танк разворачивается и уходит. Пехота залегла. Время от времени немцы

поднимаются и стреляют в нашу сторону. Мы чувствуем своё превосходство. На этот раз оно в правильно занятой позиции: немец разворачивается и отходит под прикрытием огня.

От некоторых фронтовиков, которые встретили войну на границе, приходилось слышать, что в тот период немцы чувствовали себя очень уверенно и при виде наступающего врага наших людей часто охватывала паника. Многие солдаты и командиры чувствовали превосходство фашистов, которые пёрли на нас с твёрдой уверенностью в своих силах. Это были неприятные моменты. Но уже наш первый бой с немцами, безусловно, был выигран нами.

Это настоящая война и моё боевое крещение. Боевое крещение 229-й дивизии. И результат этого первого боя, видимо, неплохой. Правда, тогда, в окопе, я не мог знать, что тот бой стоил немцам только на участке нашего 783-го полка около шестисот человек погибшими. Остались стоять и девять немецких танков. Эти данные о своём полке и дивизии я прочитал спустя много лет после войны в книге Маршала Советского Союза В.И.Чуйкова “Сражение века”. А тогда, в окопе, для нас был один результат: нам удалось отбить атаку немцев. Это и есть наша маленькая победа.

В том первом бою мой взвод потерял двоих, трое ранены.

На следующее утро уже в пять часов началась массированная артиллерийская подготовка и авиацион-

ный налёт. Противник снова бросил в бой пехоту и танки. Все повторилось. Но вместо артиллерии с нашей стороны в бой пошли танки. Бить по врагу, уничтожить как можно больше немцев, нанести серьёзный удар по живой силе противника – такой была наша задача. Первым шёл тяжёлый КВ. Он бил по немецким танкам. А следом за ним – лёгкие Т-60, танки, созданные для уничтожения живой силы. С приближением к нашему огневому рубежу техники противника Т-60 отступали.

Второй день унёс три жизни. В этих боях получил ранение и мой заместитель Сергей Иванов. Но рубеж обороны мы отстояли.

Четыре дня подразделение немцы нас атаковали. Подошли после совершенного марша батальон 804-го полка нашей дивизии и части соседней 112-й дивизии. Сразу вступили в бой. 31 июля пехота при поддержке нескольких танков перешла в контратаку и отбросила противника за реку Чир. У реки мы опять заняли оборону. И опять “вросли в землю”.

Однажды во время небольшого затишья ко мне подошёл командир роты. Он стоял в полный рост. И тогда я тоже поднялся из окопа. Вдруг послышался звук летящего снаряда. Оба упали... Когда, весь обсыпанный землёй, я встал, командира не увидел. На том месте, где минуту назад он стоял, – воронка со следами крови, фрагментами тела и разорванной одежды. У меня же ни царапины. Во время взрыва снаряда я, видимо, оказался как раз в мертвой зоне взрывной волны. Я в мертвой зоне – живой, оглушён только, а командира нет...

Это был 1942 год.

Сейчас я часто думаю о тех первых боях. Потери... Они были сразу. Но разве предполагал кто-нибудь, что их будет так много? Оставляя на поле боя? Нельзя, жарко. Поэтому мы сразу закапывали убитых, даже не забирая у них документы, а часто и оружие оставляли на поле боя.

Помогать раненым тоже было нелегко. Никакого санитарного пункта не числилось. Сами рвали нагательные рубашки и перевязывали

раны. Для их сопровождения до полкового медпункта, находившегося в деревне Большая Осиновка, приходилось выделять кого-нибудь из солдат.

Наши боевые порядки быстро редели...

Во время дневных боёв нас и не кормили. Только ночью, когда немцы отдыхали, мы имели возможность отдохнуть и поесть. Но и ночью не всегда было тихо и спокойно: немец то ракету пустит, то вдруг автоматная очередь прогремит. Боялись нас?

Мы чувствовали, что силы не равны. И если мы выставили и отбили атаку, то на другом участке фронта врагу удалось прорваться и обойти нас. В кольце окружения оказались три дивизии, в том числе и наша, 229-я. Для нас это было равноценно гибели.

8 августа командир дивизии полковник Ф.Ф. Сажин собрал офицеров и рассказал о сложившейся обстановке: мы попали в окружение. Поэтому нужно попробовать прорваться боем. Утром 10 августа наша попытка прорыва была жестоко подавлена. В этом бою погиб командир моего 738-го стрелкового полка. Прорваться с боем не удалось. Единственный выход – попытаться выйти из окружения мелкими группами.

Именно эти бои позже историки назовут началом сражения века, началом Сталинградской битвы.

Мы не сдержали натиск, но задержали продвижение противника более чем на десять суток, что имело огромное значение для подготовки Сталинграда к обороне. В этом большая заслуга и нашей 229-й дивизии, укомплектованной сибиряками. Именно их на протяжении всей войны всегда боялись немцы, потому что Сибирь – это стойкость, мужество и упорство. Мне довелось командовать таким взводом. Смелее и отчаяннее защитников нет. У меня сейчас иногда спрашивают: если я был моложе своих подчинённых, то как мне удавалось ими командовать? Слушались ли они меня? Я всегда отвечаю, что это были люди очень серьёзные, выдержанные и терпеливые – настоящие русские люди, крестьяне. А я до армии, до окончания военного училища получил прекрасный опыт работы с людьми в школе, которую мне пришлось возглавить, когда мне едва исполнилось 19 лет!

28 июля 1942 года, как раз в разгар первых боевых действий под Сталинградом, появился известный 227-й приказ наркома обороны “Ни шагу назад!”. Возможно, это требование повлияло и на нашу ситуацию. Дивизия не имела права отступить! Но мы не могли сдержать натиск. Немцы прорвали оборону. Дивизия попала в кольцо. Окружение

Подполковник
Павел Крылов
после окончания академии

закончилось гибелью большого количества советских солдат.

После войны историки восстановили всю хронологию Сталинградской битвы, количество участвующих с каждой стороны армий, дивизий, полков. Тогда и я сумел понять роль, которую отдели в те июльские и августовские дни 1942 года нам.

Для наступления на Сталинградском направлении из состава группы немецких армий “Б” выделялась 6-я полевая армия генерала танковых войск Ф. Паулюса. На 17 июля 1942 года в её состав входили 13 дивизий, 3 тысячи орудий и миномётов и около 500 танков. Её поддерживала авиация 4-го воздушного флота (до 1200 самолётов). Враг рассчитывал захватить Сталинград охватывающими ударами по флангам 62-й и 64-й армий, окружить и уничтожить их в большой излучине Дона, выйти в район Калача и с запада прорвать-

ся к Сталинграду. Для решения этой задачи он создал две ударные группировки: северную (14-й танковый и 8-й армейский корпуса), она должна была захватить Калач, и южную (24-й танковый и 51-й армейский корпуса), которая имела задачу прорвать оборону южнее Суровикино и выйти к Калачу с юга. Потом форсировать Дон и наступать на Сталинград.

Наша 64-я армия, в состав которой входила и моя 229-я стрелковая дивизия, спутала планы немцев, задержав дальнейшее продвижение 51-го армейского корпуса.

Но какой ценой!

На тот наш первый рубеж обороны у Большой Осиновки я присехал в 1975 году, в тридцатую годовщину Победы. Меня встретили пшеничные поля. Всё изменилось, ничего не узнать. Но память сохранила все: изрытые поля, свист пуль, бомбежки... и биение сердца и гибель близких. В памяти навсегда остались окружение и те дни, что мы добивались до своих.

ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

О том, что мы окружены, я сообщил своему взводу, в котором в строю осталось только двенадцать человек. Из тридцати. Надо было уходить, потому что противник подходил всё ближе и ближе. Но куда идти, мы ещё не решили. Чтобы выиграть время, мы спрятались на равнине, нам пришлось зарыться в землю в буквальный смысле. Так мы пролежали... не знаю, сколько времени... пока немец не ушёл. Ну а потом уж и стали думать, в каком направлении нам идти.

К нашей группе из трёх человек присоединились ещё двое. Впятером мы пошли прямо на позиции противника. Но прежде чем принять какое-то решение, я выслушал всех. Отсидеться или сдаться в плен – сразу отменялись такие предложения. Кто-то хотел податься на юг, но в итоге все пошли за мной. А я предложил выходить из окружения через линию фронта. Наверное, это прозвучало как команда, а может, они положились на мои знания, офицерский опыт. Я не знаю, но люди доверились мне. Хотя кто в той ситуации мог быть в чём-то уверен?

До Дона – там линия фронта, там наши – километров сорок. Шли только ночью, километров по пять.

По-прежнему тверда рука у ветерана!

Днём сидели в укрытии. Вблизи небольшой речушки, преградившей нам дорогу, увидели убитых солдат. Пополнили запасы воды, в рюкзаках у них нашли немного сухарей.

Дорога до своих заняла восемь суток. Жарко, солнце пекло невыносимо.

Шли тяжело, больше приходилось прятаться. Голодали. Иногда, когда по дороге попадались пшеничные поля, жадно ошипывали колоски и ели. Хлеб всё-таки... И выжили.

И вот он, Дон. К реке ведёт балка. Дождались, пока стемнеет, и по ней спуścася. Спускаем как можно тише. На дне балки – камни. Тихо не получается. И река, кажется, рядом, а никак не можем дойти. Пень стоит. Приближаемся, а он... зашевелился. Немец! Мы – бежать вверх. Попали в огород. А там помидоры. Ещё зеленые. Всё равно еда. На ходу поели.

Но как переплыть-то? И тут меня осенило! Возле того огорода с помидорами лежат неколотые дрова. Они-то нам и помогут доплыть. И одержу к ним приважем.

Завернули всё в плащ-накидку, привязали – и в воду.

– Только плыть надо тихо, чтобы ни одного всплеска, ни одного удара по воде, иначе несдобровать, – строго предупредил всех.

Метров пятьдесят уже от берега, и тут старшина – один из нас – как шлёпнет ногой по воде! Немцы среагировали мгновенно. Световые ракеты полетели вверх, а потом – стрельба. Но как-то всё хаотично... К счастью, все целы. Только до берега ещё плыть и плыть.

Широка река... Из последних сил преодолеваем Дон. И опять становимся мишенью. На этот раз стреляют наши.

– Да свои мы! – кричим что есть мочи. – Свои!

Огонь стих. Слава Богу! Доплываем. Силы покидают нас. Кажется, берег близко, но как он далёк... И вдруг ноги коснулись дна. Ура! Мы смогли.

Мы выжили. Отдохнули. А голодные же, кухня притягивает. Подошли. Повар сразу нам положил по порции каши. Куда там! Разве одной порцией наешься? Ну хоть бы кто-нибудь сказал, что с голодухи нельзя наедаться. Я съел вторую порцию каши, и мне стало плохо. Трое суток не мог подняться, болел.

Всех вышедших из окружения ожидало разбирательство. Оружие, документы, с кем шёл, как и где – все спрашивали. Кто сохранил удосто-

верение личности и оружие, тот остался в строю. Кто не сохранил – попали в штрафной батальон. Об этом, правда, мы узнали позже. Скорее всего, из них никто не выжил.

Но дивизия осталась жива! Наш комиссар с двумя рядовыми вынес из окружения знамя 229-й дивизии. Сообщил, что командир дивизии полковник Сажин убит. Но под сохранившимся знаменем дивизии, под руководством комиссара нас снова определили на передовую. Примерно четыреста человек вышли из окружения! Четыреста из двенадцати тысяч!

Мы заняли рубеж обороны по берегу Дона. Но противник форсировал реку на другом участке, вблизи города Калач. И тогда нас отправили в тыл, за Волгу. Через Сталинград мы шли пешком. Никогда не забуду, как бомбили его немцы. Места живого не было. Ночью светало так, что можно было иголку найти. Всё горело.

Теперь же мы сидели в тылу и ждали решения Генерального штаба. Только к ноябрю ситуация обрела ясность: нас ждал Волоколамск Московской области.

★
Подготовила капитан
Алла АВДЕЕВА

Фото от семейного
альбома КРЫЛОВЫХ

"КАК ПРОСТО НАЧИНАЕТСЯ БЕССМЕРТЬЕ..."

Стихи, которые мы публикуем сегодня, написаны поэтами, на протяжении многих лет сотрудничавшими с нашим журналом. Все они участники Великой Отечественной войны. И хотя многих уже нет в живых, их стихи продолжают звучать молодо. Ведь им суждена долгая жизнь. По крайней мере, в нашей благодарной памяти о поколении победителей.

Вадим ШЕФНЕР

22 ИЮНЯ

*Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон постоите,
Вспомните погибших за нас.*

*Там, в толпе, средь любимых,
влюблённых,
Средь весёлых и крепких ребят,
Чьи-то тени в пилотках зелёных
На окраинах молча спешат.*

*Им нельзя задержаться,
остаться –
Их берёт этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.*

*Окликать их и звать их –
напрасно,
Не промолвят ни слова в ответ,
Но с улыбкою грустной и ясной
Поглядите им пристально
вслед.*

Евгений ВИНУКОВ

*Я эти песни написал не сразу.
Я с ними по осенней мерзлоте,
С неначатыми, по-пластунски лазал
Сквозь чёрные поля на извосте.*

*Мне эти темы подсказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.
Добытые с тяжёлым потом
строки
Я, как себя, от смерти не берёг.*

*Их ритм простой мне был напет метелью,
Задумав костёр, и в полночь ту
Я песни грел у сердца под шинелью,
Одной огромной верой в теплоту.*

*Они бывали в деле и меж делом
Всегда со мной, как кровь моя, как плоть.
Я эти песни выдумал всем телом,
Решившим все невзгоды побороть.*

Николай СТАРШИНОВ

*Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи – солдаты
Идут вперёд За взводом взвод.*

*Идут, подтянуты и строги,
Идут, скутые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва, Шуршит трава.*

*И от ромашек-тонконожек
Мы оторвать не в силах глаз.
Для нас, Для нас они, быть может,
Цветут сейчас В последний раз.*

*И вдруг (неведомо откуда
Попав сюда, зачем и как)
В грязи дорожной – просто чудо! –
Пятак.*

*Из жёлтого металла,
Он, как сазанья чешуя,*

*Горит, и только обметало
Зелёной окисью края.*

*А вот рубли в траве примятой!
А вот ещё... И вот, и вот...
Мои товарищи – солдаты
Идут вперёд За взводом взвод.*

*Всё жарче встывки полыхают.
Всё тяжелее пушки бьют.
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.*

Константин ВАНШЕНКИН

*Земли потрескавшейся корка.
Война. Далёкие года...
Мой друг мне крикнул:
– Есть махорка?.. –*

А я ему: – Иди сюда!..

*И мы стояли у кювета,
Благословляя свой привал,
И он уже достал газету.
А я махорку доставал.*

*Слепил сигарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безыграюще:
– Ты сам прикуривай сперва...*

*От ветра заслонясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего.*

*И он качнулся как-то зыбко,
Упал, просыпав весь табак,
И виноватая улыбка
Застыла в его губах.*

*И я не мог улыбку эту
Забить в походе и в бою
И как шагали вдоль кювета
Мы с ним у жизни на краю.*

Жара плыла, метель свистела,
А я забыть не смог того,
Как пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего...

Михаил ЛЬВОВ ВЫСОТА

Комбату приказали
в этот день
Взять высоту
и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен
на неё подняться.
И высота была взята.
И знают уцелевшие солдаты –
У каждого есть в жизни
высота,
Которую он должен взять
когда-то.
А если по дороге мы умрём,
Своею смертью разрывая
доты,
То пусть нас похоронят
на высотах,
Которые мы всё-таки берём.

Михаил БОРИСОВ,
Герой Советского Союза

* * *

Сорок третий
горько полынью
На меня нахнул издали –
Чёрно,
Обугленной равниной
Видится мне Курская дуга.

“Тигры” прут,
по-дику упрямы,
Но со мною в этот самый миг
Прямо к окуляру панорамы
Цельный полк, наверное, приник.
Промыкнуло сразу на полсвета.
Танки, словно факелы, горят...

И живёт в душе моей всё это,
Несмотря на выюжный
снегопад!

Те бои – как мера нашей силы.
Потому она и дорога,
Насмерть прикипевшая
к России
Курская великая дуга.

Марк МАКСИМОВ

БАЛЛАДА О ЧАСАХ

Врага мы в полночь
окружить хотели.
Разведчик сверил время –
и в седло!
Следы подков запрыгали
в метели,
и подхватило их, и понесло...

...Но без него
вернулся конь сначала,
а после –
мы дошли до сосняка,
где из сугроба жёлтая торчала,
с ногтями почерневшими рука.

Стояли сосны, словно часовые...
И слушали мы, губы закусив,
как весело –
по-прежнему живые –
шли на руке у мёртвого часы.

И взводный снял их.
Рукавом шершавым
Сердито льдинки стёр
с небритых щёк
И пальцем –
влево от часов и вправо –
Разгладил на ладони ремешок.

– Так, значит, в полночь,
хлопцы!
Время свернёт!...
И мы впервые поняли в тот час:
Как просто начинается
бессмертье,
Когда шагает время через нас!

Михаил НАЙДИЧ

СПИМ...

Сорок вёрст одолеть,
да ещё без привычки,
да ещё с полной выкладкой –
это не мёд.
Растегнули ремни,
побросали вещички.
Где-то рядом захлёбывался
пулемёт.

Комары.
Их гудение бесперебойно.
Стиль...
Болотная жижа
под шелестом трав.

Но скажись,
где ещё бы я спал
так покойно,
Головою
на сумку взрывчатки упав?

Виктор ГОНЧАРОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

А всё случилось очень просто...
Открылась дверь,
и мне навстречу
Девчурка маленького роста,
Девчурка, острые плечи!

И котелок упал на камни.
Четыре с лишним дома не был...
А дочка, разведя руками,
Сказала: “Дядя, нету хлеба!”

А я её схватил – и к звёздам!
И целовал в кусочки неба.
Ведь это я такую создал.
Четыре с лишним дома не был...

Виктор КОЧЕТКОВ

* * *

Чему мы служили?
На что мы сгодились?
Пусть время без гнева
ответит на это.
Под треск пулемётов
на свет появились,
под треск автоматов
уходим со света.

Меж двух мировых
мы с трудом разместили
и детство, и юность,
и зрелые годы.
Моим поколением
дорогу мостили
из царства терпения
в царство свободы.

Без нас затеваются
новые споры,
не нас приглашают
на новые роли.
Мы не лицедеи.
Мы только сапёры,
проведшие мир
через минное поле.

Ирина
ДАЖИНА

“...ЧТОБЫ
ЖИЛИ
ВЫ”

Записки фронтовички

Мы шли одной дорогой

Когда заходит речь о войне, в первую очередь вспоминается радость общения с однополчанками, тёплое чувство нашего братства.

На фронте во время коротких встреч будто свет солнца пробивался в ненастье. Ведь мы представляли собой весёлое, жизнерадостное, разноголосое и разномастное чудо. Все мы были молоды и уже поэтому – прекрасны!

Боевой путь моих сверстниц был долог. Вместе с дивизией почти три года они шли дорогами побед и поражений. Девушек в частях набиралось немного: медики, связистки, работницы штаба... Все – и мобилизованные, и добровольцы, влились в ряды соединения по велению души и сердца. Иначе в те трудные дни поступить не могли. И воевали, не щадя ни сил, ни здоровья, ни молодой своей жизни.

Вот выдержки из документов Центрального архива Министерства обороны:

“...Образцы бесстрашия в прошедших боях показали санитары, честно выполнявшие обязанности по выносу с поля боя, эвакуации в госпиталь раненых бойцов и командиров... Военфельдшер орденосеца Востина вынесла с поля боя 80 раненых... Фельдшер Скирда Татьяна и санитаринструктор Нуделева Мария под сильным огнём противника вынесли с поля боя на полковой медпункт 69 тяжело раненных бойцов и командиров, оказав им первую помощь... Санитаринструктор Валентина Луткова 35 бойцов и офицеров спасла от смерти”.

С некоторыми из однополчанок мы часто встречались в послевоенное время, помнили павших смертью храбрых, переписывались, делились воспоминаниями. Расскажу о некоторых из них.

Мария Фёдоровна Ашурок была начальником медицинского снабжения дивизии. Эта двадцатичетырёхлетняя энергичная женщина справлялась с тем, что не каждому мужику под силу. Под её зорким глазом находилось обслуживание всех медподразделений, снабжение их медикаментами, перевязочным и прочим имуществом.

Март 43-го начался с неудач на фронте. Кровь, нервотрепка, неразбериха. И среди этого хаоса лейтенанту медслужбы Ашурок перед строем объявляется благодарность. За что? А за то, что, несмотря ни на что, человек выполняет поставленную перед ним почти неразрешимую задачу: разыскать и доставить в части медицинское оборудование, застрявшее где-то на пути от Ельца к Курску.

Уже в первые мартовские дни раненым не хватало ни лекарств, ни бинтов. *“Восьмого марта на передовую ушла вся санчасть полка, – вспоминала потом помощница Марии Фёдоровны фармацевт Мария Аверьянова. – Мы с комзавода носильщиков Тамарой Шейвехман остались в деревне и бегали от избы к избе. Наша помощь заключалась в основном в утешении раненых, а также обессиленных после 450-километрового марша и изголодавшихся людей”.*

А в это время Мария Ашурок металась по заснеженным дорогам в поисках оборудования и продовольствия. Где пещком, где на попытке голодная, оконечившая, протуженная женщина, превозмогая все трудности, сумела найти и доставить к передовой перевязочный материал.

“Уж больно была ответственно и тяжела моя работа, – рассказывала впоследствии Мария Фёдоровна. –

Окончание. Начало в № 2, 3, 4.

Она совсем не для девчонки. А пришлось, и справилась. Орден Красной Звезды и медаль “За боевые заслуги” просто так бы не дали... Ежедневные (а порой и чаще) перидислокации частей дивизии изнуляли и нас, медиков. Приходилось постоянно искать транспорт – деревенские подводы, выдавшие виды путепроводов. Да и разворачивались зачастую в совершенно непригодных помещениях или палатках. Тепла нет. Источником света, как правило, служила котилка, сделанная из гильзы снаряда. Но и в таких условиях врачи и сёстры умудрялись стерилизовать медицинские инструменты. А бывали времена, когда окровавленные бинты и повязки приходилось отстирывать по несколько раз, даже без достаточного количества горячей воды. Руки пухли и немели от холода. А в рукавицах не работало...”

На долю Клавдии Павловны Губановой работа выпала, как говорится, не пыльная. Но и далеко не простая.

“Мне приходилось на фронте все годы пребывания в дивизии печатать на машинке. Печатать целыми днями, а во время боевых действий и ночами напролёт. Бесконечные оперативные сводки, приказы, распоряжения, любую документацию к наступательным действиям, обороне. А также документацию для вышестоящего командования. Уставала страшно. Подчас пальцы сводило, спина, ноги отнимались. Я понимала – жаловаться грех, тут тебе не на передовой с санитарной сумкой на боку. Но нам тоже доставалось...”

Клавдия уволилась после окончания войны в звании старшего сержанта. Мужем её стал начальник штаба дивизии полковник Сергей Григорьевич Самуэльсон.

Рядом с Клавдией служила ещё одна моя добрая приятельница – Мария Владимировна Рыженкова. В 140-й она начала работать делопроизводителем оперотдела с лета сорок четвёртого.

Невысокого роста, худощавая, кажется, никогда не унывающая и всегда улыбающаяся, Маша была старше Клавдии года на три, являлась членом партии и имела за плечами большой опыт работы с документами. Архив отдела содержала в отличном состоянии, в любую минуту могла найти всё необходимое, организовать рассылку документов, подготовить нужные распоряжения. От рядового она дослужилась до лейтенанта. А ещё...

Ей довелось похоронить на фронте любимого. И чувство их было настолько сильным, что осталась она на всю жизнь солдатской вдовой...

Судьба Антонины Тихоновны Богдановой особо не отличается от судеб большинства моих однополчанок. Разве что ей с первых дней войны довелось служить в действующей армии.

Места службы Антонины – 333-я танковая дивизия, 59-я гвардейская стрелковая дивизия, 19308-й авиационный полк, 207-й стрелковый полк. Она принимала участие в боях за Ростов, Киев, Харьков, Ворошиловград, Днепропетровск, Одессу.

Шестнадцатилетняя девчонка из Калининской области с семиклассным образованием и без специальной медицинской подготовки попала на фронт в июле сорок первого и прошла санитаринструктором весь долгий четырёхлетний (!) фронтовой путь.

С августа сорок четвёртого Антонина Богданова стала служить в нашей 140-й дивизии санитаринструктором во 2-м батальоне 258-го стрелкового полка. Участ-

вовала в освобождении Львова, Тернополя, Перемышля, а также польских и чешских городов – Санок, Дукли, Кросно, Ясло, Струменя, Бельско-Бяла, Морвской Остравы, Праги.

Естественно, не обошлось и без увечий. Её контузило в 42-м, затем в 44-м. В канун победы – 5 мая – Антонина получила ранение в ногу и левую щеку.

27 мая 1945 года ей вручили орден Отечественной войны II степени. Но главное, как считает сама, Бог милостиво: осталась жива...

Письма, письма, письма... Сколько тысяч их проходило через руки работниц дивизионной военно-полевой почты! Вагонами отправлялись фронтальные солдатские труппы с пометкой: “Красноармейское. Бесплатно”. И вагонами доставлялись на передовую из разных краёв необъятной страны конверты (подчас руковорные, разнокалиберные) к тем, кто сражался с врагом. Эти миллионы писем были жизненно необходимы каждому, являлись буквально кровной связью фронта с тылом, солдата с родным домом.

Далеко не в каждой семье сохранились истёртые временем, теперь уже исторические свидетельства жизни людей военного поколения. Свидетельства их бед и радостей, их чувств и переживаний. Для многих это были последние строки, написанные перед гибелью...

В дивизии вся почтовая связь проходила через руки молодых женщин – приёмщиц военно-полевой станции с номером 53429.

Старшим приёмщиком была лейтенант Анна Трапезникова – девушка с довоенным опытом почтовой службы, а помощниками у неё – Марина Бессмертная, Татьяна Шаверина и Анна Петрова.

На фронте меня не сводила с ними судьба. А сейчас смотрю на их фотографии военных лет – симпатичные, улыбающиеся и серьёзные девушки, с короткими стрижками и косичками. Сравниваю их с фотографиями сегодняшних дней – степенные, умудрённые жизнью пенсионерки. И единого представления не получаю.

Однако помогла мне в этом военфельдшер батальона связи (в него вошла и полевая служба) старший лейтенант Ольга Борисоглебская:

“Когда началась война, приёмщице нашей почты Марина Бессмертной было двадцать лет. Родилась она в Сибири, закончила школу, работала на почте. В первые дни войны её призвали в ряды Красной Армии. Лейтенант Марина – хрупкая, тоненькая девочка с голубыми добрыми глазами. Офицерские погоны и детская добрая улыбка... Так это было привлекательно!.. И с судьбой своей она встретилась на фронте, полюбила и вышла замуж за начальника разведки дивизии Алексея Бессонова”.

Отправка почты в тыл была делом серьёзным. По долгу службы работники почты обязаны были читать солдатские послания, чтобы не случилось утечки сведений, которые принято относить к военной тайне: места расположения частей, проводимых и предстоящих боевых действий дивизии и т. д. А уж военная цензура находилась на военно-почтовых сортировочных пунктах, в тылу. Оттуда письма грузили в почтовые вагоны, и они шли по назначению.

Если бы все эти сотни тысяч писем, свидетельств жизни участников событий тех лет, были сохранены до нашего времени! Какой бы это был бесценный материал для понимания души народа, для прояснения многих

сторон и деталей прошедшей войны...

Трагедия в Санок

На всём боевом пути дивизии мы теряли друзей и товарищей. Немало их осталось лежать под Курском, на переправах через Десну, Сож и Днепр, в городах и селах Белоруссии и Украины, в Польше и Чехословакии. Но с особой остротой всегда вспоминается трагедия, разыгравшаяся неожиданно-негаданно в польском городке Санок, где среди раненых и погибших в схватках с врагом были мои подруги-однополчанки, непредвиденно оказавшиеся в немецком тылу. Трагедия эта осталась незаживающей раной в душах многих ветеранов 140-й, ибо произошла она незадолго до Победы, да и в обстановке относительного затишья.

Полки дивизии, ломая сопротивление львовско-перемышльской группировки противника, вступили на польскую территорию, форсировали в составе 38-й армии генерала К. С. Москаленко реку Сан и после суточного непрерывного боя взяли город Санок. И почти сразу – в ночь на 4 августа командир корпуса отдал приказ передать город частям ближайшей к нам 211-й стрелковой дивизии. Выполняя приказ, войсковые подразделения 140-й дивизии покинули город, в нём оставались лишь истребительно-противотанковый дивизион, ожидавший подвоза горючего, штаб, медсанбат, редакция многотиражной газеты и другие подразделения второго эшелона.

Медсанбат расположился в помещении городской больницы, разместив в ней раненых. Операционная стерилизовала перевязочный материал, аптека занималась подготовкой лечебных растворов... Никто и не заметил, как после полудня с южных окраин при поддержке танков в город ворвалась пехота противника. Показалось как-то даже странно: почему это в освобождённом городке затрещали выстрелы, загрестили взрывы, послышались крики и стоны раненых? По танковому грохоту, интенсивности обстрела вскоре поняли, сколь опасна обстановка. И не только опасна, но и смертельно угрожающая.

Нарастающая тревога побудила служащих медсанбата, равно как и других тыловиков, а также легко раненых бойцов искать пути к спасению. Первое, что пришло в голову – рассредоточиться и небольшими группами пробираться к своим.

Медсёстрам Надежде Архиповой и Александре Коровкиной пробивал дорогу санитар Николай Масленников. Через дворы, обходными путями они выбрались в предместье. Однако тут наших товарищей поджидала беда: пуля угодила в голову Шуре, а потом её, уже бездыханную, протужил фашистский танк...

Так же под гусеницами оборвалась жизнь санитаря Полищука. От прямого попадания снаряда погиб командир эвакуовзвода Валентин Оселков. Не удалось прорваться к своим литсотруднику дивизионной газеты сержанту Юрию Уткину, стихи которого знали и любили однополчане. Погиб Иван Денисович Носок – ездовой, которого мы любовно называли “батей”.

Люди выбиравались из захваченного немцами города, надеясь на собственную смекалку и фронтальный опыт.

Врач Валентина Хохлова спасалась вместе с ранеными, способными передвигаться. Врача госпитального взвода Екатерину Николаевну Камышлову, получившую тяжёлое ранение в ногу, спас начальник штаба медсанбата капитан Константин Лукашов. Он тоже был ранен, но

Медсестра
Ариадна Прохорова

Санинструктор
Мария Нуделёва

сумел вынести Катю из-под огня и погрузить на подводу.

Старшая медсестра медсанбата Ариадна Прохорова, не догнав ушедших подвод, спаслась только благодаря местным жителям. С группой легко раненных бойцов и медсанбатовцев её вывели к лесу. По дороге группу обстрелял немецкий самолёт, потом чуть не захватили немецкие патрули. Оно обошлось.

Аду Прохорову и Надю Архипову буквально втолкнул в свой дом местный житель и тем спас их жизни. Он же привёл польского партизана, который вскоре вывел девушек в расположение своего отряда, где нашли помощь и ещё несколько бойцов дивизии. В немецком окружении наши девочки провозвали неделю, пока не соединились с однополчанами.

Эту же неделю несколько медсестёр оставались в захваченном немцами городе. Начальник аптеки медсанбата Мария Аверьянова, старшая медсестра Мария Витинская и два санитаря, опять же с помощью местных жителей, переодевшись в гражданскую одежду, скрывались в городских развалинах. Поляки приносили им еду, заботились о них, пока не миновала опасность.

Наиболее напряжённая ситуация сложилась в те полные драматизма дни в Санокской больнице, расположенной чуть в стороне от центральной улицы, по которой двигались немцы. Здесь вместе с тяжело ранеными, а их оказалось около тридцати, всё время находилась медсестра санбата Валентина Каплева.

Когда в город ворвались немецкие танки, в больнице шла очередная операция. Начинать её наш хирург, заканчивал — польский. Семерых раненых красноармейцев поляки спрятали в подвале, одного в морге, остальных разместили в общих палатах. Всех, в том числе и Вало Каплеву, переодели в гражданскую одежду, и, когда по коридорам зашныряла немецкая комендатура, польские врачи заверяли, что никого из русских раненых у них нет.

Это был огромный риск, но поляки не уstraшили. За что низкий поклон доктору Мариану Кияру, медсестрам Саломе Зелинской, Марию Корнецкой и монахини сестре Катарине.

На следующий день после захвата города немцами в него пробрался санинструктор 96-го полка Мария Нуделёва. О судьбе своих подруг из медсанбата ей ничего узнать не удалось, но то, что она увидела, потрясло Машу, немало повидавшую на войне. Кругом валялись тела уби-

тых бойцов, издыхающие лошади, запряжённые в разбитые гружёные повозки, смятые гусеницами танков медицинские палатки, разбросанные там и сям амуниция, продовольствие, вещи, мятые оркестровые трубы, груды покорёженной техники...

Ничего не осталось от дивизионного командного пункта, от медсанбата и практически от всего, что находилось во втором эшелоне нашей дивизии. То и дело проходили группы немецких солдат, простреливая местность из автоматов и разыскивая тех, кто мог ещё уцелеть...

Надо сказать, что из этой вылазки Маша вернулась не с пустыми руками: с мешком штабных документов! А вообще — это была смелая, бесстрашная девушка. Ей не исполнилось и двадцати, когда в начале сорок третьего стала санинструктором 96-го стрелкового полка. Отличилась под Курском. Многие бойцы и командиры обязаны Маше своей жизнью, здоровьем.

На Западной Украине во время боев за Тернополь она вынесла с передовой шестнадцать тяжело раненных однополчан, разместила в сарае лесного хуторка. Когда фашисты прорвали оборону 2-го стрелкового батальона, оказалась со своим «лазаретом» у них в тылу. Не струсил, оставалась с ранеными до подхода своих.

После войны Мария Феоктистовна вышла замуж, вырастила двух добрых и трудолюбивых сыновей. А за заслуги в военно-патриотической работе награждена грамотой и нагрудным знаком Советского комитета ветеранов войны.

Дмитрий

«Жили два друга в нашем полку...» — поётся в песне. А в нашем политотделе служили три друга: Роман Кудряшов — помнач по комсомолу, Дмитрий Дажин — редактор дивизионной газеты и Эмиль Аркинд — её корреспондент. Первые двое — простые, открытые парни; третий, как полужутливо говорили они, «вшивый интеллигент». Первые двое дали мне под Курском рекомендации в партию.

Все трое были в меня каждый по-своему влюблены. Степень этой влюблённости у двоих так и осталась для меня тайной. А третий — Редактор, как часто я его называла, — стал моим мужем.

Не просто мы пришли друг к другу после почти полугодового знакомства и дружеских отношений. Своё будущее я связывала совсем с другим человеком — немцем-антифашистом, к которому потянулось сердце чуть ли не с детства. Но жизнь будто сама препятствовала нам: разлучала при каждом удобном случае. А тут война. Испытаний временем и обстоятельствами не выдержала...

Как-то в начале января сорок четвертого я пришла к Эмилю в редакцию, чтобы полакомиться ужином с трофейным плавленым сыром и послушать радио (приёмник находился только здесь).

Дмитрий встретил нас настолько враждебно, что я даже не стала снимать шинели, на глаза навернулись слёзы, совсем растерялась. Поняв моё состояние, Редактор тут же накинул маску весёлости, начал говорить какие-то нелепости, порой колкие, жёсткие, от чего стало ещё неприятней.

Ушла не попрощавшись. В голове полная путаница: тот ли это человек, которого я знала? У меня не возникало и мысли, что это проявление ревности... И вдруг от не-

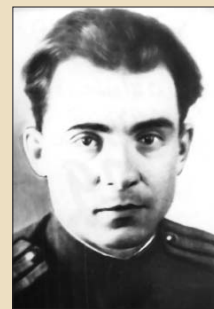
го письмо:

«...Мне очень неловко перед тобой... Я вёл себя как мальчишка — глупо. Не знаю, что со мной происходит. Или я боюсь своего чувства и стараюсь скрыть его за внешней показной нарочитой грубоватостью?.. Я, наверно, как сумасброд Гамсуна с чертовщинкой в характере, которая всё портит и всех мучит... Я не грубиян, как ты думаешь, и не надо обижаться на человека, который сам себя не понимает достаточно... Вот ты ушла, и мне стало обидно, что я не могу быть приятным для людей, для тебя, что мой смех всегда едкий, что и вообще я делаю часто не то, что думаю. Мне никогда не удавалось с тобой поговорить обо всём... Иногда сам иду встречи, но стоит увидеть тебя, особенно рядом с Кудряшовым, Шолупенко (зам. командира медсанбата. — Ред.) или Аркиндом, смотрю мимо, становлюсь замкнутой. Сердце прячется в искусственную броню и вот — грубость вместо улыбок, злые шуточки вместо задушевности. Я знаю, ты осудила меня, и от этого только больше... В твоём последнем взгляде сегодня я почувствовал столько презрения, как будто меня высекали... А мне хочется видеть тебя весёлой...»

Потом опять были письма, письма, объяснения. Были мимолётные встречи на перепутьях и длительные расставания. Радость от возникающего чувства любви соседствовала с грустью от непроходящих сомнений.

И так три месяца, пока на нерешительности и неопределённости не была постав-

лена точка.

Майор
Дмитрий Дажин

Рапорт

Это происходило весной 44-го вскоре после окончания Проскуровско-Черновицкой операции, в которой наша 140-я отличилась при освобождении города Ямполь и была удостоена второго ордена Красного Знамени.

Мы с Митей сидели за стареньким столом в полуразрушенной украинской хате. При свете керосиновой лампы сочиняли важный для обоих документ.

Митя сказал:

— Раз мы стали мужем и женой, то это надо оформить.

А как? Коль произошло это на фронте, ему, кадровому офицеру, необходимо испросить разрешение на бракосочетание у командования. И должно быть непременно два рапорта — от каждого из нас.

Он тут же настроил рапорт: «Я, капитан Дажин Д. П., редактор дивизионной газеты, прошу Вашего разрешения на бракосочетание с медсестрой медсанбата...» Ну и т. д.

А моя рука не двигалась. Внутренний протест с каждой минутой нарастал. Казалось непостижимым: почему не у родителей, а у чужих, почти незнакомых людей должна я просить разрешение на ответственный шаг в

своей жизни? На душе лежал камень.

Но всё же рапорты были написаны. Митя отнёс их в политотдел. Официального ответа мы не получили, но спустя некоторое время кто-то сообщил Мите, что на его рапорте комдив А. Я. Киселёв своим размашистым почерком начертил резолюцию: «Я не поп и не венчаю».

Так что не венчали нас ни родители, ни командование. Венчали звёзды небесные. Начиналась наша первая совместная весна. Фронтная весна сорок четвёртого года, продолжавшаяся более шестидесяти лет.

А вообще у нас в дивизии образовалось не менее тридцати пяти семейных пар, проживших в мире и согласии многие-многое годы. Но случались браки и недолговечные, не выдержавшие испытаний временем и обстоятельствами.

Всяко бывало на фронте. Впрочем, как и в тылу. Как и повсюду и всегда на земле. Люди есть люди...

Был месяц май

В семидесятые годы мне довелось познакомиться с пожилейшими от времени записками, сделанными на фронте моей однополчанкой Ариадной Дмитриевной Прохоровой, медсестрой 87-го отдельного медико-санитарного батальона.

На войну Ада ушла добровольцем. За небольшой рост, неутомимость в работе, желание поспевать везде и всюду солдаты любовно называли её Воробышком. Ценило Аду и командование. За умелые действия при переправе через Десну её наградили медалью «За боевые заслуги», а за находчивость при спасении раненых в польском городе Санок — орденом Красной Звезды.

Я выбрала те страницы её дневника, которые относятся к весне сорок пятого.

28 апреля. ...Вот уже несколько недель идём по чехословацкой земле. Разве могла когда-либо предположить подобное? До двадцати лет прожизни безвыездно на Урале. А потом, вот уже третий год, прошла в рядах действующей армии почти половину своей страны, часть Польши и Чехословакии...

Рядом со мной подружки — Маша Паркина и Валя Столбова. Из Красноуфимска мы медсестрами вместе ушли в 140-ю дивизию и все эти годы не разлучались. Они стали мне очень близки, и дружба помогала нам... Подумать только — сколько позади кровопролитных боёв (нам в медсанбате, особенно в операционной, это хорошо видно). И как много было страшных дней... Всё навечно останется в памяти. Для меня особенно страшны были дни пребывания в тылу у немцев под Саноксом...

Сейчас в душе чувство гордости за страну, армию, за всех нас, идущих к победе. А победа близка. Это чувствуется во всём. Немец бежит... Население чехословацких городов и сёл встречает нас радушно, а к советским девушкам-воинам относится особенно тепло...

7 мая. От многих слышала, что скоро будет заключён мир. Один раненый так и сказал: «Мир, сестрёнка, уже, считай, подписан! Переговоры идут...». Мы спрашиваем у райсотов — так ли это? Они улыбаются, но помалкивают. Мы находимся в возбуждении, в ожидании чего-то чрезвычайного, что всю судьбу повернёт. Но бои продолжают. Идут они и на нашем участке. Особенно тяжело и горько видеть в эти дни раненых и убитых.

8 мая. Сегодня, как всегда, дежурила в операционной. Раненые продолжают поступать.

9 мая. Обращаюсь к своим заметкам уже поздно вечером, когда все угломилось после напряжённо-ликующего дня. Даже теперь, когда официально объявлено о капитуляции немецких войск, трудно реально представить, что пришла наконец долгожданная победа...

Как это было в нашем небольшом коллективе операционного звзда и в медсанбате? В прощальной ночь никак не могли уснуть: все ждали радостную весть. Мы с подружками говорили о доме, о родных и близких, мечтали о том, что будем делать после войны.

Очень хотелось скорее вернуться на родину, начать жить новой жизнью. Сменялись над тем, что уже не можем представить себя в гражданской одежде, без шинели, без кирзовых сапог, в туфлях. Многие мечтают об учёбе, о семье. Ведь война прервала нашу мирную жизнь в самом её расцвете.

Было уже за полночь. Пряные запахи буйной весны наполняли комнату. Наконец, уставшие, вроде бы вздремнули немного. Но вдруг услышали громовой голос нашего комбата майора Ягсера: "Просыпайтесь, сон! Война кончилась!"

Все вскочили с коек, обнимались, смеялись, плакали... Мигом оделись и выскочили на улицу. А кругом множество людей — солдаты и местное население. И все возбуждены, шум необыкновенный. Солдаты падали из автоматов в воздух. Со всех сторон ночь гудела одними и теми же словами: "Победа! Мир!"

Потом начался митинг. Мы стояли, плотно прижавшись друг к другу, плечом к плечу, крепко взявшись за руки, будто враги могли снова ринуться на нас и опять вернуться на нашу землю. В глубокой тишине звучал голос майора Шолупенко: "Товарищи! Враг разбит! Мы победили!"

Крики "ура!" заглушили оратора. Затем были короткие речи. А потом началось что-то невообразимое. Издала гармошка. Разносились песни. И была ещё невероятная стрельба: кажется, падали в воздух из всех видов оружия. Это был фронтный солдатский салют в честь победы!

Весь день по дорогам шли тысячи гитлеровских пленных солдат с опущенными головами. Это были уже совсем не те немцы, которые мечтали пройти победоносным маршем по нашей родной Москве. Они боялись поднять головы, чтобы в их глазах не узнали головорезов, терзавших и убивавших советских людей — женщин, детей, стариков... Странно и удивительно было смотреть на них. Куда девались гордо-надменная, начальная осанка?.. Нет, сила не в зверствах, а в человечности. Наши войска победили, потому что были человечны. Защищая свою Родину, они защищали будущее не только своего народа, но и всего человечества!..

А чехи всё несли и несли цветы... Вот он какой был, день Победы.

10 мая. Ещё до конца не верится, что кончилась война. Сегодня я, как всегда, дежурила в операционной, так как продолжают поступать в медсанбат раненые. Несмотря на то, что официально сообщено о перемирии и капитуляции немецких войск, отдельные их части продолжают сопротивляться и нападать на наши подразделения. А ведь что может быть страшнее — погибать или быть искалеченным после того, как объявлен мир!

В полдень привезли гражданского чеха с ранением в

шею. Когда рану открыли, пуля торчала в сонной артерии. Хирург майор Алмазов молча взглянул на меня. На какую-то долю секунды мы оцепенели. Но пуля выскочила сама под напором крови. Артерию начали зашивать, но через несколько минут раненый скончался.

Через час чешка принесла ребёнка. Четырёхлетняя девочка была ранена в сердце! Малышку оперировали, извлекли пулю, рану зашили, но ещё долго разносились душераздирающие стоны ребёнка...

Только звери могли стрелять в гражданское население, в детей, к тому же когда кончилась война! Звери в людском обличье. Но зверь убивает, лишь когда голоден. Фашизм — хуже зверя!"

Мужество

Тяжёлая судьба выпала на долю Надежды Фёдоровны Барановой, сначала фельдшера стрелкового полка, затем — командира санитарного взвода. В двадцать два года, в расцвете жизненных сил она стала инвалидом первой группы. Во время наступления в предгорьях Карпат взрывом снаряда у неё перебило обе ноги, задело руку. Полтора года колдовали над ней врачи военных госпиталей. Что-то склеили, подкрепили, подлатали, но... без надежды на полноценную жизнь.

День Победы застал Надю в госпитальной койке.

"В ночь на 9 мая почему-то не спалось, — рассказывала она. — Слово предчувствие какое томило... Ночь выдалась тёплой, лунная... Я смотрела в окно и думала о своей будущей участи. На улице, почти прямо под окном, тихо постукивала "тарелка". Так называли раненые репродуктор, установленный на столбе. Обычно на ночь он немел, а тут охнул в нём какой-то шестест, вот-вот заговорит. И действительно — в два часа ночи раздались позывные Москвы и знакомый голос Левитана. Я сразу уловила слово "победа". Раненые начали подниматься. Кто мол ходит, вымши из палат, обнимались, кричали "ура", плакали от радости. А мы, лежащие, аплодировали, кричали: "Победа! Победа!"

Не забуду, как один раненый, у которого ампутировали руку, не имея возможности хлопнуть в ладоши, колотил здоровой рукой в стенку, а сам и плакал, и смеялся. Другой — на костылях пустился в пляс.

Пришли врачи, сёстры, нянечки. Возбуждение охватило всех. И весь день был такой праздничный, незабываемый. Нам казалось, что с того времени раны наши стали заживать быстрее. Всем хотелось скорее вернуться домой".

Перебирая страницы прошлого, Надежда Фёдоровна старается не вспоминать об августовском бое 44-го, оставившем на память в её теле одиннадцать осколков. Лишь с горечью подчас промолвит: "Лучше бы уж убило, чем всю жизнь мучиться..." Награды нашли её после войны: орден Отечественной войны I степени, медаль "За отвагу".

Но ведь вот что примечательно. Хотя вся послевоенная жизнь стала ежедневным, ежечасным преодолением трудностей, — терпит человек. А как же иначе, раз так распорядилась судьба?.. С верой в жизнь встретила Надя и свою неожиданную любовь. Тридцать лет прожила рядом с добрым, отзывчивым человеком, а овдовев, не впала в депрессию. В старости, практически прикованная к

постели, она не теряла интереса к жизни, ясного ума, светлой памяти, доброго сердца. Чего ж ещё? Человек мужественный, скромный и нетребовательный, просьбами не обременяет. Из своей инвалидной пенсин сама помогает семье внучатой племянницы...

И однопольчане кучковались вместе всё: каждого выслушает, посоветует, для каждого найдёт слово утешения, не откажет в пристанище. Как и раньше, когда ютилась в крошечной пятиметровой коммунальной комнатёнке...

Письма дня победных салютов

9 мая 1945 года. Москва.

"Митя! Победа! День долгожданный настал! О Боже, сколько было перенесено, сколько выстрадано, выплакано, вымучено, прежде чем дожили до этого дня! И вот нынче в два с лишним часа 9 мая я проснулась от знакомого голоса Левитана. Лежу, хочется вскочить, кричать, тормошить всех, а я лежу и не могу двинуться. Тело стало тяжёлым, и я боюсь пошевелиться, боюсь ступить происходящее. Слёзы, комок какой-то подходит к горлу, хочется зарыдать от радости, от счастья, но я проглатываю его и продолжаю слушать эту дорожную музыку слов. Наклоняюсь к дочке. Она спит сладко так, разметавшись на постельке. "Папа скоро приедет", — говорю ей. Она, как бы почувствовав, вздрагивает, открывает глазёнки, улыбаётся во сне и снова засыпает. Потом вскакиваю, бегу к своим, тормошу их, звоню всем нашим знакомым.

А вечером — салют. Салют из салютов, всем салютам салют! Непередаваемое зрелище! Несколько тысяч прожекторов, разделяющих небо на квадраты своими разноцветными лучами, сходились в пёстрые пучки, разлетавшиеся на небе всеми цветами радуги. Вокруг Москвы — неподвижные разноцветные фонари аэростантов. После салюта — ночной парад авиации с разноцветными огнями на хвостах и крыльях и тоже со сбрасыванием светящихся ракет. Как всё это чудесно! А потом пошла я на улицу. Вся Москва там — возбуждённая, весенняя, праздничная, ярко освещённая, похожая скорее на Москву далёкого будущего. Песни, шутки, всеобщее ликование, аплодисменты... Как давно я не видела такого!..

А тебе нет... С каким напряжением буду я теперь ждать твоего письма от 9-10 мая. Теперь уже, родной мой, скоро и свидимся мы, теперь уже и сомневаться не надо. Ведь так, любимый?

Стараюсь представить, что ты делаешь в эту минуту. Где, как встречаешь этот замечательный, прекрасный день, день всеобщего торжества, день Победы? Близка, близка встреча, я чувствую это, чувствует моё истосковавшееся сердце, что скоро, скоро прижмётся к нему любимый, и сразу станет легче жить, дышать... Зажмурю глаза и стараюсь представить нашу встречу, счастье, но сейчас же вновь открываю их, боюсь ступить свои мечты.

Жду тебя с победой до дому, до женки, до детей, до хаты нашей. Приходи скорей, и будем счастливы. Целую крепко. Твоя И."

9 мая 1945 года. Действующая армия. Чехосло-

Фото на память.
Медсёстры Олимпиада Корельская (слева)
и Галина Лапина с санитарями 87-го медсанбата.
28 июня 1945 г.

вакия.

"Родная! Сейчас, в два часа ночи, сообщили, что войне конец! Конеч!!! Первый тост за тебя, дорогая Иришка, за конец войны, за друзей, за всех, кто выжил и победил, и за всех, кто пал в боях, кого мы потеряли... Подумать только, сколько же нам пришлось ждать этих счастливых, незабываемых минут. Я плачу от радости..."

Войне крышка! Ещё вчера гремели орудия, ещё вчера шёл бой, были раненые. Я был там, в этом последнем бою войны, чувствовал и переживал это глубоко-глубоко. И вот нынче в два часа ночи, когда я писал передовую "Доконать фашистского зверя!", когда дежурил по номеру, сообщили, что война кончилась, и пришлось ломать номер, пришлось на всю газету набирать слово П О Б Е Д А! И поверь, такое состояние души, что слёз радости не сдержат.

Мы все здесь в первые мгновения словно ошалели. Обнимались, кричали "ура!", бросали вверх фуражки, стреляли, били посуду, орал как сумасшедшие, матерились отчаянно. Спать, конечно, не ложились. Наш поэт Анатолий Чивилихин, утром забравшись на старую лигу, декламировал стихи и экспромтом сочинял непечатные частушки о Гитлере... А на улице, где расположились некоторые наши подразделения и части, проити невозможно. Люди потот, танцуют, пьют водку, радуются. Салюты гремят из всех видов оружия.

Однако на нашем участке идут ещё бои. В Чехословакии, в самой Праге и около неё, не сдаются войска фа-

**Встреча однополчанок
в московской средней школе №838
9 мая 1979 г.**

натичного немецкого генерала. Но всё равно и этого добыют.

Милая моя, война кончилась! И я верю, мы скоро будем, должны быть вместе!

Твой Митяка”.

Возвращение

Прошлое и настоящее. Для нас, ветеранов Великой Отечественной, они не разделены десятилетиями. Они переплетаются и живут в мыслях, воспоминаниях, раздумьях. Фронтовое поколение – не просто свидетель времени и событий. Оно активный участник истории нашей страны. Это поколение не забыло прошлое и глубоко переживает настоящее.

И теперь мы вспоминаем 45-й победный год и тот вдохновенный подъём, который охватывал сердца только от одного сознания: мы – победители! – возвращаемся на родную землю, где нас ждут, где нас любят, нами гордятся.

Незабываемы эти дни.

Первыми, кто познал радость встречи с Родиной, были участники Парада Победы, выехавшие в Москву в начале июня. Вот что рассказывает об этом один из них – кавалер ордена Славы Николай Иванович Козловский:

– Специальный поезд с фронтовиками-победителями, украшенный флагами, транспарантами, гирляндами цветов, мчался в столицу. Позади остались Германия, Чехословакия, мы едем по территории Польши. В окнах мелькают полустанки, деревни, леса...

Когда же будет наша граница, когда появятся наши родные деревни, сёла, станции, когда нам улыбнутся наши милые девочки? И вот наконец родная земля!.. Волнуемся. А разве можно не волноваться, когда ты видишь страну, которую защищал? А поезд всё мчится вперёд по земле, измученной боями!..

Уже 14 мая воины 140-й дивизии начали готовиться к длительному маршу в район постоянной дислокации. С каким нетерпением ждали этого марша бойцы и командиры! И вот 4 июня он начался. Протяжённость – 1651 километр. Полтора месяца занял переход от предместий

Праги до украинского Прикарпатья.

Медсанбат дивизии передвигался на машинах. Прошедшая весь боевой путь с родной дивизией старший сержант медицинской службы Олимпиада Николаевна Корельская так запомнила те дни:

“Сидим на ящиках в кузове грузовика, смеёмся, поём песни. И все такие счастливые. Наконец-то война стала пусть тяжёлым, но воспоминанием. Проехали чехословацкую границу, едем по польской земле. И повсюду люди при-

ветствуют нас, кричат “Спасибо!”

Приближается наша родная, советская граница. Сердце бьётся всё чаще и чаще. И вот польские пограничники машут руками на прощание. Мы увидели нашу погранзаставу, пограничников в зелёных фуражках. И, не сговариваясь, вдруг разом подскочили, захлопали в ладоши, закричали: “Россия! Родина!” А когда машина остановилась, соскочили на землю. Обнимали друг друга, а потом склонились к земле и целовали её, нашу родную, так обильно политую кровью в боях”.

Эти чувства просились в стихи. И такие стихи рождались:

...Синеет гибкая река,
Ромашки на лузу белеют.
И жадно тянется рука
К земле, что нам всего милее.
Она соскучилась по нас,
И нам желала лучшей доли.
Вокруг, куда ни кинешь взгляд,
Родная ширь, родное поле.
Земля! По ней солдатский путь
Пролёг окотными следами.
Чтоб мир стране своей вернуть
Мы в адово бросались пламя.
Сражались насмерть под огнём
На каждой высоте, на склоне.
И кажется, что жжёт ладони
Политый кровью чернозём.

Они написаны летом

Сегодня мы заканчиваем

публикацию воспоминаний

ветерана внутренних войск,

активной участницы

Великой Отечественной

войны И.М. ДАЖИНОЙ.

Мы от души поздравляем

Ирину Мартиновну

с 65-летием

Великой Победы,

а также с выходом

в Новосибирском

книжном издательстве

её книги

“Девушки

в кирзовых сапогах”

Ирина Дажина
в кирзовых сапогах